МОЛОДЫЕ БОГИ

ЗАБЫТЫЙ ПУТЬ

КНИГА ТРЕТЬЯ

ANGEL DELACRUZ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Он видел, как погибает его подруга под колесами автомобиля с опьяненной дурманом и безнаказанностью молодежью. Последнее что он запомнил — вспышка выстрела от направленного в лицо пистолета. Очнувшись после смерти, он оказывается в Великом Городе эпохи Траяна, где — к удивлению, звучит русская и английская речь. И первое, что предстает его взору — невыносимое зрелище того, как высокородный покупатель уводит в рабском ошейнике его любимую девушку.

- Молодые Боги. Забытый Путь
  - Глава 1. Воскрешение
  - Глава 2. Форсаж
  - Глава 3. Mobilis in mobili
  - Глава 4. Царская тиара
  - Глава 5. Спасение души
  - Глава 6. (…) Эмеральд
  - Глава 7. (…) Возвращение
  - Глава 8. Взаперти
  - Глава 9. Кошмар
  - Глава 10. По сенью мрака
  - Глава 11. (…) Ребекка
  - Глава 12. Гиблая топь
  - Глава 13. Повелители Зверей
  - Глава 14. Преисподняя. Болотный лагерь
  - Глава 15. Преисподняя. Фамильяр
  - Глава 16. Преисподняя. Осада
  - Глава 17. Тени любви
  - Глава 18. Красный крест
  - Глава 19. (…)
  - Глава 20. Новый уровень
  - Глава 21. Последний приют
  - Глава 23. Отторжение Памяти
  - Глава 25. Брифинг
  - Глава 26. (…)
  - Глава 27. Королевская Битва
  - Глава 28. Капитолийский холм
  - Глава 29. Баронесса М
  - Глава 30. Апофеоз
  - Глава 32. Портальное перемещение
  - Глава 33. Пирамида Хорса
  - Глава 34. Москва. Ордынка

- Глава 35. Клеопатра
- Глава 36. Тени настоящего
- Глава 37. Три толстяка
- Глава 38. Забытый Путь
- Глава 39. Адель
- Глава 40. Ребекка
- Глава 41. Сакура
- Глава 42. Новый уровень

Молодые Боги. Забытый Путь
Angel Delacruz

Глава 1. Воскрешение

«Я в раю?»

Подо мной была мягкая, словно перина, трава — лежать на такой легко и приятно. Сквозь шелестящие листья виднелось пронзительно-голубое небо. Сочность красок казалась невероятной — идеально яркий мир.

Осознавая, что вновь очнулся после смерти — теперь самой настоящей — в саду рабовладельца Павла из Лаэрты, я попытался привести в порядок мысли. В этот раз даже встать не пытался. Понемногу приходя в себя, глядя сквозь кроны деревьев на небосвод, почувствовал ледяное дыхание холода по спине — перед глазами как живая возникла картинка того, как одинокая слезинка катится по щеке Сакуры.

От тяжелой, всепоглощающей злости — заполнявшей сознание, — не давая холодно осмыслить произошедшее, из груди вырвался едва слышный стон.

Евгений Воронцов против Неприветливой Реальности: счет «ноль-четыре» не в мою пользу. «Ноль-четыре» — это если не забывать о смерти Юлии и переходе Кати в состояние растения, принесших два дополнительных очка в пользу Реальности.

Забывшись в мыслях, я дернулся было — пытаясь подняться, но тело не слушалось. Зажмурившись, выдохнул и раскрыл ладони, формируя жидкое пламя и понемногу втягивая в себя энергию. После того как по жилам бурной горной рекой потекла обжигающая боль усвояемой магической силы, не сдержал стон. Чувства моментально обострились — я услышал шелест листьев над головой, очень далекие негромкие голоса и тяжелые приближающиеся шаги.

Открыв глаза, встретился взглядом с подошедшим Гармундом. Знакомое, совершенно непривлекательное лицо — широкое, грубое, с затейливой вязью татуировки, спускавшейся со щеки на шею. Надсмотрщик недоуменно оскалился, показав крупные желтые зубы, и грубо схватил меня за предплечье, пытаясь поднять. Используя его руку как рычаг, я встал сам и, не сдержавшись, резко дернул. Словно сломанный сухой сук треснула кость, а крик Гармунда заглушил хлесткий удар наотмашь ладонью по лицу. Ошеломленный надсмотрщик упал, а я, выплескивая остервенение накопившейся злости, ударил ногой сверху вниз, ломая ему шею.

Так. Спокойнее надо быть — мысленно сказал сам себе, приводя дыхание в порядок и осматриваясь. Ухоженный сад,

огражденный высокой каменной стеной, никак не изменился с предыдущего посещения. Ворота, у которых когда-то стояла архаичная повозка, были закрыты, а телега отсутствовала.

И, как и в прошлый раз, на мне была лишь набедренная повязка. Коротко осмотревшись по сторонам, я присел рядом с трупом надсмотрщика и протянул к нему раскрытую ладонь, объятую жидким огнем. Когда почувствовал на лице обижающий жар, невольно искривил губы в гримасе отвращения, глядя на исчезающего в пламени надсмотрщика. Несколько секунд — и на месте трупа осталось лишь выжженное пятно желтой земли в форме человеческого тела.

Поднявшись, вновь осмотрелся. Никого. И, кинув взгляд поверх деревьев, заметил далеко вдали плотный столб поднимающегося дыма. Точно. Наступает последний день Помпеи — вспомнил я год, в котором жил мир Империи — находящийся неподалеку от города Везувий пробуждался.

Отличное начало нового дня в новом мире.

Закинув руку за спину, пощупал место чуть ниже шеи. Там, где всегда — что здесь, — в Новых Мирах, что в первом отражении — чувствовал под кожей нейроблок. Точнее, раньше чувствовал — сейчас под кожей не ощущалось ничего.

Пытаясь справиться с эмоциями, отошел к дереву и сел в тени, прислонившись к стволу, собирая мысли в кучу. Жуткой смеси непонимания и паники, как в прошлый раз после воскрешения, не было, но мысли путались, словно скача галопом. Догадки сменяли одна другую, а кулаки то и дело сжимались в бессильной ярости.

«Прошу тебя, не отказывай девушке, которая в тебя влюблена», — зазвучали в ушах мелодичные слова, произнесенные с чарующим акцентом. Влюбленные девушки — смертельно опасная сила. Вот только раньше бы об этом знать — скрипнул я зубами, поднимаясь с земли.

Ребекка должна найти меня с помощью Карты Хаоса в ближайшее время — а пока можно наведаться в гости к Лаэртскому. И одежду найти какую-нибудь — не в набедренной же повязке графиню встречать.

Миновав заросли аккуратно подстриженных кустов, бесшумно вышел к навесу с жаровней. Сад оказался пуст — ни рабов, ни надсмотрщиков. Пройдя по ухоженной тенистой аллее, вышел к широкой мраморной лестнице, ведущей на террасу, огражденной балюстрадой. Миновав анфиладу ниш, в которых прятались чудесные статуи, зашел в сад.

— Всем привет, — по-свойски произнес я, не подумав, и едва дернул губой. Хорошо Ребекка не видит, а то было бы сейчас

неуютно под строгим взглядом зеленых глаз — графиня в последнее время внимательно следила за моими манерами.

Павел из Лаэрты, играющий в шахматы под сенью раскидистого дуба, начал подниматься в недоумении, его гость — немолодой седой мужчина в тоге — удивленно посмотрел на меня.

Глухо загремело железо, и ко мне быстрым шагом направилось сразу трое воинов, скрывавшихся до этого момента в тени арки.

— Стоять! — убедительно произнес я, поднимая раскрытые ладони. И вздохнул — охранники виллы останавливаться явно не желали, обнажая мечи. Огненная плетка хлестнула вперед, остановив порыв нападавших — свалившихся безжизненной и неприглядной кучей на тропинке.

Подойдя ближе и подобрав один из мечей, я направился к невысокому столу. Павел при моем приближении грузно опустился на скамью, тяжело выдохнув. Его красное, мясистое лицо покрылось бисеринками пота, а вены на лбу вздулись от напряжения и страха.

— Аркадианцы есть? — поинтересовался я.

— Н-нет, мой господин, — подобострастно выдохнул Павел, выполнив поклон из сидячего положения. Я посмотрел на его гостя и разочарованно поцокал языком. За мгновенье до того, как сорваться в скольжение — оборачиваясь и коротким ударом оголовья меча отправляя в бессознательное состояние бросившегося на меня сзади телохранителя.

Оглушенный ударом меча покатился по земле, нелепо раскидывая руки и ноги — силен, метров семь на меня летел из укрытия. Наемник, не иначе — кожаная куртка с металлическими вставками, широкий пояс, высокие сапоги с боковой шнуровкой. Возможно даже из той самой гильдии наемников, с которой связывалась Юлия — для того, чтобы вызволить меня из дома Квинта Остория Джонса. Такой телохранитель — посмотрел я на безжизненно остановившееся тело, — даже со скидкой стоит как минимум несколько тысяч сестерциев в час. Подумав об этом, я внимательно окинул взглядом взволнованного гостя Лаэртского.

— Вы только не уходите никуда, — попросил я Павла и ошарашенного неудачей телохранителя незнакомца. И тут же резко обернулся — увидев движение, провожая взглядом нескольких невозмутимых слуг. Рабы, не поднимая глаз, торопливо пробежались от арки особняка и принялись убирать беспорядок на мощеной мрамором дорожке — не поднимая взглядов.

Обойдя грузную женщину с деревянным ведром —

вытирающую кровь с белый камней дорожки, — я приблизился к оглушенному наемнику и быстро избавил его от одежды. С отвращением отбросил в сторону собственную грязную набедренную повязку и, переоблачившись, повернулся к безмолвному Лаэртскому и его гостю.

Стоило только оказаться в привычном — для новых миров, наряде — как почувствовал себя гораздо лучше. Капюшон надевать на стал, зато невесомый платок наемника пришелся кстати — обмотав шею, совсем немного скрыл нижнюю часть лица — делая недоступным свою идентификацию тем, кто пользуется расширенными настройками интерфейса. Неплохой шарфик, больших денег стоит — лишь отметил мельком.

— И еще раз здравствуйте, — изобразил я легкий полупоклон, затягивая широкий, украшенный матовыми бляхами пояс и подходя ближе.

— Здравствуйте, мой господин! — подобострастно произнес Павел, порываясь свалиться на колени, но я остановил его резким, скупым жестом.

— Еще раз. Аркадианцы есть?

— Нет, нет, мой господин, — опустил голову Лаэртский, скривив набрякшие, раскрасневшиеся щеки.

— А если найду?

— Смилуйтесь, мой господин! — замотал головой Павел, став похожим на отряхивающегося бульдога, и склонился еще ниже, все же падая на колени.

Сделав быстрый скользящий шаг, я с силой воткнул меч ему в спину, пригвоздив работорговца к земле — клинок остановился только тогда, когда перекрестье гарды уперлось в позвоночник. Обернувшись, коротко окликнул взглядом слуг и показал на грузное тело Лаэртского. Сразу несколько безмолвных рабов подбежали и подхватили бывшего хозяина. Прежде чем они — с видимым трудом — поволокли его прочь, я вытянул меч. Отметив при этом, как невольно перекосило незнакомца напротив от противного звука режущего плоть железа.

— Какой ужасный и неприветливый мир вокруг, — покачал я головой, присаживаясь, положив клинок рядом. Незнакомец лишь вздрогнул от скрежета оружия о полированную поверхность стола. Коротко глянув в бесцветные глаза под кустистыми седыми бровями, я пожал плечами и убрал меч со стола на скамью.

— Кхм, — кашлянул незнакомец, пытаясь что-то сказать, но не справился с голосом — глядя на багровые капельки крови на белом камне столешницы.

— Согласен, — кивнул я, рассматривая положение на шахматной доске. — Очень, очень неприветливый, — и

враждебный. Я только поздоровался, а на меня уже с обнаженными мечами. Это же нецивилизованно, как считаете?

Мыслей — и ошеломления от произошедшего десять минут назад в Красноярске — было так много, что голова раскалывалась. Осознание своей смерти в первом отражении, отсутствие нейроблока в спине, предательство влюбленной — она не врала, я это почувствовал, — Сакуры, навалилось тяжким грузом. И, как и чуть больше месяца назад, я абстрагировался от происходящего. Сосредоточившись лишь на одном — ожидая, пока появятся Ребекка с Юлей.

— Что? Простите, отвлекся, — посмотрел я на незнакомца.

— Кхм. Я понимаю, охрана. Телохранитель с прямой агрессией, — ровным сухим голосом произнес незнакомец. — Но Павла вы убили без видимой причины.

— Серьезно? — расплылся я в широкой улыбке, больше напоминавшей оскал: — То есть вы считаете для того чтобы убить работорговца — должна быть веская причина?

Вспомнив, как саднили сбитые ступни и жгли спину отметины кнута, я еще раз посмотрел в сторону стены особняка — группа рабов только-только приволокла к арке тело Лаэртского. Грузная женщина, которая собирала части охранников, в этот момент бросила мокрую тряпку на камень тропинки, собираясь замывать кровь — оставшуюся после волочения бывшего хозяина. Краем глаза я заметил, как человек напротив меня вновь — при звучном шлепке тряпки, вздрогнул.

— Кхм-кхм, — сделав вид, что пытается справиться с голосом, незнакомец даже кулак ко рту поднес, выгадывая себе паузу для размышлений над ответом.

— Чей ход? — бросил между тем я взгляд на шахматную доску, изучая ситуацию. Лаэртский, судя по всему, играл неважно — у его гостя по фигурам был явный перевес. И едва я спросил, как почувствовал враждебную энергию вокруг — по всему периметру здания.

Подхватив меч, я вскочил и быстрым шагом направился прочь от стола, выходя в центр сада — но не представляя, с какой стороны ждать надвигающуюся опасность. Невольно сжав рукоять меча, я настороженно осматривался по сторонам, медленно разворачиваясь. Тишина вокруг стала вязкой, неприятной — казалось, опасность со всех сторон.

Гость Лаэртского наблюдал за мной, не понимая в чем дело, как вдруг стена за его спиной брызнула пылью, разрушаясь словно от направленного взрыва, и седой незнакомец исчез, погребенный под булыжниками. С емким хлопком вылетели ворота сада, стена вздрогнула уже по всему периметру, то тут, то

там исчезая в клубах магических всплесков, а с неба в меня уже летели десятки файерболов, ледяных глыб и искрящихся молний.

Глава 2. Форсаж

Видя буйство направленной на меня агрессивной силы, я — даже не успев осознать, что делаю, — упал на колено и активировал защитную сферу.

— Воу, — только и успел беззвучно выдохнуть, прежде чем — по ощущениям, — само небо обрушилось на меня. Заполыхало вокруг пламя, заискрился взрывающийся лед, пересекли пространство угловатые плети молний — скрещиваясь на том месте, где был я. Вокруг метались яркие всполохи всех цветов радуги, бугрилась рваная земля, брызгали крошкой остатки стен, а сфера опасно изгибалась — отдаваясь пронзительной болью в руку, вскинутую в защитном жесте.

Понемногу рука задрожала от напряжения — держать защиту было сложно, а атака только началась. Разом убирая сферу и одновременно входя в пространственное скольжение — спасаясь от десятка умелых стихийных магов и преодолевая сопротивление замедлившегося времени, я подпрыгнул. Избегая ощерившейся колкими осколками ледяной плети, миновал толстый столб ударившей в землю молнии и, случайно запнувшись о вздыбившийся пласт земли, начал валиться на плечо. Прямо передо мной возникло сразу несколько файерболов, а следом огненная плеть. Пусть время текло невероятно медленно, но я не успевал избежать столкновения и — увернувшись от файерболов, — оказался прямо под плетью. Машинально подпрыгнул — но увидел, словно в замедленной съемке, — как тугая огненная полоса приближается быстрее, чем я отрываюсь от земли.

Доспех духа должен был выдержать, но это ведь была моя стихия — огонь, поэтому я в последний миг успел подставить под первый пламенеющий хлыст ладонь. Пламя обволокло руку, и я со всей накопившейся злостью потянул в себя энергию — отголоском сознания уловив мучительный крик боли. Разворачиваясь в пируэте, хлестнул вытянутой силой вокруг себя, заворачивая огненную плеть смертельным вихрем. Брызнули, превращаясь в пыль, остатки стен, мелькнуло в небе несколько фигур защищенных доспехом духа магов — те, кто смог выдержать удар, словно кегли полетели прочь.

Время вернулось к привычному бегу, а я заскочил в арку входа в особняк. Упав и проскользив по гладкому полу несколько метров — счастливо избежав брызнувших колкой крошкой преследующих ледяных молний, побежал по опоясывающему

общий зал коридору, чудом уклоняясь от падающих колонн и обломков статуй. На пути попалось несколько человек в темной униформе ассасинов в тяжелых капюшонах — со скрытыми масками лицами. Одного из них, снова входя в скольжение, я использовал как щит и, отбросив засветившееся от попадания молнии тело в двоих, закрывших дорогу, выскочил на главное крыльцо особняка.

Здесь меня встречала внушительная делегация — закрывшись ростовыми щитами, по периметру крыльца стояла группа воинов в тяжелых доспехах, вооруженных длинными пиками. На наемниках я увидел грязно-белые накидки, смутно знакомые — но задуматься об этом не успел. Почти сразу как я появился, защелкали арбалеты — и в меня полетели усиленные магией стрелы. Позади раздался грохот: особняк Лаэртского рушился. Когда я бежал по общему залу, направленных в меня заклинаний было настолько много, что они избавили строение от большей части стен.

В спину мне ударило несколько крупных булыжников, бросив вперед — прямо на арбалетные болты. Заметавшись между магических стрел и прыснувших камней, я — словно шарик в пинбол-машине, — отлетел на десяток метров. Тяжело приземлившись на землю, с трудом фокусируя взгляд и пытаясь зацепиться за ускользающее сознание. По наитию, в последний момент — забарахтавшись как жук и оттолкнувшись ногами, сумел откатиться в сторону, — избежав удара ледяной глыбы.

Взбрыкнувшая от попадания земля, прыснув брусчаткой — словно волной, — отбросила меня прочь. Сверху пронзительно закричал ящер — один из чародеев-охотников спустился ниже других, пытаясь достать меня заклинанием. Многочисленные маги, бывшие на земле, уже подтягивались на огонек — а я снова бежал, от полученных ударов не совсем понимая, что делаю. Доспех духа держался, но ощущение было, словно мне надели на голову кастрюлю и сильно били по ней широкой лопатой. Мыслей никаких — безумная гонка просто не давала времени сосредоточиться на чем-либо больше чем на мгновенье.

Действуя больше на инстинктах — не прекращая движения, я проскользил между выставленных пик и вломился в строй, работая кулаками. Объятые пламенем, они легко вскрыли доспехи двух ближайших огромных устрашающих воителей. По остальным вдруг ударили ледяные глыбы — сминая доспехи, как консервный банки, — чародейка сверху продолжала бросать заклинания, даже не заботясь о жизнях наемников.

Аура места неожиданно полыхнула невиданной силой — настолько сильной, что на мгновенье мне стало страшно. Видимо

— подошла тяжелая артиллерия, — понял я, чувствуя агрессивный выброс магической силы невероятно высокого порядка — и, повинуясь наитию, подпрыгнул. Заскочив на плечи ближайшего воина, закованного в железо с ног до головы на манер массивной башни, я взвился в прыжке. Прямо под пушенную поодаль ледяную молнию — даже уклоняться не стал, принимая удар магической стрелы грудью. И полетел вверх, открыв рот в беззвучном крике. Миновав десяток метров, на мгновенье машинально зажмурившись, защищая глаза от брызнувших ледяных осколков, я извернулся и увидел парящего неподалеку ящера. Резкая, даже болезненная ультрамариновая вспышка перед глазами, еще одна — и я уже, скакнув через пространство — приобретенной в теле Юлии способностью — вцепился в ошеломленную чародейку.

Юное, почти детское лицо исказилось гримасой ужаса, а я ударил головой — оглушая, ломая вздернутый, покрытый веснушками и такой забавный носик чародейки. Разбивая доспех духа — легкий, дежурный, — погрузил объятый пламенем кулак в грудь охотницы, вытягивая всю жизненную силу. Полыхнул ярким синим пламенем артефактный камень в диадеме чародейки — она была стихийным магом не высшего ранга и пользовалась заемной силой. Но той было настолько много, что взрыв оказался ужасающим — при этом мой доспех духа практически выдержал, лопнув в последний момент. Я почувствовал, как лопаются губы, как глаза заливает горячей кровью, а в тело словно вонзается десяток острых стеклянных ножей.

Получив столь оглушающий удар, я не совсем представлял, что происходит. Но краем разума осознавал, что вокруг меня словно сама реальность гнулась от потоков энергии — дворец Лаэртского, и так наполовину разрушенный, вдруг взорвался. Невосприимчивый к магии ящер подо мной — оставшийся невредимым после взрыва артефактного накопителя, — кубарем завертелся в воздухе, отброшенный ударной волной. Я едва успел вцепиться в поводья левой рукой, сжав коленями чешуйчатую шею под ногами — чудом удержавшись на рептилии.

Пронзительный крик болью стеганул по ушам — умирающая чародейка взбрыкнула, пытаясь убежать от боли. Да, неприятное ощущение — когда из тебя жизненную энергию грубо тянут огненными щипцами. Ящер подо мной от крика хозяйки суетливо заметался, забив перепончатыми крыльями, но ударом локтя я вышиб чародейку из седла, отбросив в сторону. Тело ее рассыпалось в прах, а я, схватив поводья и занимая место наездника, положил ладонь на загривок стремительной рептилии. Опять же действуя на инстинктах, даже не думая. Ящер

— в которого прянула чистая огненная энергия, — пронзительно закричал и словно ракета взмыл в небо, оставляя за собой дымный след. Мелькнули перед глазами перья и ошметки попавшегося на пути грифона, белые клочья облаков — и я оказался на невероятной высоте.

— Воу, — только хлопнул беззвучно ртом — увидев, что ящер подо мной перестал существовать, — вогнав его в форсаже за облака, я просто спалил животное к чертям. На миг зависнув в воздухе, я начал падать — с запястья при этом сорвался обугленный ободок диадемы, неведомо как зацепившийся за руку и проделавший вместе со мной столь головокружительный полет за облака.

Перед глазами появилась багровая пелена, а голову словно сжало тугим обручем — я не рассчитал с использованием энергии. Титаническим усилием воли пытаясь сохранить сознание, замечая хлынувшую по лицу кровь — раскинувшуюся фонтанным веером из-за давления воздуха. Расставив руки, растянув плащ словно при полете в вингсьюте, я попытался планировать — падая, все больше набирая скорость.

Ветер свистел в ушах, беспрерывно гулко хлопала ткань плаща, залитые кровью глаза было не открыть от потока набегающего воздуха, дышать практически невозможно — а еще я с большим трудом цеплялся за реальность, стараясь остаться в сознании.

Земля стремительно приближалась — и на глазах расширялась желтая петляющая лента дороги. Левитировать сейчас не хватит сил — даже слабо ориентируясь в реальности, я понял это осколками оставшегося сознания.

Как назло, по ленте дороги тянулась длинная вереница повозок: несколько крытых фургонов, а также три заполненные овощами повозки с открытыми низкими бортами. Используя магию — оперируя оставшимися крохами энергии, я направил полет в сторону густой рощи неподалеку от дороги. Не долетел совсем немного и десятке метров от земли бросил все оставшиеся силы, замедляя полет левитацией. Получилось совсем плохо.

Перед тем, как потерять сознание, почувствовал сильный, но не жесткий удар — и лишь заметил, как капустные листья с морковной ботвой прыснули по сторонам.

(…)

— Он был здесь! — пронзительно тонко вскрикнула Юлия. За ее криком последовал резкий, хлесткий удар стремительной плетью магии — и зазвенела по каменным обломкам покатившаяся голова шевельнувшегося было воина.

Ребекка, обозревая пепелище, оставшееся от виллы Лаэртского, спорить с малышкой Джули — магистром цитадели Эмеральд для других — даже не думала. Настороженная графиня следовала за девушкой, обозревая развалины взглядом, горящим зеленым огнем.

Обе были в униформе цитадели, мимикрировавшей под реальность мира Империя — высоких сапогах с боковой шнуровкой, обтягивающих штанах, подчеркивающих талию тугих кожаных куртках с большим количеством карманов, подпоясанных широкими поясами. Двигаясь быстро, но осторожно, девушки шли по пепелищу, как вдруг двигавшаяся первой Юлия метнулась вперед — только мелькнула росчерком худенькая фигурка.

— Стоять! — с визгом рассерженной кошки закричала Юлия, мигом исчезая. Материализовавшись в десятке метров, она стальным захватом обуянной магическим сиянием тоненькой руки зажала шею опешившего чародея, только-только выбравшегося из-под завалов. Всплеск энергии девушки был так силен, что вместе с магом она еще достаточно далеко пронеслась вперед, оставляя в земле глубокую борозду.

В этот момент рядом с Ребеккой звонко ударился оплавленный черный ободок диадемы с углем вместо артефактного камня. Проводив взглядом поскакавшую по камням сплющенную, обугленную драгоценность, графиня коротко глянула вверх — туда, где под свист крыльев оседлавшая дракона Адель догнала последнюю чародейку. Истошно закричал перекушенный напополам грифон, а тело в красной мантии разделилось под длинными, как сабли, зубами на несколько частей.

— Я выжгу тебе мозг! — зашипела между тем Юлия в лицо чародею. — Говори! — вновь едва не завизжала она, с трудом сдерживая обуревающие эмоции.

— Ап-па-па-п-п-п… — захлопал губами ошарашенный маг, обезумевший от страха перед пугающим взглядом незнакомой и ужасающей своей энергетической аурой чародейки.

Юля оскалилась в гримасе, показав ровный ряд жемчужных зубок, и ее пыльцы слегка сжались, погружаясь и выжигая ледяным пламенем плоть чародея.

— Я скажу! — обретя дар речи, завизжал тот от боли. — Белый Отряд, Хеллгейт, нас наняли двадцать минут назад, тариф по тройной ставке!

— Зачем?

— Захватить одного чародея здесь, здесь, в усадьбе…

— Как его зовут?

— Не знаю! — визг боли пытаемого, чьи внутренности заполняли щупальца ледяного пламени, едва не перешел в ультразвук.

— Как он выглядит?

— Юноша — лет восемнадцати, средний рост, волосы…

— Кто нанял? — выдохнула Юлия.

— Я не зна… — захлебнулся чародей криком, и вдруг его тело взорвалось. Юлию отбросило, так что она покатилась по земле — подняться ей помогла Ребекка, оказавшаяся рядом.

Волосы девушки разметались по плечам, но встав на ноги, она выглядела так, будто ничего не случилось, лишь верхняя губа едва подергивалась от сдерживаемой ярости.

— Адель! — закричала Ребекка. Негромко — но целенаправленно усиленный магией крик француженка услышала. Заревел дракон, повинуясь наезднице — и спланировав, приземлился, взрыхлив когтями землю. Повинуясь воле наездницы, монстр приник к земле, так что сидящая в высоком седле Адель оказалась совсем близко к графине. Крупный глаз с вертикальным зрачком моргнул совсем рядом с Ребеккой, но та даже не обратила внимания, разглядывая оставшиеся в зубах ящера ошметки красной мантии.

Юлия краем глаза видела, как Ребекка прокричала Адель что-то по-французски — и дракон взмыл в небо. Несколько сильных взмахов крыльев, поднимающих монструозную рептилию вверх, и вот уже ускорившийся ящер исчез среди облаков, направляясь в Атлантиду.

— Карта Хаоса, отправила следить, — пояснила графиня, подходя к Юлии. — Здесь был Белый Отряд и маги Красной Розы, и мне это очень — очень! — не нравится.

— Вольные Роты Альбиона, — кивнула Юлия, глядя на исходящий паром шлем неподалеку — гнутое железо покрывала паутина измороси. Подойдя, девушка пнула стальное ведро с остатками головы наемника из вольной роты и вдруг резко обернулась на звук открывающихся порталов. Ребекка оказалась рядом — но из проемов выпрыгнули Майя и пятнадцать наемников. Чародейка увидела жест Ребекки и приближаться не стала. Три пятерки наемников — три элитных звезды из гильдии Серых Теней, разошлись по разным сторонам — маги активировали защиту, настороженные воины готовились убивать непрошеных гостей — если те появятся.

Рядом вспухли еще несколько порталов — и на развалинах появилась Софья в сопровождении Блейза и Хорька, а чуть погодя Геральт. Следом за беловолосым прибыли еще два десятка наемников. Это были скифы и варяги из гильдий Гипербореи —

все лучшие наемники, кого он смог найти в столице — Новограде — в кратчайшие сроки.

— Мы кого-то ищем, да? — громко спросил Санчес у идущей впереди хмурой девушки.

— Да, — односложно ответила Софья.

— А кого?

— Просто будь рядом и убивай, кого покажу, — сквозь сжатые губы произнесла девушка, вглядываясь в Юлию. Увидев едва заметный кивок, Софья прерывисто вздохнула и замерла, не подходя к совещающимся вполголоса магистру и графине. Блейз и Санчес, облаченные в артефактные доспехи из хранилища Эмеральда, замерли рядом с ней, внимательно обозревая окрестности.

— Мы не его ищем? — с любопытством поинтересовался Санчес, показывая на дымящийся остов дерева, крона которого была прижата к земле внушительным обломком стены.

— Кого? — глухо переспросила Софья, а Ребекка с Юлией замолчали, оборачиваясь. Санчес, обрадованный тем, что может показать богатырскую удаль, дарованную эпическими доспехами, подскочил к дымящимся останкам векового дуба и, раскидывая камни, продемонстрировал Софье в небольшой нише чудом не раздавленную полуголую фигуру с кляпом во рту и связанными руками.

— Ищем не его, — ровным голосом произнесла оказавшаяся рядом магистр, оттесняя Санчеса. Материализовавшаяся рядом старший мастер цитадели Луиза Шарлеруа, про которую ходило много разных слухов, связанных с ее отношениями с Джессом Воронцовым, так сверкнула пламенеющими зеленой магией глазами, что Санчес невольно отшатнулся.

В тот момент, когда магистр Орлова выдернула кляп изо рта связанного, старший мастер Шарлеруа поставила непроницаемую магическую завесу, огораживая пленника и допрашивающую его девушку от окружающего мира.

Глава 3. Mobilis in mobili

С усилием поднимаясь, задрожали веки — открывая серо-желтую муть перед взором. Но, не выдержав даже столь легкого напряжения, упали словно рухнувший занавес. Следующая попытка открыть глаза вновь не увенчалась успехом.

Раскрыв ладони, едва шевеля непослушными пальцами, практически беззвучно застонал — с усилием потянув в себя магическую энергию. Ощущение было, словно наждачкой по открытой и глубокой ране провожу — причем по всему телу. Но силы возвращались — как и возможность кричать от боли. Хлынувшая в меня энергия восстанавливала поломанный организм, а я, не выдержав, изогнулся дугой, невольно разбрасывая овощи вокруг себя.

«Какие овощи?»

— А-а-а… — словно выныривая из беспамятства тяжелого похмелья, застонал я, хлопая ртом и ворочаясь в куче капусты и моркови, под которыми был погребен. Извернувшись, встал на четвереньки и принялся карабкаться вверх. Ладони скользили по склизким кочанам, в лицо лезла яркая зеленая ботва… но у меня получилось. Даже несмотря на то, что внутри словно извивались пламенные змеи, опаляя обжигающим жаром боли внутренности, кости ломило, а голова раскалывалось под тугим чугунным обручем.

Зато живой.

Выбравшись из кучи, понял — нахожусь в телеге, — упав на которую, проломил днище и свалился на дорогу, после чего меня и погребла груда овощей. Едва удержав стон, я схватился за борт, удерживая равновесие.

— Пес, пес… — мысленным полушепотом донеслось до меня эхо эмоций столпившегося вокруг телеги люда. Когда я, сощурив слезящиеся глаза, осмотрелся, толпа — человек пятнадцать — прянула по сторонам.

Крестьяне. В серо-грязных туниках, коричневых шерстяных плащах, многие в деревянных сандалиях, кто-то босой. Под моим взглядом все они низко склонялись, заискивающе заглядывая в глаза. Узнали?

«Пес, пес…» — все так же ощущал в мыслях эхо.

— Почему пес? — спросил я хриплым голосом, едва сдерживая гримасу боли — с трудом выпрямляясь на телеге.

— Вы же… Пес Господский, господин, — пробормотал один из крестьян, самый дородный, с седой бородкой. И лучше всех

одетый: в сапогах, синем плаще, белой — а не серой, — тунике, и с поясом. Староста, наверное.

Ну да. Пес Господский — сразу все понятно. Но стоило только так подумать об этом — я еще и голову опустил, касаясь висков, пытаясь хоть чуть-чуть приглушить давящую боль, как вспомнил. Конечно, я же в одежде наемника-телохранителя гостя Лартского — который так кстати мне ее одолжил. Пес Господский, значит — сквозь серую пелену не отпускающей боли осмотрел я себя и увидел на левой стороне груди блеклую, особо не выделяющуюся эмблему в виде схематичной головы собаки.

— Разрешите, господин, — осторожно, с явным густым страхом, поинтересовался староста, мелко-мелко подергивая подбородком в сторону телеги.

Понемногу приходя в себя, я тяжело, с трудом заставляя повиноваться задеревеневшие от боли мышцы, перегнулся через борт и едва не рухнул в дорожную пыль. Но удержался и отошел в сторону — как пьяный — опасливо меня обойдя, десяток крестьян сразу кинулись собирать овощи с дороги и разгребать их на телеге — с целью залатать пробитое днище.

— Куда едем? — поинтересовался я у старосты.

— В город, господин, — глубоко поклонился тот.

— Зачем? — удивился я и поморщился от боли — даже глазами было тяжело шевелить. Но все же постарался выпрямиться, сразу начав осматриваться по сторонам, игнорируя боль — но никого из преследователей ни на дороге, ни в небе не обнаружил.

— Вулкан проснулся, господин, — склонился между тем староста в поклоне, показывая в сторону города, неподалеку от которого чадил плотной шапкой дыма каменный исполин.

— Бежать же надо, — поморщился я, обшаривая пояс. Обнаружил кинжал и небольшой, но туго набитый кошелек. Заглянул внутрь — навскидку пара десятков золотых кругляшей.

«Все нормально, деньги есть», — возник в голове памятью предыдущей жизни чужой бодрый голос.

— Бежать надо, господин, истинно так. Только много гостей в город съехалось — даже из Иномирья прибыли — посмотреть, как вулкан живет, — ответил староста, отвлекая от воспоминаний. А я так и не смог поймать эхо узнавания фразы, что всплыла в памяти.

Оглядевшись, посмотрел на вереницу фургонов и — достав из кошелька золотой, бросил его старосте. Подумав, добавил еще два и направился к одной из телег, выпрягая лошадь. Самую большую, а значит сильную из представленных — сказал я сам себе. Не желая признаваться, что мне просто жалко этого урода.

На конкурсе лошадиных неудач это чудовище заняло бы второе место — настолько было неухоженно, жалко и забито жизнью. Остальные лошадки выглядели пободрее — но были меньше, покладистее, а значит слабее — уговаривал я сам себя, пока еще была возможность взять другого скакуна, а не это несуразное недоразумение.

Ошеломленный староста в это время воззрился на монеты, на которые можно было всех его лошадей купить — возможно даже с телегами. Седла у него не нашлось — только простая уздечка. Вскочив на коня, я критически скривился — устраиваясь на облезлой кривой спине.

— Погнали, Кошмар, — ткнул я пятками коня (или это лошадь?), не давая себе шансов передумать.

Боль и одеревенение из тела между тем практически ушли — отзываясь лишь отдельными всполохами, понемногу возвращались сила и бодрость. Названный Кошмаром скакун ржанул короткой радостью — при этом удивительно тепло мазнув чувством благодарности, и понес меня в сторону городских ворот.

Верховые животные в Новых Мирах больше сходны с автомобилями — мотоциклами, квадроциклами, вертолетами и самолетами первого отражения, — при этом с упрощенной механикой управления, и поведенческим набором под внешность. Названная мною Кошмаром лошадь (или конь?) — от других не отличался. Соответствуя своей несуразной внешности — старый, затюканный, — едва не кряхтел, перейдя на нечто среднее между рысью и манерой бега чемпиона по кроссу среди участников из домов престарелых.

Уже лучше приходя в себя — обретая ясность мыслей, — задумываясь краем о том, что меня подвигло взять именно это скрипящее подо мною чудовище, я размышлял, как неплохо меня приложило. Вспоминая взорвавшийся артефакт курносой чародейки — после уничтожения которого потратил практически все силы для того, чтобы не разбиться об землю.

Пока скакал к городу, то и дело понукая замедляющегося коня, с трудом сохранял самообладание. Вариантов было всего два — и оба очень плохие.

Первый — с Ребеккой или Картой Хаоса что-то случилось, и она просто не может меня найти. Второй — не хочет. Во второй вариант верить категорически не хотелось, но я допускал его в равной степени с первым. То, что Ребекка запланировала мое венчание, совершенно не гарантировало спокойной жизни — может быть, она просто решила обезопасить себя, пойдя по пути наименьшего сопротивления?

На тракте становилось все больше людей и повозок —

приходилось скакать по полю рядом, вся дорога вскоре уже была забита караванами купцов, везущих продукты в переполненный гостями город. Поначалу я хотел было свернуть к побережью и пробраться к святилищу Анубиса через порт, но по здравом размышлении решил двигаться напрямик, экономя время.

Толпа у ворот собралась немалая — объезжая столпотворение на въезде, старясь не слишком торопиться, я ловил на себе брошенные исподтишка взгляды, но впрямую выказать неудовлетворение никто не пытался.

Приблизившись к воротам, я вдруг понял, что не знаю, как говорить со стражами. Но меня никто ни о чем и не спросил — вооруженные короткими мечами легионеры лишь расступились, — давая дорогу. Двинув коня прямо в гомонящую толпу, заставив его втиснуться между двух повозок дородного скандалящего о размере пошлины купца, я миновал было арку, но уловив тень движения, резко обернулся. Как раз чтобы увидеть, как резко опускает голову, скрывая лицо широким капюшоном, аколит в сером плаще — стараясь затеряться среди толпы. Но слишком направленным, липким было его внимание — и я понял, что очень, очень ошибся с решением пройти через ворота.

Первой мыслью было убить заметившего меня аколита — но толпа напирала, а соглядатай уже затерялся в сутолоке. Сжигать же несколько десятков человек, сработав заклинанием по площади, вариант не особо. Позади сомкнулись несколько десятков телег, создавая для меня непреодолимую — во всяком случае, с наскока — преграду, а вот впереди возник небольшой просвет.

Грязно выругавшись негромко, пнул коня пятками, сжимая объятые огнем ладони на поводьях — понимание того, что сейчас снова могу оказаться в фокусе неизвестных охотников, душевного равновесия не добавляло. Направленный прямо в толпу конь возмущенно заржал, но неожиданно резво ринулся вперед, заколотив копытами по брусчатке — только прыснул по сторонам люд. Однако ведущая от ворот узкая улица была так же, как привратная площадь, забита телегами и праздношатающимся народом. Коню было все равно — он, словно направленный неумелой рукой квадроцикл врубился в толпу, пробивая себе путь облезлой, но широкой грудью. Несколько мгновений — и, миновав давку за воротами, я помчался вперед между толпами прохожих, словно волной отхлынувших перед носом хищного эсминца.

«Давай, давай!» — ударил я коня еще раз пятками, хотя этого и не требовалось — доходяга и так развил максимальную скорость, не обращая внимания на наездника. Я пронесся по

узкой улочке, подгоняемый гулом и собственными страхами перед неизвестностью. Ведь стремился я сюда, чтобы сменить имя и исчезнуть с Карты Хаоса для знающих — а получилось, что сам себя загнал в ловушку. Или пока не загнал?

Полетел на брусчатку лоток с булками, грязно закричал мне вслед торговец, взвились в стороны тряпки шатров. Опомнившись, я потянул было на себя поводья — замедляя бег коня и недоумевая, почему так опрометчиво ускорился, — как почувствовал на себе сразу несколько злых взглядов. То, что конь в этот момент приостановился, помогло — прямо передо мной мелькнули три ледяные стрелы, врезаясь в мостовую и брызнувшими осколками калеча случайных прохожих. Машинально я выбросил вперед руку, создавая защитную сферу от следующей серии атакующих заклинаний, и меня — вместе с конем — отнесло на несколько метров в сторону, бросив в переулок.

Жидкой пламя так и обволакивало мои ладони — которыми, машинально, — я вцепился скакуну в холку. Кошмар заржал от боли и накренился подо мной, словно входящий в крутой поворот мотоцикл. Его подковы рванули брусчатку с искрами, и у меня перед глазами замелькали стены и развешанное белье. Я мчался на обезумевшим от боли коне по очень узкому проходу — который неожиданно кончился чьим-то садом. Увидев свободный проход между домами, под испуганные крики собравшихся на застолье под раскидистым деревом людей, дернул поводья, направляя Кошмара, и вновь погнал его вперед. Машинально ударив пятками изо всех сил, пригнулся к гриве — вовремя, — лишь мелькнула широкая доска вывески, едва чиркнув по волосам. Позади гремело треском ломающихся ледяных глыб, но я даже не оглянулся. Пролетев, словно автогонщик, среди загромождения проулков, выскочил на городскую площадь.

Здесь царило настоящее столпотворение — огромные толпы бродили между рядами палаток, среди них выделялись одеждами и повадками многочисленные туристы в организованных группах. Было невероятно много магов и наемников — охраняющих гостей из иных миров, прибывших в Помпеи посмотреть на извержение вулкана и смерть города. Чувствуя позади многочисленные взгляды преследователей, я прижался в гриве коня — направляя его вперед. Скакун истошно заржал — закричал почти как человек и, подпитанный моей энергией, помчался прямо через толпу.

Прянули в сторону самые расторопные — остальные отлетали по сторонам от широкой груди коня — еще недавно спокойной крестьянкой скотины, а сейчас накачанного магией безумного

скакуна с горящими красным глазами. Распихивая попадающихся на пути людей, магов, лотки, палатки, лошадей, телеги и даже стражников, я мчался через площадь — мимо арены, оставляя за собой шевелящуюся просеку в плотном столпотворении. Раскиданный люд позади возмущенно вопил, ржали лошади, громыхали падающие прилавки, металась ткань рухнувших палаток под руками оказавшихся под ней торговцев. Но все это длилось недолго: словно гончие за мною следовали десятки боевых магов и чародеев, разрезая всклоченную толпу многочисленными ножами — оставляя за собой крошево смерти и увечий.

Возникший передо мною вдруг седовласый статный чародей в яркой красно-золотой мантии попробовал поставить огненную стену — удивительно вовремя. Протянув руку, я ухватил энергию ставшей родной стихии и хлестнул назад, будто широкой плеткой — двое преследователей в серых плащах перестали существовать, рассыпавшись прахом. Потянув силу чародея в себя — не отпуская плетки, — я напрягся, неожиданно почувствовав сопротивление.

Кошмар по-прежнему несся кометой, сметая все на своем пути, а я пытался повернуться в седле, — за мной, извиваясь змеей, тянулся огненный хлыст — неизвестный маг цеплялся за жизнь, изо всех сил удерживаясь на этом свете. Теперь уже я оставлял огненный смертоносный след — на конце длинного пламенного хлыста среди разрушенных и полыхающих торговых палаток болтался кроющий всех и вся гулким басом маг.

Площадь почти кончилась — и, свалив несколько последних лотков, я оказался в тесных улочках, ведущих к порту. Небо закрывали выступающие надстройки многочисленных этажей инсул — многоэтажек для бедняков, но по свисту крыльев и пронзительным воплям сверху я догадался, что подтянулась воздушная кавалерия охотников.

Я, наконец, смог сесть в седле прямо — не зная, что делать с огненным хлыстом в руке, а улочка вдруг кончилась, и я выскочил на пристань.

— Стоять! — заорал коню, рванув поводья и словно в индийском кино заставляя его заскрежетать копытами по деревянной мостовой, заваливаясь набок. Ринулся с неба грифон — растопыривая когтистые лапы, в которых вдруг оказался чародей, которого я тащил за собой с самого рынка; опережая меня, он по инерции полетел вперед — я еще и ускорения придал, взмахнув огненной плетью словно кнутом. Брызнула кровь, грохнул огненный взрыв — и от грифона остались только когти и перья, — а пронзительно завизжавшую наездницу унесло далеко

вверх.

Хлыст жизненной энергии, за которую цеплялся чародей, не отдавая, втянулся в меня словно отпущенная, натянутая перед этим до упора тугая резинка — я невольно закричал от дичайшей боли, густо плюнув кровью напополам с огнем. Огромная часть выжигающей меня силы через левую ладонь зашла коню — бедное животное, дохнув дымом и пламенем, укатилось прочь от меня, — словно пущенный из пращи горящий камень. Ударившись в здание трактира, конь исчез под рушащимися перекрытиями.

Где-то там, в пыли и ошметках балок, погибала сейчас та самая кровать, на которой мы с Юлей впервые узнали друг друга — на краткий, очень краткий миг, — подумал я. Отдачей меня пронесло в другую сторону — разрушая топорщащиеся доски мостовой, сметая огромную сеть с рыбой, местами обуглившейся до мелких угольков. Вырвавшись из склизкой, вымазанной мокрым углем рыбьих тушек полукопченой массы, я побежал прочь. И в дыму, взвившихся в воздух перьях грифона и рыбной чешуе, споткнулся о тонкую фигурку.

«Опять ты!» — мельком подумал я, вбивая объятый пламенем кулак в курносое детское личико. Хрустнула кость, брызнула кровь — а брошенная на деревянную мостовую чародейка нелепо взбрыкнула ногами в предсмертной судороге. Почувствовав под ладонью живую силу, я вырвал кулак — рука ощутимо дрожала: оказавшийся в ладони наполненный силой воды камень новой диадемы вибрировал от сильнейшего напряжения близости противоположной стихии — моего огня.

Спасая мне жизнь, время вновь — как всегда в момент смертельной опасности, когда у меня есть магическая энергия, — замедлило свой бег. Рванув вперед, даже не видя направленных на себя заклинаний, я — едва не поскользнувшись на склизкой массе рыбы, отпрянул. Вовремя — воздух сгустился от ледяных стрел и молний: магов огня среди моих преследователей больше не было.

Действуя не разумом — точно не разумом, — я за доли мгновений развернулся навстречу преследователям. Краем глаза успел увидеть больше десятка фигур — одна за другой появлявшихся из проулков и ведущих в порт улиц. Не знаю, чем думал и как, но, вогнав всю силу доспеха духа в ладонь, при этом левой рукой формируя неполную защитную сферу, я ударил артефактный камень об землю, разбивая его.

Взрывной волной меня подняло и отнесло прочь — а так как я еще был в пространственном скольжении, то в неторопливом для себя полете увидел, как медленно-медленно бугрится

исчезающая в волнах набережная, как рушатся дома вокруг площади, как светлые и голубые фигурки чародеев-охотников отлетают прочь словно кегли. Но не все — те, кто не пользовались доспехом духа или защитой просто вспыхивали кровяными веерами.

Еще до того, как рывком вырвался из скольжения, успел заметить бельевую веревку — я приземлялся в квартале неподалеку от порта, и схватился за нее. Меня, словно на тарзанке, протащило по широкой дуге и удалило о стену. Вернуть доспех духа, разлив по всему телу, догадался в последний момент, и пробив пять стен — две капитальные, — я выкатился на другой улице. Прямо на пути троих боевых магов.

Даже не думая, вся тройка бросилась на меня. Вновь скольжение — и, едва-едва уклонившись от лучившегося бледным свечением клинка, кулаком отправил первого нападающего в глубокий нокаут. В плечо мне ударили сразу три взблеснувших магией метательных ножа — доспех духа выдержал, а внутри поднялась неконтролируемая густая ярость. Уйдя от очередного веера клинков, я поднырнул под падающий изогнутый фламберг, ударив коленом на излом руки. Вырванный из ножен кинжал попал прямо в рот закричавшему наемнику, ломая шейный позвонки и дробя то место, где должен быть нейроблок.

Словно лопнула туго натянутая струна, а в меня хлынула потоком энергия умирающего — тело боевого мага затряслось, словно попав под удар сильнейшего электрического напряжения, — превратилось в прах. Взмахнув рукой, я отбил очередные метательный ножи и, в полупируэте подхватив фламберг, в два шага оказался рядом с третьим охотником. Расширившиеся красные глаза с вертикальными зрачками, сдавленный крик умирающего и мой вопль, полный ярости и злости. Изгибающийся пламенем клинок рассек противника напополам — и тот рухнул, погребая под собой самого первого оглушенного кулаком наемника. Тот, оказавшись среди густой крови и чужих внутренностей, дернулся было, приходя в себя. Увидев мои глаза, он испуганно завизжал — словно девушка — и заскреб пятками по брусчатке, пытаясь отползти прочь.

Спокойнее надо быть. Спокойнее.

Спокойнее не получалось — внутри жарким пламенем билась ярость, и хотелось убивать. Лишь усилием сдержавшись, чтобы не выйти на охоту за преследователями среди тесных улочек, я — уже не обращая на истошно кричащего в неконтролируемой панике боевого мага внимания, побежал в сторону святилища Анубиса, — представляя примерное направление.

Вдруг мостовая под моими ногами мягко ушла в сторону, а

дом совсем рядом вздрогнул, чуть проседая. Держа наготове фламберг, я раскрутился вокруг себя — но тут, заполняя все вокруг, раздался далекий и гулкий, раскатистый гром — а мостовая под ногами мелко-мелко задрожала.

Извержение Везувия началось.

Глава 4. Царская тиара

Ускорившись и миновав несколько грязных проулков, я высочил на знакомую небольшую площадь с неказистым и грубым каменным прямоугольником. Факелы при моем появлении вспыхнули ярче, пламя колыхнулось — со стороны извергающегося вулкана раздался еще один взрыв.

Миновав открытое пространство, заскочил на крыльцо — навстречу шагнули несколько стражей с обнаженными мечами, но я лишь скользнул взглядом по непривычным собачьим мордам, больше не обращая внимания. Они — это чувствовалось — мной тоже не заинтересовались, оглядываясь вокруг, цепкими желтыми глазами осматривая ведущие на площадь проулки.

Стоило мне только забежать в коридор, как стражи торопливо захлопнули тяжелые двери. За ними раздались глухие звуки взрывов, догнавшие меня отголосками стихийной магии и эманациями смерти — но я уже бежал вниз под небольшим уклоном. Шепчущее эхо моих шагов металось меж каменных блоков дрожащих стен, безмолвно смотрели на меня статуи египетских богов. Стражи остались перед дверьми, и бежал я в одиночестве.

В Нижнем Зале меня ждали — послушники выстроились двойной шеренгой, образуя живой коридор. Они все были вооружены короткими копьями и обнажены по пояс — так что у каждого хорошо виднелось то место на шее, где короткая собачья шерсть переходила в человеческую кожу. Кисти рук у послушников также были не совсем человеческими — бугрящиеся пальцы заканчивались короткими, но угрожающе острыми когтями, от которых исходило слабое сияние магической подпитки.

Жрец ничуть не изменился — белоснежное одеяние, широкий золотой воротник обнимающий шею; блестящая — вероятно намазанная маслом лысина, цепкий водянистый взгляд глаз навыкате. Вот только эхо эмоций жреца мне совершенно не понравилось. И его холодная липкая злость явно не была вызвана то и дело осыпающейся с потолка пылью — вибрирующее здание реагировало на дрожь земли.

Только я замер было под недружелюбным взглядом жреца, как вдруг меня всего встряхнуло — ощущение, словно в темечко воткнули спицы проводов под высоким напряжением. В ушах пронзительно зазвенело — рассыпалась на тысячи осколков защита — не доспех духа, а оболочка мыслей, защищающая от

проникновения в сознание. Причем разрушена она была не вся, а словно проплавлена в одном месте, раскаленным штырем впиваясь в мозг.

«Не показывай вида и иди вперед», — раздался глухой — старческий, — но очень сильный голос у меня в сознании.

Споткнувшись, я неловко взмахнул руками, сохраняя равновесие. Усилием удержавшись от выражения эмоций, а также болезненного вскрика, медленно двинулся вдоль шеренги послушников с шакальими головами.

— Жизнь через смерть? — поинтересовался холодным голосом жрец, преграждая мне путь.

— Жизнь через смерть, — ровным голосом ответил я.

«Тебе не нужна новая инициация. Тебя уже и так невозможно ни обнаружить через Глаз Балора, ни увидеть на Карте Хаоса», — снова прозвучал в сознании сухой голос.

Коротко осмотревшись над плечом жреца, я мельком скользнул взглядом по горящим красным огнем глазам Анубиса, восседающего на троне. И понял, что Ребекка еще не нашла меня, потому что не может! — словам бога я как-то сразу поверил.

«Или все же не хочет?» — забилась предательская мыслишка, не давая покоя.

«Деньги отдай», — вновь прозвучало в голове уже с человеческими интонациями.

«Какие деньги?»

Но опомнившись после секундного замешательства — догадавшись, и отцепив кошелек от пояса, — я вручил его скрывающему неприязнь жрецу. Тонкие губы служителя Анубиса искривились, когда он взглянул внутрь и поднял водянистый взгляд.

— Недостаточно средств, — проскрипел он противным голосом, глядя на меня с уже нескрываемой злостью и раздражением. И смятением.

— Забирай, — резко выбросив руку, я сунул фламберг жрецу, заставив того отшатнуться и невольно обхватить меч, прижимая к груди. — Этого достаточно, — произнес я, медленным шагом направляясь к богу.

«Становишься на колени перед троном, убиваешь жреца. Быстро, чтобы он ничего не понял. Обязательно сними с него амулет, надень на себя».

«А дальше?» — глядя в два алых провала глаз на антрацитово черной шакальей голове живой статуи, мысленно поинтересовался я.

«Беги», — лаконично прошептал у меня в сознании Анубис.

Вновь я едва не запнулся от удивления — словно налетев на

невидимую преграду.

«Кто ты?»

«Некогда объяснять», — сухой старческий голос вновь обрел силу.

Я уже подошел к трону и медленно-медленно сделал последний шаг, неторопливо опускаясь на колени.

«Ты на пороге великой битвы. И я не могу тебе больше ничем помочь», — вновь раздался голос у меня в сознании. Не обращая внимания на то, что потные руки жреца уже обхватили меня за запястья, направляя к раскрытым ладоням бога, я поразился — возникло ощущение, словно на собрании в Бильдерберге присутствовала половина населения Новых Миров.

«Действуй», — отвлек меня голос Анубиса. Голос его растянулся в длинный утробный стон — время замедлилось, когда я рванул в сторону, поднимаясь с колен. Длинная фигура жреца, нескладно ломаясь, дергано последовала за мной. Выхватить из его руки обсидиановый клинок с рваными, но бритвенно-острыми краями быстро не получалось, и я просто обхватил тонкую сухую ладонь, преодолевая сопротивление. Жертвенный нож вошел жрецу в подбородок, и голова того словно взорвалась, плюнув кровью изо рта, носа и ставшими пустыми багровых глазниц. Не особо задумываясь, я рубанул обсидиановым клинком по шее — голова отделилась с легкостью, — и сорвал с обрубка массивную серебряную цепь с медальоном в виде ощерившейся собачьей головы. Надев амулет на себя, отпрянул в сторону — доступное время скольжения заканчивалось.

С громким скрежетом подошв проскользив по залу, я на мгновение замер, готовый защищаться от агрессии собакоголовых послушников. Но шеренга воинов с шакальими головами даже не дернулась — лишь один из них повернул голову к своему богу, словно спрашивая, что же делать дальше.

«Возьми меч. Наверху тебя ждет уже трое богов, четверо архимагов, два гранд-мастера и около сотни чародеев и боевых магов. Беги уже, не стой!» — повысил голос бог. Немного перестарался — я почувствовал, как у меня хлынула кровь из ушей. Не обращая внимания, я побежал к выходу — не забыв подхватить с пола изогнутый пламенеющим узором клинок.

— Убить его! — загрохотало под сводами — это Анубис поднялся со своего места, указывая на меня рукой. Не очень уверенно он двигается — успел я подумать краем сознания, как вдруг в голове снова зазвучал старческий голос: «У тебя преимущество — там нет ни одного мага огня, и ожидающие тебя враги уже дерутся между собой».

«Друзья там есть?» — практически не задумываясь над словами бога, спросил я.

«Твои друзья заняты и им самим не помешает помощь. Быстрее, уходи!» — в последний раз усилился напряженный голос, все же затухая понемногу — по мере того как я стремительно бежал по коридору к выходу.

«Когда ты вернешься без преследователей, мы поговорим», — раздалось в голове на прощание, и бог замолчал — лишь раздавался позади скрежет лап преследующих меня оживших агрессией послушников.

«Если доживу. И если ты вернешься», — прозвучало вдруг едва слышно. Я не очень понял, было ли это эхо мыслей бога или отголосок моих собственных эмоций — зато сразу после шепота пропало пренеприятнейшее чувство раскаленного штыря в голове — даже мысли прояснились, а доспех духа пришел в норму.

Миновав последний поворот, я легко уклонился от атакующих стражей-послушников и бросился к двери. Интересно, почему мое преимущество в том, что среди ожидающих нет ни одного мага огня?

В тот момент, когда войдя в скольжение, я выбежал из храма Анубиса — вместе с тяжелой створкой, отлетевшей далеко вперед, — на площадь приземлилась, брызнув лавой и пламенем, каменная глыба. Пронесшись прямо по раскинувшемуся по земле огню, ощущая, как устремляются за мной языки пламени, я оказался рядом с тремя магами — один их них держал защитную сферу, выдавая в нее всю силу, второй пытался попасть в меня ледяной стрелой. Третья чародейка готовила сети — земля под ней бурлила шевелением хищных древесных корней, неведомо откуда появившихся в каменном городе. Несколько даже метнулись ко мне — перерубленные вместе с защитной сферой, хозяйкой и двумя другими не успевшими удивиться магами.

Едва не захохотав в голос от понимания преимущества, я побежал, петляя по улицам — с почерневшего неба метеоритами падали огненные глыбы, мостовая брыкалась под ногами, здания дрожали — покрываясь паутиной трещин. Отовсюду звенел многоголосый крик ужаса и боли — жители выскакивали из разрушающихся домов, некоторые выпрыгивали из окон. В сторону порта по улицам текла людская река — на перекрестке прямо передо мной в центр немалой группы приземлился крупный, объятый пламенем обломок скалы, раскидывая людей по сторонам, как кегли.

Пробежавший по воронке в мостовой — брызнувшей булыжником и дышащей пламенем, — я выскочил из окутавших перекресток клубов дыма. И столкнулся взглядом с

расширившимися белесыми глазами мага — я появился перед ним, как чертик из табакерки. И машинально рубанул мечом. Со звоном лопнула защита, а группа японских школьниц за спиной располовиненного мага в азиатской конической шляпе пронзительно завизжала.

Да, они не за мной — это обычные туристы, которые прибыли посмотреть на шоу гибнущего города. Лишившись колпака магической защиты, группа подростков перепугалась — как может перепугаться посетитель террариума с ядовитыми змеями или зоопарка с хищниками, когда понимает, что разом исчезли все защищающие стекла и решетки.

Но я еще недостаточно черствый — потратил лишнее мгновенье и спалил весь десяток школьников файерболом — чтобы не переживали гибель вместе с городом. И тут же поплатился — меня заметили. Не прямо — отблеск моего заклинания почувствовали, — и я ощутил концентрированную энергию магического поиска вокруг и приближающееся эхо агрессии.

— Ты дебил! — поздравил я сам себя с открытием, ныряя в один из проулков. Тут же за мной метнулось несколько молний, а угол дома просел под рухнувшей с неба ледяной глыбой.

Заклинания летели сверху — и, петляя по проулкам, я углублялся в район многоэтажных инсул, — чувствуя в небе преследователей, закрытых пока уродливыми надстройками человеческих муравейников.

Осталось продержаться совсем немного — скоро город накроет волна раскаленного пепла, в котором я буду как рыба в воде, — в отличие от остальных стихийников. Огромное черно-серое облако уже спускалось щупальцами со склонов Везувия, волной накатывая на город — то и дело с резкостью выбрасывая впереди себя огненные щупальца лавы — напоминая монструозное живое существо.

Мысли прервала выросшая передо мной стена — словно живая взбрыкивая из земли, собираясь из обломков мостовой, крупной кладки разрушенных стен и земли. Прыгнув вперед, ногами ударив в показавшийся самым ровным булыжник, я — усилив прыжок магией, залетел в одно из ближайших окон на верхнем этаже. Покатившись среди грязно-коричневых занавесок, обломков деревянной кровати и загремевшей глиняной посуды, вскочил на ноги и вместе с хлипкой стеной, даже не стараясь найти в полумраке дверь, прошел в соседние комнаты. Раз, два, три стены — вторая была капитальной. Летели брызги кладки, и я вдруг почувствовал холодок по спине — крышу дома разрывало от ударивших сверху заклинаний, гигантскими стрелами

пронизывающих все этажи.

Внезапно мрак тесных комнаток исчез, а я, пролетев несколько метров, оказался на крыше соседнего дома — находящейся уровнем ниже. Брызнула под подошвами черепица, а после и сама крыша встала дыбом — не останавливая бег, я лишь на мгновение опережал хлыст ошеломительной силы заклинания.

Крыша как-то вдруг закончилась, и я прыгнул что было сил — оттолкнулся так, что брызнули перекрытия под ногами. Лететь было метров тридцать, а впереди только покатая крыша храма на большой площади. Не сдюжил бы, если бы не телепортировался на десяток метров вперед. Ультрамариновая вспышка перед глазами — и только я приготовился ухватиться руками за фигурный козырек со скульптурой обнаженной дриады, как мрамор статуи и серый камень взметнулся осколками — ледяная молния ударила совсем рядом.

Отброшенный, я пролетел спиной вперед десяток метров, в падении извернулся и прокатился по брусчатке мостовой, оставляя за собой кровавую просеку. Зачем сюда столько пехоты привели — для количества? Или для отчетности?

Я махнул мечом, изворачиваясь на земле как уж, перерубая ноги сразу трем оказавшимся рядом закованным в броню воинам. И в последний момент, выпустив оружие, вскинул руки, закрываясь зашитой. Упавшая ледяная глыба размером была с небольшой коттедж — еще и брошена с такой силой, что меня вмяло в мостовую вместе с прогнувшейся сферой.

Из ушей брызнула кровь от напряжения изогнувшейся защиты; но были и плюсы: осколки льда смели все живое вокруг в радиусе метров ста, уничтожая лишнюю массовку. Надо мной в этот момент оказалось сразу несколько воздушных скатов — крылья одного из них искрились сеткой молний, грифон и гончая пустоты. Оттолкнувшись усилием — словно каждой клеточкой своего тела, — я выскользнул из ямы. И, даже не успевая подняться на ноги, прокатился в сторону — на четырех костях, работая руками и ногами как атакующий гепард, — уходя от молний и ледяных стрел, скрестившихся в том месте, где только что лежал.

Передо мной вздыбилась мостовая — или от заклинания, или от дрожащей земли — очень кстати. Оттолкнувшись, использовав поднявшийся пласт как упор, я прыгнул в сторону что было сил — прямо под падающий раскаленный огненный шар. Что-то почувствовал только маг на гончей пустоты — рванулось длинное змеиное тело, отваливая в сторону. Перенаправленный огромный шар огня, повинуясь мне с удивительной легкостью, словно гигантский баскетбольный мяч врезался в грифона, уничтожая

пламенем и двух скатов рядом.

Свистнул воздух, ко мне потянулись щупальца тьмы — я даже успел увидеть наполненные мраком глаза догадливого темного мага-наездника, как вдруг его голова взвилась ярким зеленым пламенем, полыхнув взрывом через глазницы, а гончая пустоты — заверещав — спикировала в стоявшее на окраине здание, ломая крылья и исчезая в груде обломков.

Спикировавшая из-под самых облаков Ребекка была растрепана, на щеке у графини виднелась глубокая рана — кровь из которой заливала остатки белой майки в совершенно неприличной дыре на куртке. Ее золотой грифон — подобного я видел у Адели — безжизненно рухнул на мостовую, закричав как человек, ломая крылья и лапы. Стальная броня на голове монструозной птицы лязгнула о камни, и огромные глаза подернулись поволокой смерти.

Ребекка ничего не сказала — только прильнула на мгновенье и быстро провела пальцами по моей щеке, ту же увлекая прочь. Я перехватил ее руку, останавливая, и положил ладонь на открытую рану. Ребекка пронзительно вскрикнула от вспышки боли — едва не задохнувшись, — глаза ее сверкнули огнем, а ноги подкосились. Лишь на секунду: несмотря на дичайшую боль от с трудом усвояемой энергии огня, графиня — невиданное дело — сморщившись в гримасе, выпрямилась. Кровавая полоса на ее лице исчезла, рана на обнаженной в прорехе располосованной куртке груди тоже.

— Бежим! — потянула графиня за собой. На приветствия времени не было, но мне очень много сказали ее чувства — накрывшие теплой волной радости встречи. И я порадовался, что мы сейчас несемся двумя огненными кометами — в другой ситуации Ребекка явно почувствовала бы мой стыд за недавние догадки о том, что она меня сознательно бросила — и если бы только бросила.

— Юля здесь? — только и спросил на бегу. Чародейка не ответила — зато я почувствовал тянущую опаску ее эмоций — у моей юной супруги, судя по ощущениям графини, дела сейчас явно дрянь.

— Ш-шайзе! — вдруг вскрикнула Ребекка, резко останавливаясь посреди опустевший улочки — жители отсюда уже сбежали, оставив лишь несколько затоптанных и покалеченных тел.

Выругался и я. И только сейчас вспомнил, что Анубис говорил о том, что меня сверху ждет трое богов. Третьего пока не было — но и двое перед нами выглядели внушительно.

Ломая стену, с неба приземлилась первая богиня. Аура силы

рядом с ней не давала в этом усомниться; это была юная худощавая девушка, полностью нагая — не считать же одеждой декоративный клочок ткани размером с носовой платок и змеящиеся по голеням браслеты. Длинные — ниже пояса — черные волосы рассыпались по плечам, глаза блестели отражением мрака преисподней. Богиня была совершенно сложена — подтянутая фигура идеальных пропорций с небольшой, но высокой грудью и крутыми бедрами. Она была бы невероятно красива, если бы не глаза — полностью черные, пугающие, и увенчанные лезвиями острых перьев широкие крылья — держащиеся на уродливых костяных наростах от запястий до самых плеч.

Пронзительно закричав, Нехмет — египетская богиня-стервятник — ринулась в атаку. Слева, опаздывая от ее ритма лишь на мгновение — разрушая небольшую пристройку, появилась не менее внушающая противница — женщина-змея, передвигающаяся на толстом хвосте. На ней из одежды был только золоченый декоративный доспех, едва закрывающий — даже больше подчеркивающий — неестественно огромную грудь, и золотой же обруч, сдерживающий ужасающую прическу из жуткой шелестящей массы. Уаджит — богиня-змея.

Обе они — женщина-змея и женщина-стервятник — являлись частью египетского пантеона, будучи опорой трона фараона; царская тиара в короне повелителя Верхнего и Нижнего Египта.

Не верховные боги. Но боги — и сразу двое. Нам за глаза хватит.

— Беги! — пронзительно закричала Ребекка, заливая всю мостовую перед нами зеленой скверной, телепортируясь рваным росчерком — вспухая чередой атакующих заклятий — исчезая лишь в последний миг перед тем, как землю в том месте, где она только что находилась, взрывало удивительной силой. Ломая пространство скольжением, я ушел от атаки гарпии — удар ее когтей, казалось, смял саму сущность вокруг и сам дополнил очередную ядовито-зеленую стрелу Ребекки файерболом.

Нехбет лишь раззявила ротик: удивительно красивый в закрытом виде и пугающий, полный острых клыков — в раскрытом. Ее визг разметал стену здания за моей спиной, растирая в пыль, и сдул как не бывало ядовитую стрелу Ребекки. Мой файербол, на удивление, ломающего реальность крика богини-стервятника даже не заметил, ударив девушку-птицу, исчезнувшую во вспышке.

Ощущая жар в груди — раскаленный медальон, снятый мною со жреца, явственно прожигал кожу, погружаясь в плоть, — я развернулся к змее. Двигаясь удивительно быстро, скользя на

своем широком хвосте, та взмахнула коротким скипетром — и пойманная атакой, сломанная фигурка Ребекки покатилась по камням, ударившись в стену. Разбитый доспех духа брызнул осколками, хлынула кровь из превратившегося в кровавую маску лица графини — и она застыла искореженной куклой в стремительно натекающей луже крови, лежа с неестественно-страшно выгнутой рукой.

Скользнув, как огненная стрела, я оказался рядом с Уаджит. Удивленно расширились желтые глаза со змеиным зрачком, и треснула выбитая челюсть — разлетаясь ошметками плоти и костей. Схватив за извивающийся ужас прически, смяв нескольких гадов так, что брызнуло розовое мясо из змеиных шкурок, я вбил голову богини в угол здания, так кстати оказавшийся рядом. Потянуло горелым мясом — змеи обугливались, извиваясь в моей руке, а я, проломив золотой нагрудник, вырвал сердце богини.

И бросил его в летевшую на меня Нехбет вместе с огнем пламени. Краем сознания ощущая, что амулет Анубиса с головой собаки, — словно увеличившийся в размерах, раскаленной каплей лавы уже проплавил мне грудь — хорошо, если не сжигая ребра.

Гарпия уклонилась — лишь вспыхнули огнем перья на левом крыле — и вцепилась в меня когтями. Густо заискрился доспех духа, а я ударил прямо и беззастенчиво — лбом, ломая нос богине, и сразу добавил правой, полностью вложившись. Отлетев, гарпия пропахала глубокую борозду — исчезая в развалинах дома, откуда только что выбралась.

Полетел в воздух и я — отброшенный ударом столба пламени света.

Прибыл третий бог — именно его сапоги ударились сейчас в мостовую — колыхнув окружающий квартал так, что обрушилось еще несколько знаний. И он был мне очень хорошо знаком — до яркой боли ненависти.

Глава 5. Спасение души

Пара богинь Уаджит и Нехбет была знакома мне еще по прошлой жизни, а вот со славянским пантеоном более полно ознакомился только здесь, на занятиях в Цитадели. Но, даже не обладая знанием, в огромной, увеличенной массивными доспехами фигуре — наплечники и панцирь которых украшали солнечные лики — угадывалась принадлежность божества. Хорс — бог солнца — появился на небольшой площади, озарив ее сиянием своих золотых лат и извивающегося хлыста пламенных молний в руке.

Вот только божество это я видел уже второй раз. Несмотря на закрытый шлем с гребнем — словно у гоплита, — я узнал взгляд. В прошлый раз эти глаза я видел за мгновение до выстрела, отправившего меня на рабский рынок в Новые Миры.

Тарасов, неведомым образом выбравшийся из передряги с уничтоженным проектом «Данте», еще и ставший в новых мирах богом, расхохотался и двинулся навстречу, поднимая широкий, едва изогнутый клинок.

— Здорово, уродец! — с неподобающей божеству радостью произнес он, махнув мечом как клюшкой для гольфа.

Узнал, надо же. Наверное потому узнал, что доставшийся от наемника из Псов шарф, скрывающий лицо, я потерял — а как потерял, — даже не понял.

Время приостановило свой бег, заставляя более полно прочувствовать плавящий грудь медальон. Горелой плотью пахло давно — только я этого не замечал. Отпрянув в сторону — уходя от горящего золотом клинка, я рванулся вперед и ударил Тарасова так, как бьют в драке без судей и свидетелей.

Заревевший белугой золотой гигант улетел далеко прочь — как брошенный катапультой камень, — а я, едва не догоняя летающую груду золотых доспехов, помчался следом. Держа взглядом лишь раскинувшую руки фигуру — провожаемую хвостом переплетающихся молний, — мельком все же увидел, что площадь и улочки вокруг необычайно многолюдны. С одной стороны напирала орда зомби и скелетов — большинство черные и обугленные, — они ступали по склизкой ядовито-зеленой массе скверны, стелящейся впереди армии нежити. С противоположного угла площади тянулись многочисленные воины в золотых доспехах гвардии Хорса — уже схлестнувшиеся с малочисленной группой рыцарей в серых доспехах, озаряемых белым сиянием чистоты.

Местами на площади вихрились камни, земля и лед — небольшими кучками на площадь подтягивались прибывшие в город охотники за головами. Казалось, все сражались со всеми — и то тут, то там в столпотворении рвались прилетающие с неба огненные глыбы, раскидывая противников. Хотя после особо крупного огненного взрыва в стороне я почувствовал дыхание стихии огня — невероятно сильное и словно многократно повторяющееся. Были и здесь повелители бушующей пламенем стихии — заглянули на огонек.

Но, не обращая внимания на удивительно массовую бойню, в поле которой превратился погибающий город, пробежал сквозь мешанину обрушающихся стен и, нырнув под свистнувший хлыст молний, оказался рядом с Тарасовым. Мой объятый пламенем кулак смял его шлем вместе с челюстью, отбросив ошарашенного противника прочь. Ненавистное божество — пока летело во второй раз — видимо успело прийти в себя. В полете он извернулся и приземлился на ноги — полуприсев, схватившись рукой за землю и проехался спиной вперед, оставляя глубокую борозду. Выпущенный золотой хлыст молний случайно отлетел в группу бегущих к нам живчиками зомби, сразу полыхнувших яркими головешками.

Тарасов уже вскочил — перехватив меч — и с пронзительным воплем побежал на меня. Причем звук его крика шел утробно, из груди, на одной ноте — шея и плечи самозваного божества были забрызганы кровью из смятой погнутым шлемом челюсти.

Закричав — тоже несвязно, — чувствуя, как меня объяло пламя магической силы, я помчался навстречу. Уходя в полупируэте от удара меча, выбил оружие из рук Тарасова и ввалил ему кулаком еще раз — целясь в крошево золота, крови и костей челюсти.

В момент удара у меня в груди словно что-то взорвалось; на миг почувствовав невесомость, я открыл рот в беззвучном крике и потерял сознание от боли. И, чувствуя сотрясший тело удар невероятной силы, взвился в воздух — пробив спиной сразу несколько стен, выкатился в просторное пространство внутреннего двора особняка, сминая садовые деревья. И только здесь немного осознал окружающую реальность, ощущая выжженную пустоту в груди.

Амулет, подаренный Анубисом, энергией больше не отзывался. Батарейка кончилась.

Отрыв глаза, приходя в себя после удара бога — пропущенного, ошеломляющего, — я всмотрелся в серое небо, расчерченное дымными следами. И чуть посторонился, когда покосившаяся статуя — качавшаяся на постаменте массивная

фигура Юпитера, — все же решилась упасть. Вскинутая в римском салюте рука глубоко вошла в землю, а безжизненный мраморный глаз ткнувшейся в траву статуи посмотрел прямо на меня.

Подобно перевернувшемуся на спину жуку я пытался подняться, подергивая руками и ногами — сила, которой оперировали боги, значительно превосходила мою. И амулет Анубиса, активировавшийся в момент близости божеств, очень помог мне в поединке сразу с темя богами — а я его силу ошибочно принял за свою, неоправданно увлекшись.

Спокойнее надо было быть.

Тарасов появился словно бульдозер, разбивая в пыль стены. Он был без оружия — меч оставил валяться на улочке, — наверное стремясь меня растоптать. Плюнув кровью и осколками зубов, солнцеликий бог грязно выругался — несвязно, но я понял, — и решил втоптать меня в землю.

Понимая, что все — видя, как замахивается для удара Тарасов, я вдруг заметил за его спиной смутную тень. Упавшая с небес хищная гарпия закричала — выворачивая наизнанку пространство вокруг — только в тот момент, когда вцепилась когтями в шею солнцеликого. И мы встретились с ней взглядами — при этом ее черные, маслянисто блестящие страшные глаза удивленно расширились. Торопливо втягивая в себя энергию, я попытался собраться — в прямом и переносном смысле слова, — на грудь, где дымилась прожженная куртка, старался не смотреть.

Богиня-стервятник, глядя на меня, замешкалась на мгновенье — Тарасов смог вырваться из ее захвата — но тут же, поднятый волной пронзительного смертоносного вопля, улетел.

Нехбет обернулась на меня — лицо ее выглядело ошарашенным. И не от того, что я, сверкая огненным взором, поднялся на ноги.

— Беги! — вдруг шепотом — так, что меня проняло до последней клеточки тела, — крикнула богиня, взметнув опасные шипастые крылья и бросаясь навстречу Тарасову.

Стремительная гарпия и бог Солнца, подобравший свой меч, встретились — крик рванулся навстречу солнечному сиянию, а взрыв их столкновения стер с лица земли половину квартала. Переломленная фигурка Нехбет с отрубленной рукой-крылом прокатилась рядом со мной, уставившись в небо потерявшими жизнь черными глазами.

Земля гремела под поступью солнцеликого божества, и я рванул прочь. Петляя, словно заяц, выбегая сквозь полуразрушенный особняк на площадь. Мне было необходимо всего несколько секунд. Повезло — бог меня догнал не сразу, а чуть погодя и вовсе замедлился — едва не попав под рухнувшую с

неба каменную глыбу.

Тарасов оказался рядом в тот момент, когда площадь накрыло раскаленное серо-черное облако, спустившееся со склонов вулкана словно огромный фантастический зверь, раскидывающий по сторонам щупальца огня и лавы.

Сразу десяток золотых гвардейцев Хорса — первыми оказавшихся на пути раскаленного облака, буквально взорвались, брызнув паром кипящей крови из сочленений доспехов. Занятые битвой всех со всеми адепты Солнца, боевые маги и полчища нежити — поднятой из погибших жителей умирающего города, и даже воины света упустили из виду такой пустячок как извергающийся вулкан.

Большинство исчезало пламенными вспышками — все пространство вокруг заполонил чистый жар огня; те, кто был облачен в доспех духа, лишь ненадолго переживали остальных — ни один даже самый сильный чародей или боевой маг не сможет сдерживать чистую стихию. Лишь в некоторых местах вспухали сферические купола защиты — жрицы света и солнца, маги крови и скверны ставили блоки, обращаясь за заемной силой к богам и покровителям.

Тарасов сам был богом Новых Миров — заполонившую все вокруг стихию огня он не заметил, а уровень его божественной защиты позволял не перенапрягаться даже от столь агрессивной среды. Вот только он даже не подумал, что сметающий все на своем пути жар оказался для меня чистой энергией.

Уклонившись от удара меча, я закрутил смерчем огненный хлыст — распрямившись, пламенная плетка снесла солнцеликого, сминая и плавя доспехи, брызнувшие раскаленным золотом. С криком ярости я бросился вперед, избивая Тарасова ногами — просто пиная, как футбольный мяч, стараясь попасть в проплавленные латные сочленения. Бог пытался подняться, истошно ревя от боли и ярости, но каждая его попытка пресекалась очередным ударом.

Прыгнув на противника сверху вниз — я, сам превратившийся в огненный вихрь, — ногой вколотил голову Тарасова в землю вместе со шлемом.

— Стой! — раздался позади звонкий голос.

Резко обернувшись, увидел колоритную компанию. Прямо передо мной стояли две огненных чародейки — первая стройная, с горделиво вскинутом подбородком и рассыпанными по плечам иссиня-черными локонами, смотрела строгим, даже властным взглядом. Вторая казалась элегантным призраком — двигаясь с неспешной грацией лебедя. Ее распушенные золотистые волосы волной спускались до пояса — и прикрывали гораздо больше, чем

откровенный наряд чародейки. Магистр ордена Красной Розы — самой сильной гильдии магов огня в новых мирах. Я ее знал — это была Габриэлла, сестра Ребекки.

Позади чародеек возвышался башней рыцарь в серых доспехах — на его простом щите был потертый красный крест тамплиеров. Озаренный белым сиянием воин был под защитой силы чистого света, к нему прижалась демонесса, одетая — вернее едва одетая — далеко за гранью легкой эротики.

— Он мой! — произнес тамплиер, показывая взглядом на поверженного бога. Рыцарь был без шлема, лицо его уродовал длинный, спускающийся на шею через глаз и щеку шрам. И только после того как тамплиер заговорил, я его узнал — это был Денис, сопровождавший Габриэллу на ужине в Бильдерберге. А в первом отражении подобного шрама у него не было.

— С какой стати? — с угрозой поинтересовался я, еще одним ударом глубже вбивая голову Тарасова в мостовую. Вокруг меня клубились вихри пламени — дающая энергию стихия пьянила, наделяя ощущением невиданной силы, и отдавать Тарасова я не собирался. Где-то на границе огненного смерча — в котором находились я и плененный бог, сейчас метались золотые лучи солнечного света, пытаясь пробиться в своему повелителю — но перед чистой огненной стихией даже божество было бессильно. Но вроде извивалось и даже пыталось что-то кричать сквозь мешанину смятой челюсти.

Между тем напряглись чародейки, настороженно расходясь по сторонам, опасно оскалилась демонесса, слившаяся, как чувствовал, с тамплиером разумом — оставаясь преданной ему целиком и полностью. Вдруг я неожиданно четко ощутил отклик боли Ребекки — мучительной, всепожирающей, выжигающей саму жизнь. Она же должна была давно умереть! — едва удивился я на краткое мгновение.

— Будешь должен, — обращаясь к тамплиеру только и произнес я, срываясь с места.

Чувствуя, что не успеваю, мчался сквозь серую взвесь, накрывшую площадь, к умирающей Ребекке. Время, подчиняясь мне, вновь остановилось — и, скользнув пространственным перемещением, я вихрем рванулся сквозь оставшееся пространство, оказавшись рядом с графиней.

Почувствовав мое приближение, поднял голову находившийся рядом с ней чародей. Вернее, колдун — при виде меня он отпрянул от Ребекки. Это был высокий, устрашающе выглядевший чернокнижник в плотной кожаной куртке, на перехлестнутых ремнях которой крепились склянки с зельями, тубы для свитков, а к поясному ремню с массивной бляхой

прижимался гримуар с обложкой из чешуйчатой кожи. У колдуна был высокий лоб, подчеркиваемый зачесанными назад длинными блестящими волосами, и мертвенно бледная кожа, на которой двумя провалами чернели страшные глаза. Взметнувшийся крыльями плащ — с наплечниками, густо украшенными перьями, — был стянут плечевой цепью, на которой висел наполненный огнем скверны амулет.

В тот момент, когда колдун вскочил, в сознании у меня звонко лопнуло — словно порвалась струна, — Ребекка умерла. Словно часть души вынули — настолько четко я осознал ее смерть.

Огненная плеть перехлестнула через белокожего чернокнижника, испепеляя его защиту и превращая в прах. Даже не удостоив обугленные останки чернокнижника взглядом, я приземлился рядом с истончившимся и усохшим словно мумия телом графини, прижимаясь ладонями с отчаянной надеждой — отдавая без остатка всю свою энергию.

Закрутился огонь, ломая пространство вокруг, фигура графини вдруг наполнилась огнем — превратившись в жидкое пламя, сквозь которое проглянула ее атласная кожа. Лишь на миг Ребекка — нагая, словно новорожденная, — оказалась на моих руках, а мгновением позже ее прекрасное лицо исказила гримаса боли, и графиня исчезла, сгорая в наполнявшем ее пламени — умерев во второй раз.

Я, пытаясь наполнить Ребекку жизнью, перестарался — отдавая вообще все, что только у меня было. Последнее, что запомнил, — изумительного изумрудного цвета глаза за миг до того, как они исчезли в пламени, — и перед моим взором стало темно.

Глава 6. (…) Эмеральд

Глубоко вздохнув, Адель, сохраняя полное спокойствие, закрыв разум и чувства от пронзительного холода лейб-гвардейцев четырех цитаделей, охраняющих зал с Картой Хаоса, сбросила результаты поиска и еще раз набрала имя Ребекки.

Ничего. Вообще ничего — даже серого, неактивного имени, отображаемого при выходе в мир первого отражения.

Развернувшись на каблуках, Адель быстрым шагом направилась прочь — не глядя на безмолвных стражей. Запись ее манипуляций с Картой уже сегодня — по договору — станет известна всем хранителям артефакта, но девушка волновалась вовсе не из-за этого.

На Карту Хаоса удаляющаяся Адель уже не смотрела. И не заметила, как артефакт, реагируя на поисковую команду, вдруг ожил. «Ребекка Аренберг», — появилась яркая, наполненная жизнью строка, показывая — с высоты птичьего полета, — как графиня возвращается к жизни на площади мертвого, выжженного магией и огнем города. Но возродилась Ребекка лишь на несколько мгновений, сразу же умерев, — теперь только здесь, в Новых Мирах. Загоревшаяся было ярким строка потухла, обесцветившись — Ребекка отправилась в мир первого отражения. Изображение площади на карте осталось — и можно было видеть, как воскресивший графиню юноша безжизненно падает на брусчатку мостовой, отдав все силы.

Практически сразу совсем рядом с ним, в том месте, где земля была взрыхлена ударом огненного хлыста, превратились в прах пыли головешки, оставшиеся от колдуна. Сам чернокнижник, едва воскресившись к жизни с помощью сохранившего его сознание в мертвом теле камня душ, взмахнул руками, возводя полупрозрачную сферу. Поток чистой энергии огненной стихии уже миновал, но обычный человек без магической защиты выжить в смеси серных газов, раскаленного воздуха и вулканического пепла не смог бы. Но колдун и не был обычном человеком. Улыбнувшись тонкими, бескровными губами, чернокнижник направился к лежащему в беспамятстве юноше, отдавшему свою жизнь графине.

Адель между тем, миновав высокие двери зала, сейчас медленно за ней закрывающиеся, взмахнула рукой, открывая портал — и шагнула в горящий голубым светом овал, появляясь в кабинете магистра цитадели Эмеральд. И моментально оказавшись на перекрестье внимательных взглядов.

— Ее нет в новых мирах, — с трудом сохраняя спокойствие, произнесла француженка.

«Как нет?» — читался вопрос в глазах магистра Эмеральд, но Юлия, едва дернувшись, промолчала. Зажмурившись, девушка спрятала лицо в ладонях.

— А-а-а ч-черт! — выдохнула она чуть погодя, растирая щеки. Отняв от лица руки, растерянная девушка, хлопнув по столешнице, порывисто поднялась с кресла магистра и, выразив настроение парой грязных ругательств, подошла к узкой бойнице окна, напряженно раздумывая.

Цитадель Эмеральд стояла в выгодном месте безлюдных — пока безлюдных — земель Гипербореи. Форт больше не висел в пространстве, а приземлился в море — закрывая пролив между двух морей на месте будущих торговых путей. Каменная крепость утесом высилась над водой — родной стихией магистра цитадели.

Но сейчас в безлюдные до этого момента земли нагрянули гости. Немного — едва больше полутора сотен. Но треть из них была высокоранговыми магами огня, и все они были враждебно настроены к обитателям цитадели Эмеральд — чуть больше часа назад оповестив о начале осады — именно из-за этого Юлия спешно вернулась из Империи в Гиперборею.

— Ты не ошибаешься? — повернулась от окна Орлова, глядя на Адель Дюбуа.

Вышедшая из портала француженка, вспыхнув раздражением, взяла себя в руки и покачала головой, повторив ровным голосом:

— Ее нет в Новых Мирах. Или Карта врет, что маловероятно.

Вновь звучно выругавшись, Юлия ударила кулаком по стене, зажмурившись и заскрипев зубами.

— Так, — открыла она глаза через пару секунд, поднимая кристально-чистый лазурный взгляд и собираясь продолжать, как вдруг девушку прервала Клеопатра:

— Как только начнется нападение, к нам в гости прибудет несколько групп диверсантов.

— Откуда ты знаешь? — посмотрела, полыхнув синим пламенем взгляда, Юлия.

— Не могу сказать. Знаю, — покачала головой Клеопатра. Юная княгиня Ланская, сидя на кресле, закинув ногу на ногу, пыталась сохранить невозмутимый вид. Но ее лицо было пергаментно бледно, а губы искусаны едва не в кровь. — У нас по всей цитадели наставлены маяки.

— Кто их оставил? Рюрик?

— Юля, я сейчас и так подвергаю смертельной опасности… одного человека, — произнесла, с трудом справляясь с собой,

Клеопатра — и по ее эмоциям Орлова моментально догадалась, о ком идет речь. Но уже об этом не думая — вновь грязно выругавшись, Юлия пнула высокую декоративную вазу — разлетевшуюся мириадами осколков, полыхнув голубым пламенем.

— Адель, — обернулась к француженке магистр цитадели, — возвращайся в Диамант, после чего выходи в первое отражение. Найти Бекку и… пусть попробует нам помочь — я закрою цитадель.

Француженка, на миг задумавшись, кивнула. Выждав несколько мгновений — не передумает ли Юлия, Адель открыла портал. И через секунду голубой овал схлопнулся, исчезая вместе с девушкой.

Развернувшись на каблуках, Юлия посмотрела на Приска, Геральта и Клеопатру.

— Мы в полной жопе, господа, — выдала вдруг магистр цитадели, скривившись, словно от зубной боли.

— Их больше всего в три раза, — меланхолично произнес Сиверс, разглядывая свои ногти, реагируя на взгляд Юлии.

— Не в три, — покачала головой Лера. — Чуть меньше.

— Двадцать три чародея — из них один высшего ранга, а четверо первой ступени, из них два эксперта. С рыцарями проще — там все первого ранга, всего четыре офицера, — продолжая разглядывать ногти, скрывая внутренне напряжение, пояснил Приск. — Но их реально много, — добавил он чуть погодя.

— Это тебе кто сказал про ранги? — поинтересовалась Юлия.

— Попросил состав отступников Красной Розы, — пожал плечами Сиверс и добавил, предваряя вопрос: — У друга.

— Я закрываю цитадель. Первый режим, — полуутвердительно произнесла Юлия. Не дождавшись возражений, она открыла интерфейс магистра цитадели и тонкие пальцы запорхали по интерактивному меню.

Осада крепости — по уложению правил для миров, в которых Орден Хранителей являлся признанным арбитром, — могла проводиться по правилам, или же без таковых. Режим выбирал глава осажденных.

В первом случае крепость мог атаковать только отряд, начавший осаду, и количество его воинов не могло превышать количества обороняющихся более чем в три раза. В игре без правил существовало лишь временное ограничение — три часа после начала осады. И еще два часа в обоих случаях давалось осаждающим на то, чтобы подготовиться к началу битвы — в ходе которой, при выборе варианта без правил, к любой из сторон могло присоединяться подкрепление в неограниченном

количестве. Также все участники — и защищающиеся, и осаждающие, при обоих вариантах в случае смерти воскрешались только после окончания осады.

Услышав про диверсионные группы и маяки в цитадели, Юлия поняла — что именно на второй вариант рассчитывали те, кто осадил цитадель Эмеральд лишь силами отступников Красной Розы — отколовшаяся от ордена магов огненной стихии, ставших отверженными для всего мира.

Ведь даже учитывая проведение осады без правил, вряд ли кто взял бы на себя риск запятнать репутацию — связавшись с отверженными, даже не говоря о том, чтобы приобрести врага в лице графини Аренберг — именно так могла бы думать магистр Цитадели, рассчитывая на подкрепления. Юлия так и думала — когда узнала, что на Эмеральд, подписывая себе смертный приговор как гильдии, рискнули напасть отступники Красной Розы. Вот только отсутствие Ребекки лишало цитадель серьезных возможностей — а те наемники, которые в краткий срок могут собрать они вчетвером — смогут ли справиться с таинственными диверсантами… Вернее, не уже с таинственными — вопрос теперь лишь в их качестве и количестве.

Пытаясь найти правильное решение, прежде чем утвердить проведение осады в первом режиме, Юлия бросила короткий взгляд на Клеопатру.

— Не спрашивай, — покачала Ланская головой, полностью закрываясь от чтения мыслей — подтверждая догадку Юлии о принадлежности тех, кто должен был проникнуть в цитадель.

Резко хлопнув по интерактивной кнопке, Юлия свернула интерфейс и выпрямилась, нависая над столом.

— Гера, бери инструкторов и мастеров, выдай им на складе все, что может стрелять — и на восточную стену. Я подойду чуть позже, произнесу речь — они все на контракте, но если кто останется на время осады, посулю премию и большое человеческое спасибо. Приск, возьми весь второй курс, кроме чародеек, с тебя западная сторона. Лера, все, кто выше второго ранга, твои. Расставь сама, я после посмотрю. У нас осталось тридцать семь минут, готовимся, господа! — повысила голос и даже похлопала в ладоши Юлия. — Их всего в три раза больше, мы справимся!

— Только у нас нет япошки и Воронцова, — негромко произнесла Клеопатра, с немым вопросом глядя в глаза Юлии.

Взор Орловой полыхнул так, что Лера отшатнулась.

— Япошку зовут Сакура, — дрожащим от напряжения голосом произнесла она и продолжила: — Будь добра, в следующий раз будь корректней в высказываниях. Да, их нет и не

будет. Не спрашивай, — покачала Юлия головой, плотно сжав губы.

Заскрипели отодвигаемые кресла и трое доверенных магистра цитадели поднялись.

— Они наверняка знают, — негромко заговорила Юлия, заставляя всех прислушаться, — что у нас есть драконы, поэтому постарайтесь не умереть до того момента, как они пустят в ход все свои силы. Только после этого я могу рискнуть, взлетая.

— Один дракон, — вопросительно подняла бровь Лера — она, как и остальные, знала, что навыками драконьего всадника в цитадели обладает только графиня Аренберг, Юлия и Воронцов.

— Я работаю над этим, — резко, скрывая раздражение, замотала головой Юлия, так что локоны хлестнули по лицу. — Стойте, — окликнула она выходящих соратников. — Ребят, у нас есть два варианта. Или мы победим… или мы победим. Других нет — потому что, если мы проиграем, это [конец].

Переглянувшись, Приск, Геральт и Клеопатра вышли из совещательного зала покоев магистра цитадели.

— Это была самая охренительная мотивационная речь, которую я когда-либо слышал, — произнес мастер цитадели, до сего момента молчаливо мастеривший бумажного журавля в технике оригами, сидя на простом стуле в самом углу.

— Госпожа магистр, — голосом, в котором зазвенел лед, произнесла Юлия.

— Ась? — поднял взгляд мастер, но почти сразу в его светлых глазах появилось понимание: — А, понял! Это была самая охренительная мотивационная речь, которую я когда-либо слышал, госпожа магистр. Прошу прощения за бестактность, госпожа магистр.

— Мастер Бран, — посмотрела в белесые, подернутые пугающе мутной поволокой глаза Юлия: — Вы же умеете управлять драконом?

Глава 7. (…) Возвращение

Помещение озарили красные отсветы, а вой сирены раздался так громко, что заложило уши. Один из дежурных специалистов комплекса «Сфера», качающийся на кресле у пульта, завалился спиной вперед, падая на пол, а второй от неожиданности пролил кофе себе на брюки. Не обращая внимания на боль от кипятка и мокрые штаны, специалист вскочил и бросился по коридору в помещение С8, где была зафиксирована нештатная ситуация.

Заскочив в отсек, разделенный на пять VIP-lounge зон, дежурный бросился к третьей двери. Распахнув ее, он подбежал к кокону, приложив к сканеру ладонь, подтверждая доступ, и рванул рычаг аварийного выхода в мир первого отражения.

Никакой реакции — лишь сильнее забилось в судорогах изумительно прекрасное тело путешественницы. Специалист невольно скользнул взглядом по освещенной синим неоновым сиянием обнаженной фигуре графини Аренберг, едва прикрытой держателями экзоскелета; вернувшись было взглядом к сенсорному экрану, он по наитию поднял глаза и замер, даже не замечая, как открывается от ошеломления и ужаса рот.

Кожа графини начала покрываться старческими морщинами, сильное молодое тело на глазах усыхало, истончаясь — превращаясь в скелет, словно обтянутый пергаментом. Сквозь ревущую сирену аварийной тревоги пробрался писк кардиомонитора — на котором тянулась ровная полоса.

У специалиста задрожали руки — поскуливая от ужаса перед происходящим, он не знал, что делать, раз за разом подтверждая доступ, активируя режим возвращения в мир мертвой — уже мертвой — девушки. Второй дежурный замер рядом, увидев мумию, в которую превратилось несравненной красоты графиня.

Неожиданно иссохшая девушка словно налилась оранжевым светом — вновь возвращаясь к прежней форме, наполняясь жизнью, вот только руки и ноги ее уже были объяты языками пламени.

С громким хлопком с путешественницы слетела маска экзоскелета, и удивительно привлекательное лицо исказило гримасой боли, а глаза наполнились чистым пламенем. Раздался взрыв — и кокон перестал существовать, разлетаясь мириадами осколков стекла, пластика и стали. В ореоле остатков экзоскелета хрупкая, объятая магическим пламенем фигурка рухнула на пол — закричав так, что стоявший в отдалении специалист вылетел в коридор. Смяв коллегу и бегущую — запаздывающую — бригаду

реаниматологов.

Ребекка в это время выгнулась дугой, не замечая плавящихся под ней стекла и стали, и встала на четвереньки, вновь пронзительно завизжав, пытаясь выплеснуть боль. Крик не помогал — и, тонко подвывая, графиня свернулась на полу в позе эмбриона, обняв колени и едва не обезумев от живого пламени внутри — постепенно перемешивающегося с взъярившимися зелеными языками ее проснувшейся родной магической стихии.

Вокруг пятачка со сжавшейся на полу графиней бушевали сполохи красно-зеленого магического пламени — постепенно опадая, но еще не давая никому приблизиться. В отсеке уже находилось три бригады реаниматологов и несколько руководителей — наблюдая за тем, как дрожит в центре буйства огня кажущаяся сейчас такой хрупкой фигурка.

Отбросив с прохода пытающихся подняться врачей и специалистов, с пронзительным криком к лежащей вздрагивающей девушке подскочила полуодетая Адель, падая на колени и обнимая Ребекку. Даже не обратив внимания на опаляющее — для других — пламя. Практически моментально опавшее — сверкнувшее отблеском в глазах юной француженки.

Ребекка, заново переживая произошедшее, позволила себе несколько раз всхлипнуть и даже немного поплакать, прижавшись к юной француженки. Но практически моментально взяв себя в руки, поднялась, оскальзываясь на оплавленной поверхности — выпрямляясь с поистине царственной осанкой.

Столпившиеся вокруг разрушенной и выжженной комнаты моментально попрятали взгляды — все, кроме первой бригады реаниматологов. Врачи, выполняя долг, торопливо — но осторожно — двинулись к графине. Будучи, впрочем, почти сразу остановлены коротким, но величественным жестом.

— Одежду мне кто-нибудь принесет? — поинтересовалась Ребекка — даже не дожидаясь конца фразы, несколько человек уже сорвалось с места.

Пережившая смерть и возродившаяся в чистом пламени графиня выглядела как ни в чем не бывало — и только все еще держащаяся за ее предплечье Адель чувствовала, какая буря эмоций бушует сейчас в душе у Ребекки.

Глава 8. Взаперти

Преисподняя. Закрытые миры.

Попасть сюда можно лишь одним путем — из мира Авалон, через огромную арку портала в цитадели Магов. Приводит тот на широкое каменистое плато — мир адских врат, Хеллгейт.

Портал адских врат охраняют сразу несколько крупных гильдий — союзных солнцеликому Хорсу, чья Золотая гвардия совсем недавно завоевала первый мир преисподней, захватив крепость, принадлежащую ранее Белому Отряду — наводящей ужас на многие планы новых миров банде авантюристов и откровенных подонков.

Хеллгейт — скала застывшего пламени, по которой гуляет жгучий ветер, бросая злые, колкие песчинки праха мертвого мира. Здесь властвуют лишь две стихии — огонь и воздух. Это мир, в котором правит жизнь, и где родилась смерть. Плато многолюдно — здесь возвышается крепость Врат. И только в ней находятся порталы, напрямую ведущие в другие планы преисподней. Их, кроме Хеллгейта, еще три — плато возвышается над ними скальным утесом, расположившись словно на панцире титанической черепахи.

Территория преисподней под платом адских врат поделена на три ровные части. На первой из них царствуют стихии огня и земли — мир Муспельхейм. Здесь зародилось и живет пламя.

Второй мир преисподней — Нифльхейм. Это мир, где правят вода и воздух — место, в котором родилась стужа. Ледяной мир.

Третий — Хельхейм, царство туманов. Темно-серое мрачное место, где властны только две стихии — вода и земля. Это место, где родилась жизнь — и где правит смерть.

Лишь только то, что я — ощущая эхо ауры мест, — сосредоточенно вспоминал лекции в Эмеральде об устройстве Новых Миров, цепляясь за осколки реальности, помогало по-прежнему сохранять крупицы разума. Кроме этого, я едва, на совсем тонкой грани — ощущал чувства людей рядом: злоба, ненависть, и — на удивление, — страх и растерянность.

Чувствовал я себя словно погруженный в тяжелую плотную массу — ощущая каждой клеточкой невероятное давление. Похожее, наверное, испытывает в последние мгновенья жизни автомобиль под гидравлическим прессом — вот только мгновение для меня не заканчивалось.

Боли как таковой не было. Сильных эмоций тоже. И мыслей. Лишь слабые отголоски воспоминаний держались за край

сознания — словно непослушные пальцы на морозе, не желающие повиноваться. Будто утопающий в зимней реке я раз за разом понемногу приходил в себя, цепляясь за край полыньи, но стоило только сознанию чуть проясниться — словно выбираясь, как меня снова накрывало темнотой. И все же несмотря на то, что я — телом и разумом отрешенный от реальности — находился будто под толстым слоем плотной ваты, через некоторое время явно начал ощущать ауру энергии воды и земли.

Хельхейм — я уже в царстве мертвых, на земле мглы и тумана.

Через долгий, растянутый во времени миг — час, а может и день — мрак вокруг рассеялся, уступив место темно-серому мареву, сквозь которое проглядывали смутные фиолетовые пятна. А отголоски стихий и магической энергии пропали. Совсем. Вокруг была лишь тяжелая, мрачная агрессивная сила — природу которой я понять не мог. Ни разу до этого не чувствовал подобных отголосков магии ни в Атлантиде, ни в других новых мирах.

Пространство перед глазами по-прежнему полнилось темной хмарью, но вдруг замерло, а после словно раскрутилось волчком, замелькав калейдоскопом. Тяжесть ощущений, сдавливающая каждую клеточку тела, пропала — и я закричал от боли. Беззвучно — лишь едва слышный вздох вырвался из груди.

Наверное, подобное испытывают глубоководные рыбы, взрывающиеся от внутреннего давления — после того как их поднимают на поверхность. Вот только пережив изменение состояние — когда превратился из небольшой статуэтки, сжатой артефактной компрессией — я не взорвался, как рыба. Хотя очень желал — выгибаясь раз за разом, — словно натянутый до предела лук с отпущенной тетивой, пытался сбежать, избавиться от тянущей боли. Очень хорошо теперь представляя, что чувствовала Ребекка — когда я видел ее мучения в цитадели. Вот только ее тогда — как меня сейчас — не хватали чужие грубые руки, пытаясь растянуть крестом.

Попробовал было рвануться — но одеревеневшее тело не слушалось так, как я хотел; скованные мышцы взорвались болью. Внутри я не ощущал ни крупицы энергии — тогда, на площади, отдал все что было Ребекке. Но, несмотря на это, продолжал бороться — постепенно фокусируя мутный взгляд, понимая, что нахожусь в развеянном фиолетовым светом магических факелов мраке подземного зала.

Замерев на краткий миг, попробовал потянуть в себя энергию и ощутил нечто похожее на то, что испытывал в Технополисе — легкий холодок дуновения пустоты в ладонях. Энергия рядом

была — но мне недоступная, даже вовсе враждебная.

Воспользовавшись мгновенной заминкой, темные фигуры рядом смогли растянуть мне руки и ноги. Плечи взорвались болью — рывок неизвестных пленителей был настолько силен, что мне едва руки из суставов не выдернули.

Закричав от новой порции мучений, я попробовал извернуться — но на запястьях и щиколотках защелкнулись широкие оковы, а цепи натянулись так, что мне было не шевельнуться. Зажмурившись, я сжал зубы, пытаясь прийти в себя, понять где нахожусь, и отстраниться от терзающей все тело боли.

Просторный зал подземелья все больше проявлялся из мрака, освещаясь магическими факелами — дававшими фиолетовый отблеск. Осматриваясь, я с трудом различил высокий потолок, усеянный шипами сталактитов, причудливо переливающихся лиловой тенью от огня факелов.

Спину холодил ровный, полированный камень алтаря, на широкой плите которого я лежал, чувствуя кожей глубокую канавку кровостока как раз под тем местом, где было сердце. Очень надеюсь, меня сейчас убьют — пусть даже жертвенным ножом, — и я вновь окажусь на вилле Лаэртского. Думал об этом, стараясь отгонять другие, более печальные и пугающие варианты.

Незнакомцы — только что цепко державшие мне руки, заковывая в кандалы, отошли, скрываясь во мраке — я видел теперь только смутные силуэты. Напряженные вниманием, но понемногу удаляющиеся.

Вдруг появился яркий свет — одна за другой через подернутой пеленой мрака арки в зал вплывало фиолетовое пламя, заключенное в большие круглые жаровни. И даже не сразу понял, что каждую несут по несколько согбенных фигур. Это были карлики в темных лохмотьях, не очень похожие на людей даже манерой движения, повадками. И совершенно пустые по ауре эмоций — безропотные, местные рабы.

По мере того, как жаровни разносились по залу, пространство вокруг все ярче освещал призрачный свет. Группа — с закрытыми капюшонами лицами, растянувшая меня на алтаре — исчезла в арке прохода. Вместо них появились практически обнаженные девушки — на каждой из них был только распахнутый, ничего не скрывающий плащ. Невольно приподняв голову, я наблюдал за тем, как десяток стройных эльфиек легко разбегается по залу. В том, что это эльфийки, сомнений не было — смуглая, а у некоторых синевато-лиловая кожа, белоснежные волосы, заметные острые кончики ушей, яркие — синие, фиолетовые, лиловые — глаза.

Большинство девушек было покрыто вязью татуировок, оттеняющих кожу: на смуглой узоры были коричневыми, на фиолетовой — темно-пурпурными. Эльфийки расходились по залу, бросая что-то в жаровни; пламя сразу вспыхивало, на краткие мгновения поднимаясь под самый потолок — озаряя все вокруг призрачными тенями.

Вспыхнув на мгновенье, пламя опадало, но жаровни после этого принимались чадить клубами дыма — невесомого, с чарующим душисто-сладким ароматом — дарящим странное, удивительное парящее чувство наслаждения. Воздух вокруг будто сгустился — я не сразу понял, что под высокими сводами потянулось монотонное пение. Монотонное, но ритмичное, притом с каждым тактом напев становился громче.

Вдруг раздался треск — пространство перед алтарем полыхнуло, окружая его стеной фиолетового огня — быстро, впрочем, опавшей. Зал осветило ярким отсветом, смешавшимся с пурпуром эльфийских накидок и развешанных по каменным стенам флагов.

От жаровен уже валил густой, плотный дым — стелясь по полу и скрывая его под собой. Казалось, что эльфийские девушки теперь стоят погрузившись в облако по колени. Вместе с дымом усилился чарующий аромат — от которого по всему телу разливалась успокаивающая томная нега. Мышцы потянуло онемением слабости — удивительно приятным. Монотонная песня в зале звучала все громче — чувствовалось, что поющие девушки уже не в силах сдерживать эмоции, сгорая от желания вкусить безумие плотского наслаждения.

Я вдруг почувствовал легкие касания — едва задевая подушечками пальцев, понемногу усиливая нажим, по мне скользили многочисленные ладони, чужие мягкие губы невесомыми прикосновениями ощущались на лице, шее. Кожу захолодило сразу в нескольких местах — подняв голову, я увидел, как небольшими изогнутыми кинжалами несколько эльфиек срезают с меня одежду.

Я был против, попытавшись остановить их окриком, но мой рот закрыли требовательные влажные губы, сливаясь со мной в жадном поцелуе. Растянутые цепями руки задрожали от предвкушения, а все тело пронзило тянущей жаждой. Чарующий аромат дурманил голову — я будто бы находился в той степени опьянения, когда еще понимаешь, что начинаешь творить непотребства — но уже не переживаешь по этому поводу.

Со страхом понимая, что нахожусь во власти дурмана, попытался освободиться из ловушки желания, но осколки осознания бились словно за стеклянной клеткой, заглушающей

голос разума.

Окружившие меня эльфийки, уже прижимавшиеся обнаженными телами, вдруг прянули по сторонам — послышался легкий шелест, кое-где сопровождаемый утробным стоном сдерживаемого нетерпения. Все девушки смотрели в одну точку — и, приподняв голову, я сам глянул в сторону направленных взглядов.

Сопровождаемая двумя высокими горделивыми жрицами, к алтарю шла юная принцесса, закутанная в пурпурный плащ по самое горло. Девушка явно волновалась — передвигалась скованно, опустив взгляд под ноги; и не останавливалась лишь оттого, что сопровождающие ее эльфийки, прерывисто дыша от возбуждения — я видел, как дрожит обнаженная грудь одной из них, — тянули принцессу за собой.

Огонь в жаровнях вновь полыхнул, снова на краткий миг рванувшись вверх до самых клыков сталактитов. Клубившийся по полу дым все сгущался — но не поднимаясь выше определенной высоты, — а его аромат все больше наполнял присутствующих безумным желанием, сметая все барьеры. Ритмичное пение прекратилось, трансформировавшись в многоголосые чувственные стоны: не выдержав, некоторые эльфийки уже сплелись в тесных объятиях, даря друг другу наслаждение — купаясь в клубах дыма рядом с алтарем.

Одна из сопровождающих принцессы протянула руку, и взвился прочь распахнутый плащ. Зависнув на миг, плотная ткань скользнула на пол и исчезла в дыму, открывая невиданную красоту. Ведомая к алтарю принцесса коротко вскрикнула от испуга и смущения, не поднимая глаз. Практически все присутствующие — и, наверное, даже я — ахнули, не сдержавшись. Юная эльфийка была божественно прекрасна — в тончайшем ассиметричном белом платье, оголявшим плечи и оттенявшим смуглую кожу, на которой лежали длинные — до пояса — белоснежные локоны. Подняв взор, принцесса посмотрела на меня взглядом, в котором еще читалось смущение и испуг. Ее кроваво-красные глаза блестели ярче, чем алый блеск камня амулета, примостившегося прямо на приподнятой платьем небольшой девичьей груди.

— Сегодня ты пройдешь посвящение, — зашептала горделивая сопровождающая принцессе, подталкивая ее ко мне. Девушка испуганно ойкнула, но тут ее губы накрыло скользящим поцелуем второй жрицы, по телу заскользили ладони — стелясь над алтарем, выныривая из клубов дыма, юную девушку ласкали многочисленные руки, а кожу покрывало поцелуями сразу несколько обезумевших от чарующего аромата эльфиек. Стянутое

платье отлетело в сторону — и лишь долгий взгляд сопровождающей заставил принцессу отнять от груди машинально вскинутые руки.

Одна из жриц распростерлась на алтаре рядом со мной, увлекая за собой девушку; вторая скользнула с другой стороны, отодвигая рядовых эльфиек. Руки жрицы потянулись к принцессе, накрывая девичью грудь и притягивая к нам эльфийку, а язык второй горделивой сопровождающей вдруг ввинтился мне в ухо.

— Пожалуйста, господин, помоги, — раздался томный шепот жрицы, — нам нужен бог для нашей королевы. Прошу, не противься… — чему не противиться жрица сказала мне языком тела, заставив еще раз выгнуться, потянувшись ей навстречу. Не выдержав, я застонал — и сразу меня накрыли чужие ласки, появилось ощущение приятной влажности — кто-то щедро покрывал кожу ароматизированным маслом.

Скользили руки и по принцессе — и по мере продвижения чужих прикосновений по телу девушка все сильнее выгибалась, приоткрыв изумленно ротик и распахнув глаза — словно еще не веря, что может существовать подобное блаженство.

Глубоко порывисто вздохнув — уже не противясь пьянящему аромату, я зажмурился. С трудом сдержав стон, откинул голову назад и тут же почувствовал дразнящие прикосновения чужих губ. Сразу несколько острых язычков касались моего тела, а застонавшая в предвкушении принцесса оказалась на мне, подталкиваемая многочисленными руками.

Мягкими прикосновениями жриц потянули в стороны бедра девушки — открыв ротик в беззвучном крике наслаждения, принцессы прянула ко мне, но вдруг ее задержали.

— Он еще не готов, — услышал я голос жрицы.

«Как это не готов?» — едва не закричал я, как вдруг прямо перед глазами появились окна интерфейса — верхнее было с приглашением в Дом Темного пламени.

— Да! Да! Да! — голосом подтверждал я команды, не слушая бившийся в истерике, заключенный в глухую клетку разум. Ничего страшного ведь не происходит — им просто нужен молодой бог для посвящения принцессы. Они ведь достали меня из плена артефактной компрессии!

Стоило только закрыться последнему окну, реагируя на мою голосовую команду, как эльфийские жрицы потянулись к принцессе — и девушка оседлала меня, пронзительно вскрикнув и замерев, распахнув глаза. Фокусируя взгляд, принцесса посмотрела сквозь меня невидящим взглядом и подняла взор, отдавшись накатывающему безумству. Худенькое тело эльфийки забило крупной дрожью — она начала стонать в такт движениям.

У меня же не было сил даже осознать происходящее — казалось, чарующий дурман заставил меня слиться с эльфийкой, став частью ею самой.

Пронзительно закричав в момент наивысшего наслаждения, принцесса прянула вперед и вписалась мне в губы жадным, безумным поцелуем. Я почувствовал, как тону, погружаясь в нее — с необычайной четкостью ощущая, как проникают в мое сознание членистоногие щупальца, усеянные мягкими волосками; как короткие, но удивительно острые когти на концах паучьих лап разрывают мое сознание, проникая внутрь, словно разрывая одну за другой связывающий сознание с телом струны души.

Мое сознание словно вырвалось на свободу — в полном оцепенении сверху я наблюдал, как над распластавшейся на моем теле худенькой принцессой появляется огромный фиолетовый паук. Вгрызаясь в плоть призрачными лапами, он опутывал меня липкой паутиной — самой настоящей, в отличие от фиолетового призрачного марева. Мое тело, освобожденное от натяжения цепей, вдруг съежилось — как горящий лист бумаги, кожа поползла в стороны, открывая уродливые наросты, руки искривились, а распахнутые глаза словно накрыли выпуклые темные очки. Уже понимая, что превращаюсь в паукообразного, лишенного разума монстра, я остатками угасающего сознания взвыл от отчаяния.

Вдруг появившиеся на моем лице фасеточные глаза взорвались, исчезая, а рот исторг черную слизь на очистившееся лицо и избавившуюся от наростов грудь. Испуганно вскрикнув, эльфийская принцесса неловко отпрянула, падая с алтаря. Из меня вдруг прыжком в реальность появился призрачный пес — перекусивший сразу несколько щупалец паука, наваливаясь на него и сбивая с алтаря.

Призрачные зубы пса, терзающие призрачного же паука, наносили реальный вред принцессе — ее рука брызнула кровью и полосками плоти, изо рта хлынула кровь. Отброшенная от невидимого удара эльфийка исчезла в клубах пламени, и практически сразу же лопнула сотканная из пурпурного пламени проекция паука.

Истончился вырвавшийся из моего тела пес, а мое сознание рывком втянуло обратно в тело. Захрипев, я рванулся — разрывая цепи и вязкую паутину, выпрямляясь на алтаре. Опасно ощерилась одна из жриц, отпрянув, а я ударил в красивое лицо эльфийки и, перехватив обмотавшуюся вокруг шеи цепь, дернул — извернувшись и упершись ногой ей в грудь.

И мгновенно обернулся — в том месте, где мгновением раньше исчезла в клубившемся дыму эльфийская принцесса,

появился ужасающий монстр. Огромный паук в два человеческих роста — вместо головы которого была верхняя часть юного тела эльфийки. Обезображенного по всему плоскому животу поперечным шрамом с наростами — поднимающимся от того места, где нежная смуглая кожа превращалась в панцирь монстра. Ощерившись уродующими юными личико острыми клыками, тварь — невероятно быстро перебирая восьмеркой паучьих лап, оказалась рядом. Я попытался было скатиться с алтаря — но сразу несколько клейких полос паутины обвили меня, обездвиживая.

Раздались крики, топот ног — и я вновь почувствовал тяжесть артефактной компрессии. Только в этот раз сознание осталось со мной — не цепляясь на пороге бездны, словно утопающий на последнем издыхании. Абстрагировавшись от давящего ощущения, я четко осознавал, что происходит вокруг. И даже мог наблюдать: статуэтка, в которую я превратился, лежала на камне алтаря на боку.

Я видел, как ужасающее чудовище вновь перевоплощается в хрупкую девушку — не такую уж и ошеломляюще красивую, если смотреть без воздействия чарующего дыма; еще и голос у нее пронзительно визгливый, а густая матерщина, полившаяся из нежного ротика, красоты эльфийке точно не добавляла. И грязных ругательств было не просто много, а очень много. Хотя экспрессивную речь эльфийки можно было ужать до нескольких фраз: «Кто это такое, и зачем ты мне сюда его притащил?»

Ворвавшийся в зал белокожий колдун — недавно пытавшийся убить Ребекку — отшатнувшийся сейчас от напора эльфийки, коротко глянул на меня.

— У тебя же почти получилось! — как сквозь вату услышал я его слова.

В ответ послышалась лишь отборная ругань — сводившаяся к тому, что я ей, как оказывается, едва мозг не выжег.

— Забирай его! — истерично взвизгнула эльфийка. Для полноты убеждения она даже подпрыгнула, взмахнув руками со сжатыми кулаками, не обращая внимания на свою наготу. А как стеснялась совсем недавно — только и подумал я со злой ненавистью.

— Куда его забирать? На него не действует артефактная компрессия! — повысил вдруг голос колдун.

«Как это не действует?» — спросил я мысленно сам себя.

«А мне это интересно?» — примерно с таким смыслом вновь визгливо завопила эльфийка.

Дальнейший разговор между колдуном и эльфийкой-паучихой велся на весьма повышенных тонах со взаимными

оскорблениями. Кроме того, что эльфийка должна колдуну, я понял еще, что она до зубовного скрежета боится Ребекку — которая совсем скоро меня найдет, — и тогда плохо будет всем.

Колдун уверял, что не найдет — потому что ни Карта Хаоса, ни Глаз Балора меня обнаружить не могут. Пока они кричали друг на друга в опустевшем зале — лишь труп жрицы валялся рядом, наполовину свесившись с алтаря, — колдун один раз обновил на мне заклинание компрессии. После этого я узнал, что пленить меня он смог только потому, что у меня не было ни капли энергии. И именно поэтому я здесь — в Хельхейме, царстве туманов, подальше даже от намека на стихию огня.

— И что с ним, [черт тебя дери] делать? — визгливо, так что заметалось эхо под сводами зала, завопила эльфийка, возвращаясь вопросом к началу беседы.

Ответ колдуна я едва-едва расслышал, а поняв смысл — оторопел.

— Как?

— Как остальных, — произнес белокожий чернокнижник, пожимая плечами, а мой разум от его слов сковало ледяной паникой.

Глава 9. Кошмар

Ледяной дракон опускался к цитадели по спирали — то и дело изломанно дергаясь, едва не сваливаясь в пике; вокруг величественного ящера клубились несколько морозных смерчей, шлейфом стелилась в воздухе голубая кровяная взвесь, оставляя ультрамариновый инверсионный след.

Плавное планирование у дракона не получалось — левое крыло монстра было словно пропущено через мясорубку, и лишь магия всадницы удерживала ящера от сваливания в крутой штопор. Управлять потрепанным драконом было непросто — напряжение в хрупкой фигурке наездницы чувствовалось даже на расстоянии. Изломанно приземляющийся монстр, то и дело выдыхая ледяное пламя, замораживающее хлещущую из ран кровь, издавал пронзительный рев, в котором чувствовалась боль.

Длинные когти единственной лапы — вторая была практически оторвана и висела безжизненной плетью — вцепились в оставшуюся целой часть парапета западной стены. Взмахнув крыльями и огласив окрестности воплем, ящер попытался опереться на искалеченную лапу и, не удержавшись, начал медленно заваливаться вместе с крошащимися булыжниками. Ломая ограждение пешеходной галереи третьего яруса, дракон рухнул вниз, подминая под себя трибуну мастеров — так что треснули доски перекрытия, а отброшенное ударом хвоста кресло магистра ударилось о стену, разлетаясь щепками.

Совершенно невредимая наездница выпрыгнула из седла воздушно-изящно, словно балерина. Обойдя края крупного рваного провала в дощатом настиле, из которого поднимался чадящий черный дым, магистр цитадели Эмеральд приблизилась к выжатой как лимон Майе — девушка, отдав практически всю силу на лечение защитников крепости, привалилась к остатку стены.

— Пойдем, — негромко произнесла Юлия, обращаясь к обессилевшей целительнице и подавая ей руку.

Девушки выглядели разительно контрастно: магистр цитадели в чистой словно с иголочки парадной форме, с развевающимися за спиной волосами и горящим магической лазурью взором. И раздавленная, с трудом сохраняющая сознание целительница в рваной, местами обугленной полевой униформе — под прорехами которой виднелась сетка неглубоких ран.

Последний штурм дорого дался защитникам цитадели — многочисленные тела погибших устилали нагромождения камней

рухнувшей кладки. Майя была одной из немногих выживших. Утомленная, раненая и едва живая она выглядела под стать полуразрушенной цитадели. Форт был сильно поврежден — западная стена практически перестала существовать, снесенная стихийной магией высшего порядка, и сквозь скелет перекрытий было видно внутреннее убранство личных покоев кадетов. Уцелевшие стены были тронуты сажей — в некоторых местах, понемногу плавя камень, еще горел, постепенно затухая, магический огонь. По внешнему периметру омываемых морем стен вспухли многочисленные ощерившиеся шипами наросты — там, где встречалась магия воды со стихией огня, которой оперировали все напавшие на Эмеральд маги. Гладь залива исходила паром — остатки чудовищной силы огненной волны затухали нехотя, еще сопротивляясь воде.

Черный, щерящийся острыми клыками застывшей лавы и оплавленными прорехами в почерневших стенах, форт выглядел ужасающе, скрываясь в густой серо-оранжевой пелерине огня и дыма — но черно-желтый штандарт по-прежнему реял над цитаделью.

Последний штурм был отбит, но официально осада еще не закончилась — и из-за этого погибшие защитники еще не могли воскреситься, — находясь в серой дымке наблюдения, оставаясь привязанными к своим телам.

— Пойдем, — повторила Юлия, глядя в помутневший от слабости взгляд Майи, потянув ее за руку, заставляя девушку встать на ноги.

— Я… не могу… — с трудом справившись с голосом, произнесла Майя. Юлия видела, как понемногу набухают кровью треснувшие губы целительницы — целительницы самого высшего ранга, которого можно достичь лишь путем отказа от помощи самому себе. Майя, как показало сражение, могла оперировать невиданным потоком жизненной силы, направляя его на других, а себе не могла залечить с помощью магии даже мельчайшую царапинку.

— Силу я дам, только направляй, — не стала даже слушать Юлия, обхватив Майю за плечи и ведя к дракону. Целительница, едва удерживаясь в сознании, присела на колени рядом с массивной — в два обхвата рук — шеей дракона. Жилка, бьющаяся под чешуйчатой кожей, понемногу замедляясь.

— Сейчас, сейчас, мой хороший, — неожиданно ласково произнесла Юлия, погладив по носу сипло дышащего дракона. — Эй-э-эй, — тут же подхватила она за плечо складывающуюся Майю, слегка встряхнув. Целительница опомнилась, выныривая из полудремы беспамятства, и прикоснулась к шее дракона.

Юлия, в свою очередь, возложила ладони ей на плечи — и фигура целительницы вдруг наполнилась светло-голубым сиянием — через нее сейчас проходили невероятные объемы силы.

Забыв о боли, Майя направляла магическую энергию, выпрямляя и сращивая кости, залечивая многочисленные рваные раны, приводя дракона в чувство. И когда ящер пошевелился, резко перетекая в пространстве — показывая раздражение ревом и вставая на лапы, а поток силы иссяк, — Майя безжизненно опала осенним листом.

Коротко глянув на умершую целительницу, Юлия прижала ладонь ко лбу оправившегося дракона — и монстр сразу исчез из внутреннего двора цитадели, превратившись в небольшую статуэтку и скрывшись в инвентаре магистра.

Юлия бросила короткий взгляд на тело Майи — быстро истончавшееся, превращавшееся в скелет. Все — остатки нападавших уничтожены, осада официально завершена — и сейчас все погибшие защитники воскрешаются в часовне. Вернее, в ее развалинах; Юлия коротко посмотрела на рваный, местами оплавленный шрам в стенах шириной не менее трех метров. Это был след от мага-камикадзе — которого, разогнав и наполнив чистой энергией, — отправили пробивать магическую защиту цитадели, словно файерболом. И если бы не…

Тут, отвлекая Юлию от воспоминаний перипетий сражения, совсем рядом зашевелилась груда камней, оставшаяся от обломков колонн галереи, ставших теперь открытыми по обоим верхним ярусам. Из-под обломков появился Санчес — на него рухнул дракон, погребая под собой, — именно поэтому кадет несдержанно ругался. Он был в потрепанных, прожженных доспехах, но по-прежнему сжимал широкий артефактный меч, до сих пор лучившийся ультрамариновым сиянием наполняющей его магической энергии.

— Кадет Санчес, прошу вас вести себя достойно воспитанника цитадели Эмеральд, — ровным голосом произнесла Юлия. Школьник ее не видел — а услышав голос магистра, испуганно дернулся — так, что прыснули в стороны булыжники, когда он вскочил на ноги.

— Прошу прости… — попытался выпрямиться Санчес, разворачиваясь и не замечая, что стоит на самом краю рваной дыры размером с гаражные ворота. Скрипнули доски, ломаясь под весом, и хрупкий школьник — облаченный в огромные, расширяющего его раза в три, доспехи, — рухнул вниз. Глухо загремела и заскрежетала сталь с первого яруса и раздался тонкий стон боли, — судя по всему, приземлился Санчес не очень удачно.

Из развалин часовни между тем появлялись воскрешающиеся кадеты. Несмотря на победу, большинство казались ошеломленными разрушениями — цитадель была словно куличик в песочнице, который лопаткой подпортил расстроенный ребенок.

Юлия испытывала похожие чувства, но стараясь держать себя в руках, повернулась к восточной стене. Где как раз приземлился багряный дракон — раскрошив когтями стену и практически сразу исчезнув, едва только Ребекка покинула седло.

Графиня, сверкая удивительным красно-зеленым пламенем в глазах, подошла ближе. Юлия в этот момент посмотрела вверх — где, сложившись, камнем падал вниз третий гигантский ящер. Перед самой цитаделью — когда столкновение казалось неизбежным, широкие крылья разошлись, и дракон пролетел в считанных мерах от стены, — после чего резко изменил направление полета, свечой ввинчиваясь в небо.

— Мастер Бран просил передать, что хочет потренироваться в управлении драконом, — произнесла Ребекка, проводив ящера взглядом.

Юлия посмотрела на графиню с немым вопросом — ей сейчас был абсолютно безразличен как мастер Бран, так и третий дракон.

— Могло быть и лучше, — едва шевельнув губами, произнесла Ребекка.

«Ты его нашла?»

— И потеряла, — кивнула графиня Юлии. — Позже, — сверкнула она глазами, сразу оборачиваясь к подходящим Приску и Клеопатре.

Юлия, с трудом удерживаясь от того, чтобы не начать задавать вопросы здесь и сейчас, жестом показала всем следовать за собой. И Приск, и Клеопатра выглядели напряженно — поглядывая на Ребекку, которая появилась в самый последний миг осады крепости — когда результат, по сути, был уже предрешен.

Все четверо дошли до покоев магистра, где Юлия, предоставив Ребекке право распоряжаться, слушала как графиня излагает порядок действий по скорейшему восстановлению цитадели — одновременно манипулируя в интерфейсе, подтверждая команды и создавая запросы на аукционной и тендерной площадках Новых Миров.

— Цитадель восстановим за два дня, — оценил Приск появившуюся на столе проекцию чадящей и полуразрушенной крепости после небольшого обсуждения. — Но…

— Но в ближайшее время на нас никто не нападет, — ответила Ребекка, даже не дав ему договорить.

— Маги же напали. Могут найтись и совсем отмороженные, которые нарушат кодекс, — осторожно произнес Приск — намекая на правило недели, соблюдаемое в мирах Хранителей, — согласно которому подвергшаяся атаке Цитадель в течение семи дней не должна становиться целью других кланов, орденов и гильдий.

— Это уже не проблема, — покачала головой Ребекка и уменьшила масштаб проекции, так что на ожившей карте стали видны две каравеллы с красными мальтийскими крестами на серых парусах, приближающиеся к цитадели.

Юлия закусила губу, едва сдержавшись от резкого вопроса, вопросительно посмотрев на Ребекку.

— Мы пустим в цитадель тамплиеров? — поинтересовалась Клеопатра ровным голосом, стрельнув глазами в сторону Юлии.

— Нет. Просто буквально час назад у тридцати четырех рыцарей Ордена появилось вдруг свободное время для исследования северных земель Гипербореи, и совершенно случайно они именно сейчас проплывают мимо. Думаю, магистр Орлова снизойдет до удовлетворения просьбы бедных рыцарей Храма пришвартовать свои корабли у нашей цитадели на ближайший месяц, — посмотрела на Юлию Ребекка.

— Дорого это нам будет стоить? — только и поинтересовалась прагматично Юлия.

— Нам — нисколько. Лично мне — дорого, — произнесла Ребекка и вдруг сменила тон, меняя картинку проекции. — У нас много работы, господа и дамы, но давайте отдадим дело восстановления цитадели профессионалам.

Все трое пристально всмотрелись в застывшую картинку смерти города.

— Сегодня утром здесь, в Помпеях, за нашим… соратником, Евгением Воронцовым, пытаясь захватить его в плен, охотилась Золотая гвардия Хорса во главе с ним самим. Еще участвовали две богини фараона, нечисть из преисподней, а также ориентировочно больше семи отрядов из разных изолированных кланов новых миров и точно две гильдии убийц.

Мои специалисты уже заняты сбором информации по произошедшему, но будет замечательно, если вы тоже попробуете использовать все свои возможности, чтобы получить как можно больше сведений. Потому что атака на цитадель была совершена с единственной целью — отвлечь наше внимание от города, где в это время пытались захватить в плен Воронцова.

— Им это удалось? — поинтересовался Приск в гнетущей тишине.

— По всей вероятности, да. Я его ищу, — коротко произнесла

Ребекка и добавила: — Поэтому сейчас у меня не так много времени.

Итак, завтра в Башне Аренберга будет проводиться экстренное заседание Совета Мастеров новых миров — поэтому мне необходима вся возможная информация — достоверная! — о том, кто участвовал в бойне в Помпеях. Завтра будут назначать виновных, и если вопрос закроют, а мы не сможем зацепить кого-то из участников, поиски Воронцова осложнятся.

— Две египетские богини? — с обманчивым спокойствием поинтересовалась Клеопатра.

— Да, царская тиара. Завтра в Та-Кемт, возможно, опустеет кресло фараона, — отстраненно кивнула Ребекка.

— Узнать все по бойне необходимо к завтрашнему дню? — напряженно спросил Сиверс.

— Это необходимо узнать к сегодняшнему вечеру, — ответила Ребекка, глянув на молодого Сиверса горящим — так и не пришедшим в норму — взором.

— К чему такая спешка? — осторожно поинтересовалась Клеопатра.

— Новости не смотрите? — приподняла бровь Ребекка и пояснила: — В первом отражении много проблем, поэтому дела Новых Миров сейчас решаются в ускоренном порядке.

— То есть войнушка Индии и Пакистана…

— Эта войнушка, в которой по самым острожным оценкам погибло более двухсот миллионов человек, уже дела вчерашних дней. Потрачено, — поднялась Ребекка: — Прошу извинить, мне пора. Госпожа магистр, увидимся чуть позже, — кивнула графиня Юлии и почти сразу исчезла в портале.

Орлова лишь мельком глянула на схлопывающийся магический овал — заметив его необычность, но не обратив внимания. Приск же смотрел с нескрываемым удивлением: у любого мага, способного самостоятельно открывать порталы, они были однородного цвета; зеленые — у магов земли и скверны, красные — у чародеев огня и магов крови, темные — у некромантов, ультрамариновые — у повелителей водной стихии и светло-голубые, небесного цвета, — у магов воздуха. Портал же Ребекки сейчас переливался смешивающимися языками зеленого и оранжевого пламени — Приск видел подобное впервые.

Клеопатра же внимания на странный портал практически не обратила. Открыв внутренний интерфейс, не обращая внимания на беседу Сиверса с Орловой, она взглянула на карту Та-Кемт — план, отражающий Древний Египет. Губы девушки тронула легкая улыбка, когда она повела изображение вдоль дельты Нила, рассматривая территории Верхнего и Нижнего царства.

— …друга не забудь спросить, — уловила Клеопатра обрывок фразы, возвращаясь в действительность из задумчивости. Приск, кивком попрощавшись с девушками, скрылся в портале.

Юная княгиня Ланская уже открыла было рот, собираясь изложить свою гениальную идею. Но увидев эмоции Юлии, — которые девушка больше не скрывала, — повинуясь внезапному порыву, подошла и обняла не сдержавшую слез магистра цитадели.

— Юль, успокойся, — гладила по волосам плачущую девушку Лера, — ну что ты, перестань… Юль, ты же знаешь, он реально опасен… даже если за выкуп не вернут — который сами нам заплатят, чтобы обратно забрали, скоро сам придет, не переживай…

С прорвавшимися эмоциями Юлия, впрочем, справилась довольно быстро — отстранившись от Клеопатры, магистр цитадели вытерла слезы.

— Юлия, послушай… — осторожно начала Ланская, — знаешь, у меня есть мечта…

Начала и прервалась. Решила, что выбрала неподходящий тон и продолжила совершенно иначе: — Господин магистр, а вас не достало все время получать, как девочке для битья? Может, стоит кого-нибудь наказать? К тому же у меня тут есть одна идея. Замечательная — только завтра утром инсайд нужен будет.

— Какая идея? — насторожившись от недоброго энтузиазма Клеопатры, поинтересовалась Юлия.

В это время по изломанной катаклизмом улочке Помпей в сторону порта двигались две чародейки. Они были удивительно похожи — светловолосые, широкоскулые, — черты лица выдавали в них сестер. Кроме того, обе были даже в практически одинаковых закрытых и обтягивающий нарядах боевых магов. Только у одной из девушек на обшлаге виднелись красно-оранжевые оборки, свидетельствующие о принадлежности к огненному магическому ордену, а у другой — желто-черные цвета русской цитадели.

Перед чародейками расступались как местные, так и путешественники — чувствуя ауру силы, лишь подчеркнутую эскортом из преторианцев. Девушки привлекали много внимания — в городе больше не было гостей из иных миров, только слегка растерянные смотрители Аренберга и многочисленные тамплиеры, занявшие Помпеи сразу после бойни — с помощью своих жриц разогнав завесу пепла над городом, опередив хранителей.

Ребекку разборки старых орденов здесь пока не интересовали — она прибыла в Помпеи лишь по просьбе Габриэллы — сестры, с

которой ее связывала давняя вражда. Не мешающая, впрочем, приходить друг-другу на помощь, когда это было необходимо.

— Убить не пробовали? — поинтересовалась Ребекка.

— Не считай меня за дуру, Бекки, — фыркнула сестра. — Во-первых, это далеко не просто. Во-вторых, после третьего раза поняли, что этот путь такой… неоднозначный. В нем сила архимага — чтобы хоть немного ослабить и подчинить нужна череда непрерывных смертей, но и это может не подействовать.

В ком «в нем» Ребекка уточнять не стала. Видя, что город контролируется тамплиерами, неожиданно появившимися в одном из внутренних миров Аренберга, обеспечивая соблюдение порядка в разрушенном городе — чего не сделали вовремя хранители, графиня понимала, что стоит только храмовникам не справиться, как представители Аренберге их тут же закономерно попросят покинуть мир Империи. Сегодня же — когда в городе сошлось столько разных сил из разных миров, сметая прочь все гласные и негласные правила с запретами, — именно тамплиеры первыми начали наводить порядок — и попросить их покинуть город будет сложно. Попросить без повода — который мог появиться из-за неукротимого магического чудовища.

— Почему я?

— Есть подозрение, что он тебе не чужой, — пожала плечами Габриэлла.

Чародейки в этот момент подошли к огромной яме, края которой были забрызганы потеками жидкого, застывшего золота.

— А… — кивнула на воронку Ребекка, намереваясь поинтересоваться судьбой Хорса.

— Не спрашивай, — опережая, произнесла Габриэлла, полыхнув холодной яростью при виде взметнувшейся брови Ребекки. И, немыслимое дело, добавила: — Пожалуйста.

Графиня отвернулась с независимым видом, присматриваясь к видимой в прорехах остовов зданий портовой площади. Нахмурившись, она скользнула между двумя балками перекрытий рухнувшего храма, преграждающими дорогу и вышла на портовую площадь, замедляя шаг. Пристально наблюдая, как по остаткам набережной — покрытой рваными воронками и усеянной остатками судов — неспешно прохаживается настоящее чудовище.

Это, несомненно, когда-то был конь. Но сейчас… Черная шкура зверя переливалась всеми оттенками черного и багрового, сотканный из языков пламени хвост то и дело резко хлестал по крупу — было видно, что кошмарное создание едва сдерживает ярость. Глаза чудовища горели адским огнем под стать густой гриве — как и хвост, сотканной из языков пламени. Дышал зверь

рассерженно часто, периодически пофыркивая черными клубами дыма. Его раскаленные до багрового сияния копыта били в мостовую, оставляя после особо сильных ударов проплавленные следы.

— То, что он мне не чужой — это был комплимент или оскорбление? — с опасным холодком в голосе поинтересовалась Ребекка.

— Там, на площади, — явно получая удовольствие от сдерживаемой ярости сестры, неспешно начала Габриэлла, — во время начала извержения находился архимаг Деймос из ордена Арка. Слышала о таком? Он прибыл на извержение с группой аколитов, чтобы продемонстрировать им высший уровень владения стихией. Но, как мне рассказал желающий остаться неизвестным свидетель, архимаг встал на пути неизвестного юноши, убегающего от стражи через толпу. Не очень удачно встал — как опять же рассказывают: Деймос попытался остановить беглеца стеной огня, но юнец вытянул из него силу и протащил архимага в порт. Там он зачем-то перенаправил всю его силу в своего коня, после чего сразу его выбросил. Коня выбросил, — добавила Габриэлла, показав на чудовище. — Логика не очень понятна, и может ты…

— Не спрашивай, — отрезала Ребекка.

— Судя по тому, что орден Арка недоступен для комментариев, а имя Деймоса исчезло с их официальной страницы в энциклопедии Новых Миров, под столь шокирующими слухами вполне может скрываться правда. К тому же юноша, подходящий по описание, мне встретился здесь через короткое время. Только уже без пелерины сокрытия — которую твой молодой граф Воронцов, видимо, где-то потерял.

Так поможешь?

Ребекка уже не слушала сестру. Переступив через несколько обугленных трупов легионеров и тамплиеров — оставшихся на мостовой после попыток усмирить оживший кошмар, — она осторожно приближалась к угрожающе забившему копытом коню.

Глава 10. По сенью мрака

Несмотря на то, что колдун периодически обновлял на мне заклинание, я чувствовал, что если захочу, смогу сбросить оковы артефактной компрессии. Вот только что дальше? Рядом постоянно находилось несколько десятков человек из свиты белолицего чернокнижника — я чувствовал их ауру. Безликую — практически все местные, — но были они все высоких рангов умений.

Через некоторое время перед взором темная муть инвентаря вновь сменилась серой хмарью — понемногу прояснявшейся. Надо мною сквозь желто-белесую пелену тумана проглядывали сплетающиеся кроны деревьев — настолько густые, что сквозь них не было видно неба. Я лежал в небольшом — чуть длиннее человеческого роста — корыте с характерными очертаниями, напоминавшими… Когда понял, что лежу в открытом — пока открытом — гробу, внутри моментально поднялась густая волна паники. Я титаническим усилием едва удержался от того, чтобы не сбросить с себя заклинание компрессии. Далеко не убегу — но прежде чем меня закопают, надо как-то решить, что-то сделать!

Колдун находился рядом. Как и его свита — некоторые из которой взялись за лопаты — до меня долетали свистящие звуки взрезаемой железом мокрой земли. Осознание происходящего пришло ужасающим откровением — вместе с воспоминанием о том, что сам себе совсем недавно подписал приговор к жизни. Подписал, соглашаясь на предложенные изменения во время недавней попытки превращения меня в паукообразного монстра — с пугающей четкостью возникли картинки-воспоминания. Теперь стали понятны слова эльфийки о том, что она меня привязала — в памяти всплывали махинации с моим интерфейсом, где я вступил в Дом Темного пламени, привязывая себя к его земле — но без назначения точки возрождения. И пока не выбрал определенное святилище, в случае смерти буду возрождаться там же, где погиб. То есть в гробу — в котором меня сейчас, судя по всему, и закопают — в земле, принадлежащей эльфийскому Дома.

То, что выбраться не получится, осознал сразу — даже без крышки было видно, что конструкция больше напоминает каменный саркофаг. И придется — если избавлюсь от плена артефактной компрессии — буквально грызть камень, — даже графу Монте-Кристо было проще. Сколько лет мне понадобится, чтобы расковырять ногтями крышку гроба? А самое главное —

после какой по счету смерти от недостатка воздуха я сойду с ума?

И даже если удастся выбраться, сверху наверняка будет кто-то из охраны. Против которой я — без капли силы — много не навоюю. И снова отправлюсь на три метра вниз под слой тяжелой, влажной земли — шлепки выбрасываемых из увеличивающейся ямы могилы пластов я слышал вполне отчетливо, даже несмотря на ватную завесу.

«Эй, волчара!» — воззвал я мысленно к собаке из амулета Анубиса.

Тишина. Никакого отклика — даже легкой тени.

Но ведь именно призрачный пес меня спас в тот момент, когда жрица паукообразной эльфийской богини делала из меня лишенное разума чудовище — сплав безумия, человека и паука.

В эльфах я не силен — изучением пантеона, да и фэнтезийных миров в общем, — а в цитадели мы этим пока не занимались. Поэтому я не знал, что за последователи культа так успешно едва не лишили меня разума. Но то, что это были эльфы, точно — уши острые. Хотя кожа непривычно смуглая, а волосы белоснежные — или фиолетовые с синим отливом.

Но не только с эльфами — с собаками у меня тоже не все хорошо. Вернее, не хорошо, но и не плохо — мы как-то все больше не сталкиваемся. Вот коты меня любят — ластятся, даже незнакомые. Псы же… если глупые — облаивают, иногда срываясь в истерику, добрые или умные относятся уважительно нейтрально — человек же.

Может быть поэтому сейчас заключенный в амулете Анубиса пес, спасший мне жизнь и разум, сейчас не откликается. Но он ведь появился самостоятельно в момент смертельной опасности и для самого себя. Либо оберегая меня, либо не желая навсегда — вместе со мной — оставаться в теле частично мутировавшего в паука человека.

Есть, конечно, вероятность, что дух собаки проснется в глубине могилы — но что он сможет там сделать? Или меня найдут и выкопают — но ведь это может произойти и через пару лет! Если вообще найдут…

Отстранившись ото всех мыслей, не замечая разговора колдуна и появившейся эльфийки, ведущегося на повышенных тонах, я представил себя в закрытом гробу на глубине нескольких метров. Запертом навсегда — в бессильном усилии скребущим каменную крышку, пытаясь добраться до плотного слоя земли, который — если получился пережить череду смертей и подступающего безумия — придется разрывать, ломая ногти, раскапывая и раз за разом задыхаясь от комьев влажной земли… Вот если бы я сейчас смог рвануться, став хищным и поджарым

псом, могучим шерстяным волчарой, несущимся навстречу ветру и приключениям, но лишь тесная тюрьма гроба ожидает меня в ближайшей вечности…

Я даже не понял, как пропала скованность. Забив лапами, выгнулся всем телом — спружинив спиной, разгибаясь — и, приземлившись на все четыре, помчался прочь. Отталкиваясь с невиданной силой, так что когти рвали землю, взметывая влажные комья, я бежал, глядя перед собой на непривычно низкой — не больше метра — высоте.

По морде хлестали мясистые зеленые листья, витые плетки лиан, вокруг взметались брызги — я мчался через плотную завесу тумана над болотной протокой. Громкие крики, эхо заклинаний и рвущие землю обычные и магические стрелы остались далеко позади; я несся вперед, обезумев от осознания свободы, силы в живых мышцах и всепоглощающего счастья движения. Широкой грудью разрывая сплетения лиан и болотной травы, бежал, поскуливая от щенячьего восторга.

Влажные гнетущие джунгли одинаковой калейдоскопической картинкой мелькали перед глазами; иногда приходилось ускользать от распрямлявшихся атакующих змей, широкими прыжками уходить от зубов отдаленно похожих на крокодилов рептилий — но опасность лишь радовала, бодрила. Осознание того, что я ослепительно хорош, а лапы, толкающие мое сильное тело навстречу застоявшемуся туману джунглей, удивительно мощны, опьяняло как…

— Сидеть! — рявкнул я мысленно и задние лапы машинально взрыхлили землю, цепляя коричневую прелую листву. Огромный, обретший плоть пес недоуменно раскрыл пасть, а я — легко предоставивший ему свое тело — принялся ломать барьеры сознания.

Чувствуя, как трансформируются суставы — возвращаясь к человеческому облику, неловко взмахнул руками. Пробежав еще несколько шагов в человеческом теле, врезался плечом в дерево, зацепился и упал на спину. Некоторое время лежал, осознавая произошедшее и слушая — не близко ли погоня, пока не вскочил со вскриком, ощутив ворсистые касания многоножки на колене. Стряхнув огромное насекомое — убедившись, что под ногами, а также рядом, на опутавших стволы деревьев лианах, больше никого нет, осмотрелся.

Время здесь, казалось, замерло. Влажность стопроцентная — среди раскинувших корни деревьев в воздухе витала желто-белесая взвесь болотных испарений; весь мир вокруг был окрашен в оттенки коричневого и зеленого. Сквозь густые кроны деревьев, большинство из которых возвышались над стоячей и спокойной,

словно зеркало водой не было видно даже маленького клочка неба.

Я замер, прислушиваясь. Ничего — никакого отклика или шевеления чужой агрессии. Лишь изредка доносятся шелестящие звуки — волнуется поодаль, щекоча нервы вода в такт движущемуся под ней змеиному телу.

Только убедившись, что врагов вокруг нет — тех, кто целенаправленно хотел бы меня убить или захватить прямо сейчас, — осмотрел руки-ноги. Собачьей шерсти, как и когтей, к счастью, не осталось.

Еще раз осмотревшись вокруг, открыл интерфейс и вывел карту преисподней.

Все четыре плана — Хеллгейт, Муспельхейм, Нифльхейм и Хельхейм — были закрыты пеленой. Вот кто мне мешал карты купить? Пусть не в реальном времени, но я бы понимал сейчас, как и куда мне нужно идти, чтобы быстро и безопасно выбраться к порталу в Адских Вратах.

Сейчас же на карте была лишь исследованная тонкая полоска моего пути — это ж сколько я отмахал в теле волчары? — и небольшой овал рядом с полуразрушенным святилищем, где меня совсем недавно собирались закопать.

Интересно, сколько там под землей таких уже лежит?

Мысли вдруг смешались, ноги сами принялись сгибаться, а кожа зудеть прорывающейся шерстью. Зажмурившись, я попытался обуздать берущего верх зверя, с накатывающей паникой чувствуя, что зверь настолько сильно жаждет продолжить бег по джунглям, что у меня не получается его противиться. Решение пришло неожиданно — собрав последние крохи сил, я активировал доспех духа — отсекая заскулившего у меня в сознании пса.

Моя верхняя губа, ощериваясь, приподнялась в гримасе ярости — моей собственной, человеческой. На коже груди проявился медальон с головой пса — который я сорвал и вытянул руку, держа его на цепочке. Замер на секунду, дав выход злости и раздражению. После чего заговорил, не скрывая недовольства:

— Послушай меня… дружок. Предлагаю союз. Я — человек. Позволяю себя любить и требую беспрекословно выполнять мои команды. Ты — собака. Слушаешься меня и не даешь никому поднимать на меня лапу.

Волчара союза не хотел, зарычав в ответ — явно расстроенный тем, что я помешал ему вновь испытать блаженство бега в своем теле. Раздраженно выругавшись, я отшвырнул амулет прочь, к корням ближайшего дерева — дернув плечами от воспоминаний о бугрившей кожу жесткой собачьей шерсти.

Замечательно — подумал я, провожая взглядом исчезающий среди корней амулет. Я один в джунглях — в центре преисподней, абсолютно голый и с преследователями на хвосте. Это из минусов.

Из плюсов — меня не закопали. И, наверное, плюс этот перевешивает все минусы.

Осмотревшись, выбрал одно из деревьев и, подойдя к толстому стволу, долго присматривался к сплетению ветвей наверху. Тяжело вздохнув — чувствуя противную слабость во всем теле после активации доспеха, уцепился за выступ бугристой коры и полез по стволу, морщась от неприятных ощущениях в босых ступнях. Миновав густую пелену болотных испарений, забрался на самый верх — там, где тонкие ветви уже опасно подо мною подгибались, и удерживаться было нелегко. Холодея при мысли о том, что упав и сломав шею воскресну в темном святилище, где уже выкопана для меня могила, принялся осматриваться сквозь ветки.

Серо-зеленое покрывало джунглей, подернутое отвратной даже на вид зеленоватой мглой испарений, протянулось насколько хватало глаз. Это даже не джунгли, а нечто смешанное: кое-где виделись более яркие налитые зеленью языки леса, а где-то проплешинами выделялись затянутые кисеей белесой дымки отвоеванные болотом проплешины.

Вдали едва заметным отблеском сверкала серебром река — как раз на пути к далекой желтой массивной скале, подпиравшей небо на горизонте. Плато Хеллгейт — до которого — судя по расстоянию, пешим ходом мне добираться несколько дней. Это если без проблем и если удастся быстро пересечь реку.

Когда спускался вниз, один раз сорвался — и, пролетев несколько метров и разодрав левый бок, удачно запутался в переплетении лиан. Удачно — потому что не за шею и потому что выбраться смог меньше чем за десять минут.

Оказавшись на земле, кинул взгляд на лежащий в прелых листьях амулет под корнями и двинулся прочь, посвистывая. Отойдя на несколько сотен шагов, подождал немного, отдыхая и приходя в себя — все тело ломило и болело после спуска, — и вернулся.

Когда подобрал амулет, стряхнув с него слизистую гусеницу, по отклику понял: волчара всю жизнь мечтал о своем человеке, который предложит ему такой замечательный и справедливый союз.

Надевал амулет с некоторой опаской — но собаки не люди, коварства и подлости не знают. Согласившийся на сделку пес, наделенный Анубисом силой, вел себя смирно — я даже

чувствовал горячий отклик виляющего хвоста. И лишь едва-едва ощущал отголосок всепоглощающего желания вновь ощутить себя живым — бегущим вперед, навстречу брызгам, хлещущим по морде веткам и траве, встречая носом встречный ветер.

Желания зверя были мне понятны, но превращаться в животное я пока не рисковал, несмотря на то, что это сократило бы мне время в пути. Я беспокоился не только оттого, что пес может повторить попытку вновь отвоевать у меня тело. Причина была иная: во время поединка с Хорсом, когда сила амулета кончилась, это едва не обернулось для меня полным провалом. Сейчас пробудившийся пес спас меня от безумия и облика паукочеловека, но за счет чего? Или амулет подпитался силой проводившей ритуал эльфийки, или воспользовался моей внутренней силой — а если так, то, пробежав десяток километров, я могу упасть замертво, лишившись энергии. Поэтому двинулся по старинке — ножками — через недружелюбные, но, к счастью, проходимые джунгли.

Стараясь отбросить донимающие гнетущие мысли и воспоминания, я шел и шел через темные, мрачные дебри, словно в холодном подземелье; дымка тумана мутной взвесью витала меж опутанных лианами стволов. Хлюпала вода под ногами, периодически выступая лужицами из ковра коричневой гниющей листвы, травы и мха.

Протоки со стоячей, гнилостной водой старался обходить — как и густые заросли кустарников. То и дело сверху на меня падали мерзкие насекомые, при приближении к краю болота налетала густая жалящая мошкара — впрочем, такая же медленная и неторопливая, как и весь мир холодного тумана вокруг.

Я шел и шел, не зная — день сейчас, вечер или ночь. Очень хотелось есть, а кандидатов на ужин видно не было. Ноги тянуло усталостью — но мысль о том, что обессилев от голода я могу умереть в этих мрачных джунглях, только подстегивала.

Глава 11. (…) Ребекка

Магистр цитадели Эмеральд, как и старший мастер, больше не были частью Транснаполиса. Именно поэтому они сейчас — как обычные посетители — двигались на лошадях по прямой как стрела дороге от Северной пристани к резиденции Аренберга. Воздушным транспортом гостям острова пользоваться было запрещено — именно поэтому добираться пришлось на скакунах.

Юлия чувствовала неприкрытую густую ненависть, с которой Ребекка взирала на башню Аренберга, возвышающуюся в самом центре Атлантиды — вокруг которой кружили самые разнообразные летающие твари, приземляясь на многочисленные выступы, предназначенные для посадки.

Рядом никого не было, поэтому графиня не озаботилась сокрытием своих эмоций — и юная Орлова была весьма удивлена чистой и незамутненной ненавистью, исходящей от обычно весьма сдержанной графини. Но вскоре, когда они преодолели второе опоясывающее кольцо стен, Ребекка полностью закрылась, больше не показывая свои чувства.

Уже приблизившись к широкому крыльцу башни, графиня вдруг натянула поводья, останавливая ужасающего коня — возмущенно взмахнувшего огненной гривой. Резким жестом Ребекка поставила непроницаемую магическую защиту и открыла интерфейс, вглядываясь в окна видимых ей одной сообщений — видимо реагируя на срочное оповещение.

Смотрела долго. Очень долго.

— Мы опаздываем, — сдержанно произнесла Юлия.

— Без нас не начнут, — фыркнула Ребекка. — Смотри, — сделал она видимым одно из окон интерфейса, поворачивая его к Юлии.

Орлова по привычке слегка прищурилась, всматриваясь в длинный табличный документ.

— Это список всех событий в Новых Мирах, которые показались важными моим аналитикам, — произнесла Ребекка.

Юлия напряженно вглядывалась в сухие короткие выдержки о формировании новых кланов, создании персонажей разного пола, рас и имен, уникальных убийствах и прочих событиях новых миров за последние сутки. Большинство уже было выделено темным цветом, свидетельствующим, видимо, об отработке версии, а остальные…

— Это все уже проверено. Вот здесь, — подтверждая догадку, показала графиня на один из оставшихся ярким пунктов.

Проглотив закономерный вопрос о законности получения подобных сведений, Юлия всмотрелась.

Раса: Человек. Имя: Валар Моргулис. Вступил: Дом Темного Пламени. Мир: Хельхейм.

Далее более мелким шрифтом шли точное время события и координаты. Легким нажатием вызвав карту, Ребекка показала Юлии на старый заброшенный храм в медвежьем углу преисподней — практически на стыке миров Хельхейм и Нифльхейм.

— У тебя какая стихия? — несмотря на то, что прекрасно знала ответ, поинтересовалась графиня.

— Вода, — едва сдерживая надежду, произнесла Юлия.

— И тебя отправили в Хеллгейт, изолировав от чистой силы родной стихии.

— Но… — все еще боясь верить, протянула Орлова.

— Во-первых, это все же может быть не он, — перебила ее Ребекка. — Во-вторых, не забывай, они действуют под прессом событий и в дефиците времени, как и мы. В-третьих…

Ребекка, не договорив, отвлеклась на очередное сообщение.

— Кто пойдет в преисподнюю? — быстро прочитав письмо и коротко нахмурившись, повернулась графиня к Орловой. Вопрос был откровенно сложный — учитывая, что владеет крепостью Адских Врат явно враждебная русским из Эмеральда Золотая Стража Хорса. Впрочем, пока владеет — ведь собрание по инциденту в Помпеях только начиналось.

— Я пойду и…

— Юля, — жестко произнесла графиня, прерывая, — и девушка, дернув уголком рта, чуть склонила голову, признавая правоту Ребекки.

— Геральт, — после короткого раздумья выдала Юлия. — Ему даже маскироваться особо не надо, кожу подкрасит — и вылитый дроу с двумя мечами, как этот, из…

— Юля, — уже более сдержанно произнесла Ребекка, одергивая своего магистра — и Орлова, замолчав, моментально обернулась, выискивая в группе сопровождающих беловолосого.

Пока Юлия инструктировала Геральта, передавая ему информацию и координаты, Ребекка вчитывалась в почту — не обращая внимания на опустевшую площадь и взгляды появившихся на широком крыльце наблюдателей от Аренберга, посланных за опаздывающей на Собрание Мастеров делегацией цитадели Эмеральд.

Вскоре Геральт и еще несколько кадетов развернули лошадей и поскакали обратно в сторону Северной пристани, стремясь как можно быстрее покинуть Транснаполис.

— Девочка моя, — негромким голосом произнесла Ребекка, когда Юлия вернулась под купол магической защиты.

— Да? — напрягшись, поинтересовалась Юлия.

— Скажи, пожалуйста, зачем Ланская за сегодняшнюю ночь завербовала сразу два легиона, которые сейчас плывут в Киренаику?

— Э…

— Египет? О мой бог! — эмоционально и с укором — даже больше на свою недогадливость, произнесла Ребекка, и произнесла: —Юлия, скажи ей, пожалуйста, что рано. Пока рано, — отчеканила Ребекка, глядя в лазурные глаза магистра.

Дождавшись ответной — согласной — реакции, Ребекка сняла защиту и положила на огненную гриву Кошмара ладонь, превращая горящий ужас в статуэтку. Дождавшись Юлию, графиня вместе с ней быстро, но без суеты, пошагала к широкому крыльцу, где ожидающие наблюдатели Аренберга едва не подпрыгивали от нетерпения.

— В-третьих, — негромко уголком рта произнесла Юлия.

— Что? — не поняла Ребекка.

— Ты сказала: во-первых, во-вторых, — а в-третьих?

— А, ты про это, — едва кивнула Ребекка, вспомнив о чем шла речь недавно: — В-третьих, не стоит недооценивать предсказуемость тупизны, — не понижая голос, мило улыбнулась она встречающему русскую делегацию мастеру Аренберга, оторопевшему от слов графини.

Глава 12. Гиблая топь

По джунглям я шагал уже четвертый день. Вернее, бежал — после первых часов десяти пешего хода понял, что надо решать проблему с питанием. Как с собственным — потому что в животе ощутимо тянуло резью голода, так и с тем, что с приближением ночи я то и дело ощущая исходящую поодаль агрессию — начиная понимать, что скоро сам в чужих глазах покажусь вполне лакомой пищей.

Когда под сенью густых крон воцарилась густая темнота — знаменуя начало моей первой ночи в джунглях, на меня из кустов — решив, что еда пришла сама, — бросилась тварь, отдаленно похожая на крокодила. Только с гораздо более широкой пастью и не такими короткими лапами. Волчара — в которого я панически перекинулся, пресек порыв неожиданно встреченного охотника и с удовольствием вгрызался в поверженный труп, срывая своими крепкими зубами костяные наросты, мешающие полакомиться таким вкусным — пусть и слегка пахнущим тиной — розовым мясом. Стараясь думать о хорошем, я отстранился от происходящего, дав зверю насытиться. И только когда он вырвал из растерзанной туши рептилии вкусную кость, решив немного ее погрызть, валяясь на травке, я пресек праздник живота и превратился обратно в человека. Получилось это гораздо легче, чем в прошлый раз — когда зверь во мне пытался встать на четыре лапы самостоятельно. И, что самое прекрасное — после того как пес Анубиса наелся, я почувствовал удивительный приливы сил и жизненной энергии.

Паршивым же в это истории было то, что чужие биоматериалы оставались на мне даже после обратного превращения. Ведь после того как на меня, пытавшегося искупаться в протоке — на вид менее гнилой, чем остальные, и не кишащей разной шевелящейся живностью, — из-под воды бросилась огромная, отдаленно похожая на смесь варана и паука тварь, приближаться к большим водоемам я не рисковал.

Смывать с себя спекшиеся кровавые ошметки чешуи, используя лишь маленькие лужицы, было непросто — лишь один раз, на третий день, мне утром встретился чистый ручей, в котором я с удовольствием, но торопливо, помылся. Ходить забрызганным кровью с головы до ног было неприятно — но сегодня, не найдя подходящего места, я уже не обращал внимания на зудящую кожу, привыкнув.

К тому же, наконец, вышел к реке. Не Енисей, конечно — но внушительная, не отнять. Однако обрадовался я не сколько реке,

столько тому, что первый раз за несколько дней увидел небо. Низкая — едва выше деревьев — тяжелая пелена облаков висела гнетущим покрывалом над миром туманов, но это уже было не мрачное переплетение крон над головой.

Полюбовавшись на облака, двинулся вдоль берега реки, раздумывая как ее пересекать. Вплавь, делать плот или дальше спускаться по течению, надеясь наткнуться на переправу? И неожиданно увидел дорогу. Едва угадываемую тропу, уходящую в глубину леса, а чуть поодаль выше явную пристань — хорошо замаскированную в прибрежных зарослях.

Были даже следы от вытаскиваемых на землю лодок — вот только ни одной я не заметил. Постояв в тени раскидистого дерева, я некоторое время раздумывал. С одной стороны, плато Хеллгейт было в противоположной стороне от той, куда вела едва заметная в джунглях дорога — я уже видел возвышающуюся вдали желтую скалистую громаду. С другой — путь к плато преграждала широкая, в километр, не меньше, — река. Пересечь которую вплавь я бы смог без сомнений — если только никто мне не помешает. Но в отсутствии в глубине темных, неспешно катящихся вод голодных тварей я всерьез сомневался.

Подумав немного, двинулся по тропе — которая вскоре превратилась в полноценную дорогу среди болота. Если что, про лодку спрошу — или, хотя бы, одежду украду. Здесь, в джунглях, мне это пока не особо мешало — а вот на плато среди людей привлекать внимание нарядом Адама совершенно не хотелось.

Через несколько минут ходьбы, наткнувшись на предупреждение, остановился в задумчивости. Прямо на моем пути между двумя близко стоящими деревьями была протянута толстая жердь, на которой болталось не меньше десяти тел разной сохранности. Половина были усохшими до состояния мумий скелетами — давно висели, а вот на других осталось даже немного плоти и рваной одежды. Долгое время я ходил вокруг, раздумывая — а после, переборов брезгливость, в высоком прыжке сорвал одного из повешенных. Вернее, его нижнюю часть. Вся она была мне не особо нужна — вытряхнув ненужное, я освободил штаны. После чего, тщательно постирав их в небольшой промоине неподалеку, надел. Несмотря на то, что одежка оказалась немного коротковата — еще и штанины к низу заужены под сапоги, почувствовал себя гораздо лучше — разгуливать в чем мать родила по джунглям не очень приятно — даже несмотря на отсутствие стеснительности, тщательно прививаемое в Транснаполисе, и периодически подпитываемый слабый доспех духа, защищающий от неудобств типа мелких порезов.

Подумав немного — не вернуться ли обратно, я все же двинулся вперед, соблюдая осторожность. Когда миновал виселицу с предупреждением, перекинулся в звериный вид. И едва почувствовал под лапами мягкий ковер прелых листьев, как невольно ощерился, зарычав. Вернее, зарычал волчара, которому я дал некоторую свободу — именно он нюхом учуял находящихся рядом четверых ящеров.

Я уже видел похожих на испытании новиков в Транснаполисе. Только тогда от ящеролюдей исходила явная агрессия — а сейчас чувства и эмоции человекоподобных рептилий были холодны, как их кровь. Напружинив лапы, я собрался было действовать — или бежать, или догонять, — не решив сразу, как вдруг ближайший ящер коротко шагнул вперед, поклонившись.

Вот это было неожиданно.

Глава 13. Повелители Зверей

Деревня расположилась на небольшом холме и была окружена частоколом. Массивным, серьезным — вот только разрушенным в нескольких местах, причем явно внушающей силы заклинаниями. С того места, где я находился на тропинке, приведшей к воротам, виднелись сразу три широкие прорехи в защитной стене — на остриях осклизлых бревен которой висело множество черепов.

Мы подходили все ближе к воротам — ящеры молчаливо следовали за мной, не выказывая никаких эмоций, я же понемногу осматривал частокол. Там, где на острые концы бревен были насажены черепа клубился желтый туман, и через белесую мглу на меня смотрели тронутые посмертными гримасами лица орков, троллей и даже эльфов — темнокожих, с пепельно-белыми волосами, — как принцесса, что едва не лишила меня разума.

У ворот стояли двое стражей. Гуманоиды — смуглые, согбенные фигуры, из одежды лишь набедренные повязки. Рядом с каждым лежал питомец — нечто среднее между крокодилом и гиеной, я таким обедал позавчера. Вместе со свитой из ящеров я беспрепятственно прошел в ворота — молчаливые и странно опустившие глаза стражи не сказали ни слова.

Деревня была немалого размера, и по мере приближения к центру дома становились все больше. Архитектура однообразная — поднятые на сваях хижины, крытые пальмовыми листьями. Пустынные улицы носили на себе следы безжалостной и яростной схватки — многие дома представляли собой кучи мусора, лишь одинокие сваи торчали из земли; местами улицы пересекали проплешины от сильных заклинаний — через одну глубокую канаву и вовсе были перекинуты узкие мостки.

Поселение было безлюдно — и почему, я понял, когда мы приблизились к заполоненной молчаливой толпой площади. Здесь уже встретились не только смуглые аборигены — практически каждый со спутником зверем, — но и группы троллей в мантиях болотной расцветки, широкоплечие орки в кожаных доспехах и обычные люди. Выглядели все подавленно — а по сторонам, окружая площадь живым кольцом, стояли многочисленные ящеры, вооруженные копьями и легкими щитами.

Архитектура здесь отличалась от виденного раннее — площадь была внутренним двором когда-то прекрасного воздушного строения, подковой охватывающего немалую

территорию. Вот только от дворца остался всего один этаж, массивные мраморные колонны в большинстве своем давно обрушились, а прекрасные статуи покрылись лишайником и плющом. Внутри дворца меж широкими арками проходов и сквозь проломы в стенах — носивших следы гари после недавней битвы, было видно запустение. Но только здесь — впервые за четыре для в Хельхейме — я увидел яркие краски — часть площади утопала в невиданных цветах, окружавших массивный трон, увитый плющом.

И тот, кто на нем расположился, мне очень не понравился.

То, что незнакомец сидел, не скрывало его огромного роста. Подперев голову кулаком размером с пивную кружку, он отвлекся на мое появление — при этом сразу несколько находившихся рядом с ним хорошо вооруженных оборванцев в кожаных доспехах замолчали.

Оглядываясь, я понемногу понимал, что собравшиеся на площади нелюди и повелители зверей — явно местные обитатели — покорно сгибаются именно перед восседающим на троне незнакомцем. Ящеры же и немногочисленные — явно разбойничьего вида — оборванцы в доспехах — пришлые, из его свиты. Не только здесь пришлые, но и в новых мирах. Не все, но достаточное количество — если из ящеров лишь несколько существ обладали привычной аурой, то разбойники все без исключения были из первого отражения.

Между тем, расправив невероятно широкие плечи, незнакомец выпрямился, с интересом глядя на меня. Его волевой подбородок окаймляла аккуратная бородка, длинные черные волосы спускались на широкие наплечники полного вороненого доспеха с золоченой гравировкой. Очень странно — наверное, ему не приходится драться; совсем недавно мне рассказывали, как еще на первом курсе Геральт, облачившись в доспехи, попробовал помахать мечом, а после выдирал и обрезал застрявшие в сочленениях волосы. С распушенной гривой после этого беловолосый в доспехах больше упражняться с мечом не пытался.

А броня у незнакомца на троне была запоминающаяся — не такая огромно-гротескная, которая нравилась Санчесу, но весьма внушительная и нереально дорогая по виду. Из оружия был виден прислоненный к трону массивный меч в широких, богато украшенных ножнах. Но видимо причина, по которой незнакомец давно ни с кем не дрался, стояла рядом — излучая отстраненный интерес и неприкрытую угрозу. Сразу две причины.

Первая расположилась чуть сзади высокого трона. Ее гибкое тело обтягивал черный комбинезон, а на перекрещивающихся на груди ремнях висели метательные ножи. Рукояти таких же

виднелись и из-за отворотов сапог, а на поясе в ножнах прятались два длинных, чуть изогнутых кинжала. Практически все тело девушки было закрыто одеждой — руки в печатках, голова под плотным капюшоном, лицо спрятано за маской — но было понятно, что это не человек. Глаза — ярко желтые, неестественной формы, близкого к азиатскому разреза. И кожа зеленоватая. Вела себя орка телохранительница настороженно, излучая неприкрытую угрозу — готовая в любой момент броситься вперед, выхватывая кинжалы — эмоции ее читались как открытая книга.

По правую руку от трона стояла чародейка. Повелительница огня — я не только ауру почувствовал, но она и сама подчеркивала принадлежность к стихии, будучи одетой во все алое — вызывающе-яркое. Хотя «одета» громко сказано: самой закрытой частью были сапоги. Высокие, глухие, чуть выше колена. Дальше нежную кожу бедер сбоку прикрывали плотно прилегающие щитки, ремни которых шли по внутренней стороне. Заканчивалась декоративная броня там, где начинаются ягодицы; на поясе у чародейки висела только красная цепочка, на которой был прикреплен кусочек ткани, вроде самых смелых трусиков мини-бикини. Тонкая талия, плоский живот, делающий честь любой фитнесс-няше, и чуть выше, практически ничего не закрывая, двумя языками пламени на небольших полушариях груди лежали декоративные чашечки своеобразного бюстгальтера, выполненные в форме языков пламени.

Зато воротник у чародейки был серьезный — глухой, высокий, переходящий на ключицах в небольшие наплечники, с которых волнами спускался алый плащ.

Отсутствие одежды на полуобнаженной девушке говорило не только о складе ее характера и любви к вниманию, но и — возможно — об умении. Оперируя силами стихии, неопытный маг часто беззащитен перед чужими атаками — в большинстве случаев полагаясь на защитные ауры или амулеты. Опытный же, умеющий управлять стихией и одновременно поддерживать доспех духа, может вообще сражаться обнаженным — обычное, не усиленное магией оружие, вреда не причинит. А от серьезной пропущенной во время концентрации на заклинаниях атаки никакая броня не защитит, лишь уменьшит подвижность.

Лицо, кстати, у огненной чародейки было красивое, но удивительно стандартное, незапоминающееся: четко очерченные скулы, немного надутые губы, большие невинные глаза и стянутые в хвост на затылке светлые волосы. Приближаясь к трону, я замедлял шаг, внимательно вглядываясь в огненную чародейку. Энергии на ней было — не внутренней, а в

замеченных мною трех артефактах, — достаточно, чтобы несколько раз спалить эту деревню дотла. Сначала я возликовал — чистая сила, моя, родная. Но после вспомнил, как обрадовался четыре дня назад крокодил мне — думая, что еда сама пришла. И вспомнив печальную судьбу рептилии, пережеванной зубами пса, осекся — решил быть поосторожнее. И сдержаннее.

— Я вольный барон Эстер, — громким голосом заявил вдруг чернобородый.

Сказал на русском. Вот ведь, даже в самой глубине гиблой топи преисподней русские — удивился я мимолетно. И насторожился — ведь пленивший меня в Помпеях колдун тоже говорил на русском — как и темная эльфийка, проводившая ритуал.

В этот момент один из ящеров схватил меня за предплечье. Остановившись, я выдернул руку, входя во временное скольжение — оставаясь при этом на месте. Почувствовав неприятную холодную силу, вынырнул из глубины остановившегося времени и мазнул взглядом по замершему ящеру.

— Здрасте, — легко пожав плечами, ответил я, поворачиваясь к Эстеру.

— Ты избранный или герой? — поинтересовался у меня вольный барон, полыхнув раздражением. Видимо, в моем приветствии он не услышал должного уважения.

— Я не местный, — вновь пожал я плечами, думая, как разговаривать с бароном.

— Бессмертный, что ли? — небрежно бросила вдруг полуобнаженная чародейка. Спросила с интонацией, больше подходящей обитателям темных подворотен городских окраин. И даже не подозревала, насколько права — не сдержался я, едва улыбаясь.

— Ты что лыбишься, животное? — уже полностью разрушая обаятельный образ, поинтересовалась чародейка. И, как и все вокруг, отвлеклась на возникшую суету в другом конце площади. Воспользовавшись растерянностью присутствующих, я еще раз скользнул во времени и пространстве — трое рядом стоящих ящера что-то почувствовали, надо было пресекать.

Вновь возвращаясь в привычное течение времени, я удивился, что все четверо моих стражей до сих пор остались недвижимо стоять. На площади очень кстати не было ни дуновения ветерка — несмотря на то, что тяжелая мгла туманного мира словно поднялась над деревней, избегая… белоснежных развалин?

На другом конце площади в этот момент все громче раздавались отголоски эха борьбы и сдавленных женских криков, хорошо различаемых в момент остановившегося времени.

Присмотревшись, я увидел, как к трону идет белолицый колдун. На мгновение внутри мазнуло холодом узнавания, но почти сразу понял, что это не пленивший меня в Помпеях чернокнижник. Этот был гораздо моложе, неопытнее — но более дерзкий и яркий.

Двигаясь вперед — словно не замечая отшатывающихся жителей поселка, он прошел прямо передо мной. На кулак колдуна были намотаны длинные, густые черные локоны невероятно красивой девушки — крича от боли, она волочилась за мучителем, стараясь схватиться за держащую ее руку, изгибаясь от боли. Из одежды на пленнице была только искусно выделанная под платье леопардовая шкура — сейчас сбитая на сторону. Белоснежная кожа была в кровоподтеках и полосах копоти и пыли — чернокнижник тащил девушку, не заботясь о сохранности пленницы и выбираемом пути.

— Эстер, смотри кого нашел! — чуть дернул за волосы жертву, кидая ее вперед, словно хлыст кнута. — Смотри какие у нее… глаза! — не скрывая радости, произнес чернокнижник, рывком заставляя вскрикнувшую от боли пленницу подняться на колени, выгибаясь назад. Платье из шкуры сползло на пояс, открывая упругую грудь — но чернокнижник не шутил и в самом деле имел в виду глаза — понял я, когда чернобородый поднялся с трона и всмотрелся пленнице в лицо.

— Давно о такой мечтал! Можно себе заберу? — лучась радостью от неожиданной и приятной находки, спросил колдун у барона.

Эстер с нескрываемым интересом на несколько секунд опустил взгляд, оценивая грудь пленницы, а после взял ее за подбородок, вновь рассматривая глаза.

— Вы же не против, если мы ее заберем с собой? — обратился он к сгрудившейся поодаль кучке из трех жителей. Судя по более богатой, чем на других одежде — правителей деревни.

— Они не против, — опережая смиренные кивки, обернулся барон к чернокнижнику. Девушка в захвате вдруг дернулась — не от боли, а от сознания того, что от нее отказались соплеменники или даже родные.

Совсем недавно — хотя кажется вечность назад, когда Макленин нарезал на лоскуты Майю во время вступительного экзамена, я уже промолчал. И теперь мне с этим жить — а увеличивать подобный груз на плечах совершенно не хотелось.

— Против, — негромко произнес я, возвращая прерванное появлением чернокнижника всеобщее внимание.

Хотел ведь договориться — не нужно мне сейчас эхо огненных заклинаний на всю преисподнюю. Но не удалось.

В тот момент, когда взгляды присутствующих

сосредоточились на мне, я сделал быстрый шаг назад и взял из лапы ближайшего ящера копье. Рука прямоходящей рептилии вдруг рассыпалась, и вся фигура ящера превратилась в хлопья пепла. Это был самый первый сопровождающий, взявший меня за руку. Технику изъятия энергии из живого существа — так, чтобы оставалась только одна оболочка, — я выучил после Битвы Вызова, впечатлившись тем, как это сделала сначала Сакура с Софьей, а потом Клеопатра с самой японкой.

При воспоминании об убившей меня «влюбленной девушке» внутри колыхнулась незамутненная злость — сжав зубы, я едва взмахнул копьем — так что три остальных стража рядом со мной превратились в прах. Энергию из всех я вытянул во второй раз, когда входил в скольжение — пользуясь появлением чернокнижника, отвлекшим от меня внимание.

— Давайте так. Я просто забираю девушку и ухожу — все остаются живы, никто не страдает, — скрывая накатившую злость произнес я, наполняя доспех духа холодной силой, полученной от рептилий.

Барон — не очень понимая, как реагировать, смотрел на меня немигающим взглядом. Видимо за последнее время от совершенно отвык от того, что ему кто-то смел противоречить. Телохранительница орка между тем уже стояла перед его плечом, держа в руке сочащийся ядовитым сиянием кинжал, а чародейка сформировала небольшой файербол, ожидая лишь команды.

Чернокнижник тоже обернулся ко мне — совершенно не озаботившись комфортом удерживаемой за шикарные волосы пленницы. Которая — пронзительно закричав от резкой вспышки боли — вдруг упруго изогнулась. Белоснежная кожа ее потемнела, словно наполняясь изнутри густыми чернилами; тело, быстро удлиняясь, начало истончаться и вдруг свернулось кольцами огромной анаконды вокруг не ожидавшего подобного колдуна. Взмахнув руками, пытаясь сотворить заклинание, он распахнул рот, но огромная змея сжимала его так, что глаза подернулись багровой пеленой, а с губ вместо крика брызнула пена крови.

В тот момент, когда змея противоестественно огромной, усеянной зубами пастью оторвала чернокнижнику голову, я уже стелился прямиком к огненной чародейке, преодолевая тягучую пелену остановившегося времени. И видел, как медленно-медленно в тело убивающей колдуна змеи выткались стрелы и копья опомнившихся ящеров, бежали в нашу сторону баронские разбойники в кожаной броне.

Оказавшись рядом с огненной волшебницей, ударил ей кулаком в грудь. Доспеха духа на ней не было — зато ярко

полыхнул, сгорая, защитный амулет. Потянув в себя силу огненной стихии, заключенную в теле чародейки — служившей проводником могущественным артефактным накопителям, — я испытал ни с чем не сравнимое блаженство. Девушка же на миг сверкнула, словно вольфрамовая нить в лампе накаливания, а после в воздухе на миг зависли обугленные щитки поножей и крылатые наплечники.

В тот момент, когда покрытые копотью доспехи чародейки упали на землю, умер барон — он даже обернуться не успел — а я достать его меч из ножен, который стоял бесхозным у трона. Лишь в тот момент, когда взмахнул клинком, вспомнил об этом. Добавил немного силы — и две дымящиеся половинки барона, располовиненные объятым пламенем клинком в ножнах, рухнули на землю. А я почувствовал холод опасности — едва успев уклониться от атакующей орки.

Горящие ядом клинки ударили пугающе резко — один полоснул по шее, второй вонзился в бок. Мог бы вонзиться, если бы не доспех духа — орка, ни разу не сталкивающаяся с подобной степенью защиты, на мгновенье замешкалась — а я возвратным движением клинка снял ее верхнюю половину тела. И только после потянул клинок из ножен — по-прежнему объятых пламенем, швырнув их в набегавшую троицу баронских разбойников. Один из бандитов вспыхнул факелом, двое других зачем-то остановились. От испуга и неожиданности, наверное — и это было замечательно, потому что бегать за ними не пришлось. На несколько мгновений я даже позволил себе порадоваться — так приятно сражаться с обычными противниками — не владыками новых миров и не молодыми богами.

Закончив с двумя разбойниками одним ударом — добавив ко взмаху меча огненную плетку, сорвавшуюся с клинка, обернулся. Ящеры и разбойники барона, лишившись предводителя и защиты страшных воительниц, бежали прочь — я успел заметить лишь нескольких последних.

Остальные — жители деревни — по-прежнему оставались на площади, все так же покорно клонив головы. Под трупом колдуна растекалась густая лужа крови — его изломанное тело напоминало сжатый сильной рукой банан. Несколько кроваво-красных частей лежало поодаль от основной массы, удерживаемой в целости одеждой. Контрастируя багровой пеленой с оставшимися не забрызганными кровью участками, вызывающе белела кожа мертвого колдуна.

Вернувшей себе человеческий вид девушке-змее было явно непросто — пока барон оставался жив, сражающиеся за него ящеры успели истыкать ее тело стрелами и копьями. Подойдя

ближе, я понял причину интереса чернокнижника и барона не к идеальной груди — из которой сейчас, обезображивая, торчало не менее пяти стрел, а именно к глазам. Взгляд умирающей был направлен в низкое серое небо — и подернутые пеленой смерти глаза оказались полностью желтыми, змеиными — с вертикальным зрачком. Обернувшись, я осмотрелся и махнул рукой ближе всех стоящему троллю в неаккуратной хламиде с растительным узором.

— Целитель?

— Да, господин, — склонился в поклоне тролль.

— Работай, — показал я на умирающую девушку. — Быстрее! — рявкнул я на замешкавшегося тролля, когда незнакомка дернулась в предсмертной судороге, кашляя кровью и показав острые зубки. Дернувшийся от окрика и торопливо подбежавший тролль рухнул рядом с ней на колени и взмахнул рукой, направляя в скрюченное болью тело потоки жизненной силы.

Широкие раны от зазубренных копейных наконечников начали затягиваться, порезы исчезать, а стрелы одна за другой выходить из тела — падая на утоптанную землю площади рядом с окутанной зеленым сиянием девушкой-симбионтом. Когда поток магии прекратился, девушка вдруг, изогнувшись одним слитным движением, поднялась на ноги, машинально поправляя окровавленное платье.

— Мой господин, — поклонилась незнакомка.

Глядя на нее, я не мог понять — из местных она или из избранных. Девушка была полностью закрытая для чужого внимания — с отсутствующей аурой.

— Ты местная? — поинтересовался я.

— Я из гиблой топи, мой господин, — кивнула девушка, пряча взгляд.

При ее словах меня взблеском ударило: симбионт, перевертыш из гиблой топи — вспомнилось слышанное однажды совсем недавно, но не помню уже где и когда именование некоторых обитателей преисподней. Очень редких обитателей — вот только местные они или избранные, в памяти не сохранилось.

— Моя жизнь — твоя жизнь, мой господин, — вдруг опустилась на одно колено девушка-змея, предлагая свою службу.

Во-первых, она из гиблой топи. Во-вторых, Юлия ненавидит змей — и, скорее всего, постарается эту симпатичную девочку прибить — причем так, чтобы я об этом не узнал. В-третьих, ну какой из меня рабовладелец — только сейчас по случаю вспомнил о том, что где-то в Империи сейчас живут трое моих первых рабов. Куда мне еще одна? Симбионт к тому же…

«Поздравляем с изменением имущественного статуса!»
«Эйлин из Гиблой топи теперь ваш преданный раб!»

Сейчас надо подобрать как можно быстрее ножны от меча, собрать подходящую одежду себе и Эйлин — доспехи барона кстати хороши, найти еду в дорогу, а также узнать, где можно взять напрокат лодку или плот. А после бежать отсюда — как можно дальше и насколько возможно быстро.

Глава 14. Преисподняя. Болотный лагерь

Геральт сидел на высоком железном троне, обозревая Болотный Лагерь. Ему, судя по виду, происходящее нравилось; вальяжно развалившись, беловолосый воспитанник Эмеральда, замаскированный сейчас под личиной эльфа-дроу, подкидывал изогнутый кинжал — даже не глядя на опасное сияние ядовитого испарения отравы на клинке.

Владелица кинжала находилась поодаль — со связанными за спиной руками, в окружении четырех ящеров, контролирующих каждое движение обнаженной, покрытой вязью татуировок зеленокожей девушки-орки. Контролирующих, несмотря на то, что пленница находилась в деревянной клетке, подвешенной над землей. Чуть поодаль на полу аналогичной, едва покачивающейся клети лежал громила в нижнем белье, а рядом — в третьей, соседней — сидела растерянная, едва одетая огненная чародейка — около нее ящеров было больше десятка. Чародейка находилась буквально в кольце иззубренных наконечников направленных на нее сквозь решетку копий напряженных и явно опасающихся чародейку прямоходящих рептилий.

Ребекка в наброшенном на плечи плотном плаще медленно шла по Болотному Лагерю, осматриваясь из-под скрывающего лицо капюшона. Ящеров она практически не удостоила внимания, несмотря на внешность обитателей затерянной в болотах крепости. Хотя двуногие зверолюди были достаточно приметны: вытянутые ощеренные морды, оружие в трехпалых руках, легкие доспехи; ноги у местных обитателей сгибались в обратную сторону, как задние лапы у собак.

Больше обитателей Ребекку интересовал сам затерянный среди болотных джунглей лагерь. Потаенная крепость расположилась на пологом склоне утеса, ровными уступами поднимаясь к подножию скалы; по центру которой шла широкая тропа, петляющая между постройками, по большей части напоминавшими бараки. Все обитатели лагеря, ящеры и многочисленные рабы — люди и нелюди — вылезли из своих утлых жилищ, а также легко угадываемого зева шахты в скальном выступе.

Трон, с которого упруго спрыгнул Геральт, приветствуя Ребекку, находился в вырубленной в камне нише, опоясанной широким крыльцом невысоких трибун, охватывающих площадку для собраний и поединков. Здесь еще не успели убраться —

землю устилали многочисленные трупы защитников Болотного Лагеря — воинов в отливающих блеском черных доспехах с конскими хвостами на шлемах, и приметными длинными каплевидными щитами странно изломанных очертаний.

Ребекка остановилась, немного не доходя до трона, и как только Геральт оказался рядом, взмахом руки поставила непроницаемую магическую завесу. Беловолосый кадет открыл свой интерфейс и сделал доступным изображение карты. Ребекка, только глянув на расчерченные полосами исследования открытые участки мира Хельхейм, уважительно поджала губы, кивнув кадету — за минувшую неделю Геральт вместе со своей группой намотал по джунглям сотни километров в поисках Воронцова.

В самый первый день — прибыв в Затерянный Храм темных эльфов, — Геральт никого там не обнаружил. Заброшенное и полуразрушенное строение было пусто. Но кадет начал рыть землю — так получилось, в буквальном смысле слова, — заподозрив наличие, а потом и обнаружив многочисленные могилы с пленниками новых миров. Выкопал он больше десяти — некоторые из них лишились разума, а кто-то просто сбежал от реальности в программируемый сон.

Расспросив спасенных, Геральт собрал достаточно информации для дальнейших поисков. Кого-то из выкопанных он оставил в своей группе, а нескольких зарыл обратно: в большинстве своем восставшие были уголовники, причем весьма одаренные в плане умений.

В Преисподней — во всех четырех мирах — до недавнего времени действовал проект «Данте». Специалисты которого устраивали заключенным — в основном осужденным по тяжелым статьям — «смерть» в мире первого отражения, отправляя их в специальные лагеря обучения Хельхейма, Нифльхейма, Муспельхейма. Еще одна тренировочная и исследовательская площадка, самая крупная — была в крепости Адских Врат.

Из подобных лагерей выходили либо лояльные проекту наемники, пополняя Белый Отряд, Вольные Роты Альбиона и разбойничьи ватаги Гипербореи, либо куклы для экспериментов и даже увеселений. Некоторые — непригодные ни для первого, ни для второго, отправлялись на многочисленные кладбища, подобные тому, что было обнаружено Геральтом в храме темных эльфов.

Исследования проекта велись давно — едва ли не с самого начала освоения Новых Миров — и неугодных подопытных накопилось достаточно. После того как от выкопанных Геральт узнал месторасположение нескольких подготовительных лагерей проекта в Хельхейме, он двинулся по ним. Но все три первых

лагеря, которые посетила поисковая команда Эмеральд, были уничтожены, а их обитатели исчезли.

В четвертом по счету Геральт обнаружил запуганную девушку, рассказавшую, что бывшие тренировочные полигоны Проекта «Данте» зачищает Белый Отряд, а также дружина Барона Эстера, из которой она и сбежала. Как оказалось, после прекращения работы проекта «Данте» судьбой многих бывших уголовников никто не озаботился, по крайней мере, в мире Хельхейм — в джунглях и болотах которого тренировали боевых магов, в основном чернокнижников и магов, оперирующих силой земли.

По ходу рассказа Геральта Ребекка лишь вскользь глянула на стоявшую в отдалении худенькую девушку, которая, на свою беду, оказалась в лагере проекта «Данте» как раз в тот момент, когда организация перестала существовать, а после была «освобождена» дружиной барона.

— Пришлось постараться, но этого барона, — заканчивая рассказ, кивнул Геральт в сторону клетки с полураздетым пленником, — я нашел. Причем в лагере оказался в тот самый момент, когда он мимо в нижнем белье пробегал. Наверное, — усмехнулся беловолосый, — считал себя настолько крутым, что решил доспехи не страховать. Завалили его здесь, в деревне Повелителей Зверей, — показал на карте Геральт, — и сделал это, судя по всему, Джесс.

— Давно?

— Сегодня утром, госпожа мастер. Я пустил пятерку на грифонах, но мы ведь шифруемся без опознавательных знаков — а без этого, думаю, вряд ли Джесс покажется, даже если птички прямо над ним пролетать будут.

— Отставить Джесса, — покачала головой графиня. Не обращая внимания на удивленный взгляд кадета, она приблизила проекцию карты и принялась рассматривать непроходимые джунгли. После чего крутанула изображение, приближая красное, выжженное солнцем плато Хеллгейт, в центре которого стоял внушающий черный замок.

— Послезавтра на плато в семь часов утра произойдет битва — крепость будет осаждена. Наверняка там появится Воронцов. Тогда — и только тогда — туда должны явиться вы, господин кадет — не дайте ему пройти в Альбион одному, приведите сюда, в лагерь. И постарайтесь сделать это так, чтобы Воронцова никто не увидел — информация о том, что мы его нашли будет нежелательна. До этого момента работайте здесь, мне нужен максимум информации по этому… — короткий взгляд в сторону клетки, — барону и его деятельности.

— Так точно, госпожа мастер, — кивнул Геральт.

— Сегодня к вам прибудут еще люди — постарайтесь укрепить это место, для того чтобы его никто не захватил врасплох так, как это сделали вы.

Увидев понимание во взгляде, Ребекка взмахнула рукой и исчезла в портале. Недоуменно глянув на красно-зеленые всполохи, скрыв удивление необычным цветом магической энергии, Геральт направился в центр лагеря. Странного, загадочного поселения, в котором действовали магические маяки привязки порталов — несмотря на полную, как казалось до этого момента, изолированность преисподней от других новых миров.

Глава 15. Преисподняя. Фамильяр

С удивительным чувством я наблюдал как неторопливо извиваясь, ко мне неумолимо приближается огромная анаконда. Сначала на поверхности показалась треугольная приплюснутая голова, на которой двумя багровыми угольками светились глаза. После, понемногу появляясь из воды, появилась блестящая чешуя — длинное и сильное тело змеи бесшумно скользило по земле.

Это был самый настоящий ужас для всего живого — в момент, когда змея оказалась рядом, в джунглях воцарилась по-настоящему мертвая тишина. Лишь в белесом тумане предрассветного сумрака было едва слышно, как шелестит чешуя огромной змеи по коричневому покрывалу прелых листьев.

Гигантская анаконда, полностью появившись из воды, обвилась вокруг места, где я сидел, привалившись к дереву. Змей я не боялся, но сейчас испытывал вполне обоснованный страх — мало кто может сказать, что повстречался с самой смертью в джунглях и ушел невредимыми. А я эту саму смерть позавтракать отправлял, попытался я себя успокоить, когда анаконда плотно обвилась вокруг меня кольцами, выгибаясь и поднимая голову. Гибкое тело изогнулось, дрогнуло дымкой марева — и вот уже по мне заскользили тонкие девичьи руки — заметно холодные.

Утолившая голод девушка-змея, сопровождавшая меня уже второй день после встречи в деревне повелителей зверей, умиротворенно, словно маленькая девочка, прильнула к моей руке, едва слышно вздохнув.

На Эйлин был кожаный наряд телохранительницы барона. И, как оказалось, пользоваться кинжалами и метательными ножами девушка-симбионт умела. По крайней мере, когда я попросил продемонстрировать, она легко — практически неуловимым для взгляда движением — веером запустила сразу шесть или семь ножей, воткнувшихся в ствол дерева по прямой линии в равных промежутках друг от друга.

За минувшие два дня мы обменялись считанными фразами — и я до сих пор не мог понять: девушка-змея из избранных или это местный, столь сильный обитатель гиблой топи. Эмоций от Эйлин я практически не чувствовал — только холодный щит змеиной ауры — а вот что скрывалось под оной, понять не мог.

Отвлекаясь от мыслей, я поднялся, глядя на возвышающуюся поодаль отвесную стену плато — высотой навскидку более чем в пятьсот метров. Именно туда мне предстояло подняться сейчас, стараясь не привлекать чужого внимания. Оставалось только

преодолеть широкую полосу — джунгли по мере приближения к скальному плато проигрывали болоту, и сейчас передо мной была стоячая, покрытая густым слоем ряски, вода.

Несколько мгновений — и я смотрю на нее уже метром ниже, опустившись на собачьи лапы. Удивительная особенность превращений — вещи, которые были на мне, так же подвергались трансмутации в зверя — шкура волка сейчас имела ярко выраженный вороненый оттенок лат барона, которые я снял с его тела в деревне Повелителей Зверей. Только у убитого не было при себе шлема — поэтому зверь стал черным только по шею, а дальше начиналась его родная серая шерсть.

Снятый с тела кичливого вожака разбойников доспех, кстати, так и назывался «Броня барона Эстера». Состоял он из предметов легендарного и эпического качества, значительно усиливая шкуру зверя, в которого я обратился. Наверное, ее не пробил бы и прямой удар меча — даже без активированного доспеха духа. По крайней мере, многочисленные болотные твари, обитающие под черным зеркалом гнилостной воды, пытающиеся в меня вцепиться, не просто прокусить шерсть не могли, но даже причинить каких-либо неудобств — я едва чувствовал их попытки меня сожрать.

Взбивая лапами воду мириадами брызг, стараясь не обращать внимания на щенячью радость получившего свободу пса из амулета Анубиса, я быстро миновал болотистую полосу. Зрелище, наверное, со стороны внушающее и красивое — могучий зверь с блестящей черной шерстью, огромными прыжками поднимающий тучу брызг, мчится через протоки с сидящей на спине девушкой в обтягивающем кожаном наряде и с развевающимися иссиня-черными волосами. Миновав болото и стряхнув с лап увязавшихся гадов, на мгновение замер, и гибкая Эйлин соскользнула с моей спины, после чего я вернулся в человеческий облик.

Мир Хельхейм от плато отделяла широкая полоса ничейной земли, усеянной многочисленными трупами — здесь были орки, тролли, люди, ящеры, темные эльфы и даже несколько тел в золотой броне гвардии Хорса. Доспехи на многих были тронуты ржавчиной, сквозь прорехи в одежде виднелась гниющая плоть, а запах над мертвой полосой отчуждения стоял отвратный.

Осторожно передвигаясь среди многочисленных тел, кое-где превратившихся в склизкую массу, я старался выбирать участки чистой земли — но иногда приходилось шагать прямо по трупам, среди которых я с удивлением заметил несколько свежих, облаченных в кожаную броню сродни той, которая была на бандитах Экстера. Неужели все погибшие в Хельхейме

оказываются после смерти здесь, на границе отчуждения миров?

Перейдя страшную полосу, я подошел к отвесной стене плато, осматриваясь. Наверное, по ней можно забраться наверх — размышлял я, — вспоминая примерную высоту скального уступа, тонущего в густом мареве болотной мглы, окутывающей землю Хель.

— Что? — переспросил, отвлекаясь на негромкий голос Эйлин.

— Тебе надо наверх, мой господин? — негромким голосом повторила девушка.

— Да, — коротко ответил я.

— Я не смогу там тебе помочь, господин, — склонила она голову. — Лишь земля и вода дают мне силу. Наверху я буду обузой.

Отлично. В болотах она не пропадет, скорее, даже наоборот, поэтому одному мне будет гораздо легче выбраться из портала, ведь…

— Разреши мне остаться с тобой, господин?

Так. Зачем она тогда мне там, наверху? — тут же кольнуло разочарованием.

— Оставайся, — стараясь сохранить невозмутимость, кивнул я. Пусть и обуза, но не могу оставить то, что принадлежит мне, ведь это…

— Благодарю, господин, — кивнула Эйлин и вдруг сделала длинный скользящий шаг, приближаясь. Уверенно сняв усиленную стальными вставками, но удивительно подвижную вороненую латную рукавицу, она провела ладонью мне по коже, словно забираясь пальчиками под наручи. Холодок двинулся дальше, поднимаясь выше, к плечу — а фигурка Эйлин вдруг приобрела парящую прозрачность. Несколько мгновений — и, истончившись маревом, девушка исчезла, а мою руку под доспехом продолжала обнимать закручивающаяся спиралью змеиная кожа. Достигнув плеча, невидимая под доспехами призрачная змея обвилась вокруг шеи и вдруг устремилась обратно вниз по руке. Несколько секунд — и на тыльной стороне ладони появилась расползающаяся по коже — словно татуировка — черная голова змеи с багровыми огоньками глаз.

Держа в левой руке латную рукавицу, я поднял правую кисть, рассматривая удивительную татуировку. Повинуясь наитию, провел пальцами по глазам змеи, и багровые огоньки погасли. Ну да, не во все моменты жизни мне нужна рядом бодрствующая змея, подумал я, рассматривая удивительно четкий рисунок, изумительно реалистично передававший змеиную чешую.

В тот момент, когда глаза змеи закрылись, перед взором

появилось интерактивное меню, предлагая различные варианты визуализации оставшейся на моей руке девушки-симбионта. Невольно вспомнив самый настоящий животный ужас перед змеями, который испытывает Юлия, выбрал наиболее безболезненный вариант — обвивающую предплечье золотую змейку браслета. Все также оставшуюся на тыльной стороне ладони змеиную голову которого я абсолютно не чувствовал.

Некоторое время я, глядя наверх, раздумывал, как лучше подниматься. Стена хоть и была отвесной, но не гладкой — имелось множество расселин, трещин и зацепов. Склон, теряясь в мутном мареве, уходил вверх, скрываясь в мутной дымке.

Если не успею подняться до рассвета — буду словно на ладони. Я хорошо помнил, как в теле Юлии хотел спрыгнуть с края плато, убегая от колдуна из крепости Хеллгейт — и повторять подобные гонки не хотелось. Но ждать целый день совершенно не было желания — поэтому, сняв и убрав в поясную сумку латные рукавицы, полез. Сначала медленно и осторожно, выверяя каждый шаг, оценивая расстояние до ближайших выступов. Но только поначалу — после уже карабкался в состоянии тупого равнодушия; стоило только подняться на пару десятков метров, как земля исчезла, поглощенная туманным маревом. Поднимался я теперь среди белесой пелены, скрадывающей звуки, в полнейшей тишине. То и дело подтягиваясь, посматривал на оказывающуюся рядом голову золотой змейки, невесомо лежащую на тыльной стороне ладони. И, отвлекаясь от нудной тянущей усталости в мышцах, размышляя о том, что вместо Анубиса мог быть другой бог-покровитель, трансформирующийся в крылатое животное — сколько проблем бы сразу мимо меня прошло. Парил бы в воздухе, наслаждаясь воздушной стихией, а не так… как шерстяной волчара по болоту.

Подъем все продолжался и продолжался — мышцы рук и ног понемногу начинали судорожно дрожать. Ни одной полноценной площадки для отдыха мне не встретилось, поэтому я просто активировал доспех духа, давая себе отдых.

Час — чуть больше — мне потребовался на то, чтобы подняться надо мглой тумана. Даже позволил себе оглянуться вокруг, недолго любуясь подсвеченной ярким багрянцем восходящего солнца панорамой туманного моря подо мной — из которого отвесно поднимался скалистый утес Хеллгейта.

Осмотрелся. Несколько раз глубоко вздохнул и выдохнул, пытаясь сохранить спокойствие. Потом посмотрел наверх — на край плато, до которого навскидку оставалось не более пяти десятков метров. И звучно, коротко и емко выругался, глянув

вниз, где клубилась закрывающая пологом мир Хель мгла.

На фоне густого тумана, за которым не видно земли, был хорошо заметен парящий ящер — удивительно похожий на доисторического птеродактиля.

Я лихорадочно раздумывал. Вариант первый — спрыгнуть вниз. Даже без левитации я смогу выполнить прыжок веры в своем доспехе духа — тот вполне выдержит падение с полукилометровой высоты. А можно попробовать атаковать всадника — но тогда у меня всего один шанс. Ведь если охота за мной не утратила интенсивности, применение огненной магии будет ярким маяком для всех.

Птеродактиль между тем свечой взвился вверх и, расправив крылья в потоках восходящего воздуха, воспарил неподалеку от меня. Повернув голову, я посмотрел на наездника.

— Валар Моргулис! — закричал вдруг тот, вскидывая сжатый кулак. Взметнулись белые волосы, и только после этого я узнал Геральта — хотя серьезно сменившего имидж. Он, заставляя птеродактиля планировать, уже оказался совсем рядом.

— Водочки принести? Или сразу домой? — поинтересовался Геральт, когда меня едва не коснулось перепончатое крыло зависшего рядом ящера. Я внимательно присмотрелся к кадету — ставшему темнокожим и приобретшему фиолетовый оттенок глаз, совсем как у эльфиек в паучьем зале. Но шутки про Эмгыра и Цириллу оставил при себе — Гера хороший парень, но каждое неуважительное — по его мнению — упоминание вселенной ведьмака причиняет ему нешуточные моральные страдания.

— Домой, — просто ответил я. — Пока не летим, — добавил через несколько мгновений, почувствовав неподалеку отзвук заклинаний огромной силы.

Глава 16. Преисподняя. Осада

Поверхность плато представляла собой красноватую, выжженную до окаменелости землю, взбугренную многочисленными скальными шипами. В некоторых местах сиротливо торчали угловатыми плетками остатки деревьев, когда-то давно усохших в муке медленной гибели.

Мы с Геральтом расположились за нагромождением камней, наблюдая за яркими всполохами вдалеке — у огромной арки портала, ведущей из мира адских врат в Альбион.

— Джесс, мастер Луиза велела мне как можно скорее вернуть тебя. Пожалуйста, возьми ящерицу и…

Взглядом я попросил беловолосого замолчать и вновь обернулся к месту битвы. Туда, где схватка за портал велась с невиданным ожесточением — в плато одна за другой били извивающиеся ветвистые молнии, а яркий вспышки заставляли щуриться даже на таком удалении. Судя по всему, нападавшие оперировали чистой силой света — которому противостояли жрецы солнца — золотое сияние стремилось навстречу чистому белому, встречаясь в озаряющем пламени. Но кроме этого, обороняли портал и чернокнижники — то тут, то там лучи света безуспешно били в темные защитные купола, мрачными пятнами выделяющиеся на фоне бело-золотого буйства.

— У тебя в паучьем святилище наши люди сейчас есть, да? — переспросил я для успокоения.

— Да, сидит пара наемников из местных. Но хотелось бы просто убраться отсюда поскорее, потому что мастер Луиза сказала, что…

Геральта я больше не слушал, вновь вернувшись вниманием к битве. То, что в случае смерти воскресну среди своих, вселяло абсолютное спокойствие. И несмотря на жгучее желание покинуть преисподнюю, меня удерживало здесь воспоминания из памяти Юлии о черном замке и его обитателях. Думаю будет глупым сейчас сбежать, не попытавшись посмотреть изнутри на систему, которая позволяет себе безнаказанно убивать людей.

— …нам не нужен портал в Альбион, у нас уже свой есть, — ухватил между тем я фразу из слов Геральта.

— Еще раз? — удивился я, даже на мгновение оторвавшись от созерцания отголосков схватки вдали.

— В Болотном Лагере барона, — кивнул беловолосый на мои доспехи, — есть портальный маяк, принадлежащий этому миру. Слабый — на несколько человек в сутки, но работает.

Вот это уже интересно. Ведь портальный маяк может быть только там, где встречается четыре стихии — а ни в одном мире преисподней такого нет. Либо, как в случае с Технополисом, порталы привязываются к легендарным артефактным накопителям — которые все учтены. Или не все? Но в любом случае получается, что к лагерю бандитской шайки барона имеют отношение вполне серьезные силы — иначе откуда там подобный лаз в преисподнюю, доступный из иных миров?

— Джесс. Пойдем уже домой, а? — устало поинтересовался Геральт.

— Тебе разве не интересно? — несказанно удивился я, показывая на столпотворение сил вдали. Со стороны крепости к защитникам портала уже направлялась помощь — два клина всадников, в каждом не меньше сотни человек. Первый был сформирован из Золотой гвардии Хорса, напоминая единый железный кулак, ощерившийся копьями, которые уже синхронно опускались параллельно земле, наливаясь силой для слитного всесокрушающего удара. Вторая группа была авантюристами Белого Отряда и выглядела не так устрашающе слаженно. Но, несмотря на кажущийся беспорядок, во всадниках чувствовалась сила, подкрепленная многочисленными боевыми чародеями в строю.

Когда стремительно несущийся первым золотой клин был уже недалеко от схватки, неумолимо накатываясь и готовясь сметать все на своем пути, у портала перевес уже был на стороне нападавших — на помощь свету пришел огонь, и золотое свечение прогнулось, одномоментно лопнув мыльными пузырями. Практически сразу — один за другим — принялись взрываться, плюясь дымом, островки сопротивления темных магов.

— Смотри, Гера, смотри, — завороженно прошептал я, наблюдая, как сквозь поредевшее свечение отблесков заклинаний навстречу золотому клину вырывается небольшая группа рыцарей в белых плащах с красными крестами. По сравнению с накатывающей волной маленькая группа всадников выглядела невпечатляюще — но их самоубийственная атака давала время нападавшим сгруппироваться у портала, готовясь к отражению атаки.

В тот момент, когда золотой клин и небольшая группа рыцарей встретились, я понял, что недооценил тамплиеров. Гвардейцев Хорса разметало по сторонам словно направленным взрывом — больше десятка фигур в бликующих доспехах и вовсе взвились высоко в небо, раскручиваясь словно оловянные солдатики.

Как ножом сквозь масло пройдя через строй всадников

солнцеликого, оставляя за собой широкую, усеянную смятыми золотыми телами прореху, тамплиеры не снижая скорости бега коней принялись разворачиваться к Белому Отряду. Авантюристы которого, хоть и были первостатейными подонками и сбродом, в плане воинского умения ценились во всех новых мирах. Изменив направление движения, они уже стремились навстречу небольшой группе тамплиеров. Не таким слитным кулаком, как раскиданные до того гвардейцы — строй Белого Отряда был рваным, состоя из многочисленных групп, формирующихся вокруг чародеев и боевых магов, от которых в сторону приближающихся тамплиеров потянулись многочисленные молнии и файерболы. Бессильно рикошетирующие от щита света, прикрывающего оскорбительно небольшую группу.

В тот момент, когда я почувствовал знакомое эхо готовящейся обрушиться стихии огня, понял, кто возглавляет группу всадников, озаренных светом — в памяти отчетливо всплыло скуластое лицо так похожей на Ребекку огненной чародейки.

Из отряда тамплиеров вдруг щупальцами гигантского спрута потянулись огненные всполохи, сметая на своем пути авантюристов. Многочисленные заклинания боевых магов, впрочем, одновременно нашли брешь в защите тамплиеров, пробиваясь через защиту света, и сразу несколько лошадей и запутавшихся в плащах тел покатились по земле. Но огненный дождь, двигаясь впереди небольшой атакующей группы, уже испепелял все на своем пути, а от портала потянулись еще несколько небольших, но плотных отрядов с красными крестами.

Подоспевшие на место бойни рыцари храма преследовали разрозненные группы ошеломленных гвардейцев и авантюристов. Многие из тех, впрочем, оказывали ожесточенное сопротивление — вспыхивали яростные ожесточенные схватки, и на землю падали тела рыцарей в белых плащах с красными крестами. Но хоть и забирая немалую цену, гвардейцы и авантюристы уже проиграли — тамплиеров становилось на плато становилось больше, и разрозненные отряды рассеянной гвардии и авантюристов уже добивали.

Прошло несколько минут, и от портала в сторону крепости торопливо, но сохраняя строй направилось несколько крупных подразделений — рядовых воинов, арбалетчиков и щитоносцев. Чуть поодаль катились массивные осаждающие машины — напавшие на крепость храмовники готовились к захвату цитадели.

Когда со стороны портала появилось два десятка фениксов с чародейками-всадницами, Геральт ощутимо напрягся, наблюдая

за пролетом огненных птиц. И чуть погодя — пока тамплиеры готовились к разрушению стен, расставляя осадные машины, рассказал мне о недавней обороне практически разрушенного Эмеральда. Несмотря на то, что появившиеся на плато чародейки принадлежали к Красной Розе, а не к напавшим на цитадель чародейкам-отверженным, отколовшимся именно от этого магического ордена, наблюдал за всадницами в плащах Геральт с явной настороженностью.

Громко и резко — так, что звук разнесся по всему плато — об отбойник грохнуло плечо катапульты и первый, пристрелочный снаряд полетел в сторону цитадели. Запущенный булыжник раздробился крошевом, не причинив крепостной стене никакого вреда. Следом резкими ударами захлопали остальные катапульты. Один за другим камни бессильно разбивались о защищенные магией стены, не оставляя даже отметин.

Меж катапульт, выкрикивая резкие команды, сновали тамплиеры — белые плащи с красными крестами ярко выделялись в серо-коричневой массе войска, все прибывающего из портала. Готовился таран — собранная вихрем магии из принесенных частей стенобойная машина покачнулась на цельных деревянных колесах. Осаждающие делали все очень быстро — и неудивительно: в Преисподней, в отличие от миров под протекторатом хранителей, не существовало правил осады, подчиняющихся общему кодексу. Именно поэтому нападающие явно спешили, намереваясь захватить крепость до прибытия подкреплений.

Наблюдая издалека за тем, как крошечные фигурки одного из тамплиеров и сопровождающих его трех девушек — двух чародеек в красных нарядах и жрицы света в белоснежной мантии, подходят к группе рыцарей рядом с только что возведенным шатром, я думал о тактике нападавших. Сработавших по принципу игры «камень-ножницы-бумага», когда против двух сильных, но рядовых отрядов гвардии и авантюристов из портала бросилась небольшая группа героев и сильных магов в роли ножниц, словно разрезая бумажный лист. Сейчас же условная «бумага» тамплиеров — обычные пехотинцы, арбалетчики и обслуга осадных машин — готовилась накрыть «камень» крепости, перед которыми бессильна даже группа избранных. Вопрос только в том, найдутся ли у защитников свои «ножницы» в ответ? Или, перефразируя, появятся ли среди осажденных столь же сильные маги или даже сам солнцеликий?

Вновь резкими щелчками раздались удары пристрелянных катапульт об отбойники, и в сторону крепости полетели уже заряженные магией снаряды. Один за другим пышущие жаром

огненные сгустки, оставляющие за собой в мареве плато чадящие черным следы, били в крепостные стены — и от ударов дрожала аура силы, реагируя на столкновения энергии.

Между катапульт сновали тамплиеры, судя по жестикуляции, подгоняя обслугу катапульт. Выкатывался черепахой в сторону ворот устрашающий таран с наконечником подвешенной на цепях балки в виде бараньей головы, чародейки на фениксах продолжали парить над крепостью, разделившись на несколько звеньев и готовясь к атаке; понемногу выдвигались арбалетчики, прикрываемые пехотинцами с широкими ростовыми щитами.

Мы с Геральтом между тем — под едкие комментарии раздраженного моим упрямством беловолосого — подбирались все ближе. Двигались короткими перебежками, во время которых я накрывал нас сферой защиты — заметной для чародеев, если держать ее постоянно, но не вызывающей сильного отклика за несколько секунд использования. У одного из шипастых валунов — размером с небольшой коттедж — я приостановился и показал Геральту на труп авантюриста из белого отряда. Он не понял, а я подбежал ближе и оторвал от когда-то белого плаща наемника широкую полосу, выбрав участок почище. Располосовав ткань, одну кинул спутнику, привязывая такую же себе на левое предплечье. Еще один широкий обрывок я намотал себе на лицо на манер легионерского платка, защищающего от пыли. Геральту подобное было без надобности — ему, замаскированному личиной темного эльфа, узнавание не грозило, в отличие от меня.

Определенного плана действий у меня не было — но имея возможность попасть в замок, в котором пытали Юлию, и где была возможность встретиться с Тарасовым и загадочным колдуном, я не мог ее упустить. Тем более, по мере приближения к внушительным черным стенам я чувствовал отклик странного тянущего чувства тоски и едва сдерживаемой паники. Внутри крепости явно сейчас кто-то был из близко знакомых мне людей — осознавая это, я понял, что пока не попаду внутрь, отсюда не уйду.

Геральт, к счастью, тоже осознал это и уже даже не комментировал едко мое нежелание возвращаться домой. Понемногу подбираясь ближе, мы вскоре оказались в сотне метров от линии осадных машин, укрывшись в неглубокой расселине. Основные силы тамплиеров были сосредоточены напротив ворот — мы же с кадетом приблизились к самому краю позиций осаждающей крепость армии.

Интенсивность обстрела все увеличивалась — от непрерывного воздействия магическая защита трещала по швам, но пока держалась. Но судя по всему, у тамплиеров атака была

тщательно спланирована и рассчитана по хронометражу — когда кружившие в небе чародейки обрушили на крепость лавину атакующих заклинаний, таран, напоминающий огромную черепаху с усиленным металлическими пластинами панцирем, покатил по направлению к воротам,

— Смотри! — вдруг закричал Геральт, показывая в сторону, противоположную крепости. Выглянув из-за острого края валуна, я заметил, как с той стороны, откуда мы появились — придя из мира Хель, — на плато забираются многочисленные мертвяки. Самые разные: ящеры, люди, тролли, — судя по остаткам одежды, многочисленные болотные жители. Те, чьи тела устилали границы мира Хель перед отвесной стеной плато — оживленные сейчас призывом из крепости.

Обслуга катапульт, заметив нежить, засуетилась — понимая, что их сейчас могут смести зомби — которых уже набралось несколько сотен, а новые все прибывали и прибывали. Несколько тамплиеров заметались среди паникующих солдат, криками осаживая их и заставляя продолжать стрельбу. Причина была понятна — в каждой крепости был магический источник силы, подпитывающий щит. Чем сильнее источник, тем крепче щит — и если сейчас снизить интенсивность обстрела, защита черного замка может выдержать — а кто знает, какие подкрепления могут прибыть к осажденным.

Понимая важность момента, от группы воздушных наездниц отделились сразу пять всадниц, направляя фениксов к копошащейся массе зомби, уже тесной группой бегущих к осадным машинам. Полетели, чертя небо дымными следами, файерболы, взметнулись вереницы разрывов, прорежая тесную толпу мертвецов. Две чародейки зависли на месте, поставив огненную стену, преграждая путь атакующей армии зомби. Фениксы остальных кружились над самой землей — едва не касаясь огненными крыльями шевелящейся и горящей массы зомби — и никто из чародеек не заметил пикирующую сверху стаю черных костистых тварей, напоминающих изъеденных гнилью летучих мышей.

Страшно закричали разрываемые когтями чародейки — сразу две не смогли увернуться от атаки. Одна из них исчезла в зубах упавшей с неба твари, а вторая, упав с феникса, оказалась погребена под лезущими на нее мертвецами. Некоторое время она боролась за жизнь — страшная масса дергалась, словно поверхность моря при взрывах на глубине, сквозь нее то и дело в прорехах появлялись языки пламени, — но спастись чародейка уже не могла.

Остальные три наездницы пытались сгруппироваться, уходя

от атак страшных тварей — все небо расчертили темные стрелы мрака, стремящиеся к огненным птицам. Численный перевес был на стороне неожиданно появившихся нападающих некромантов — но чародейки умело маневрировали, периодически огрызаясь файерболами. Однако упавшие с неба атакующие цели своей добились — огненная стена пропала, и к флангу осадных орудий тамплиеров неумолимо надвигалась ярящаяся гнилостная масса зомби.

В центре позиций осаждающих тамплиеры если и заметили опасность, то помочь ничем не могли — из крепости, отвлекая внимание от атаки мертвецов, взмыл десяток всадников на белоснежных грифонах, пытающихся атаковать осадные орудия — и золотое сияние вновь сошлось с белым светом. Полыхнуло, и с небольшой задержкой центр армии осажденных расчертило огненными линиями файерболов — в противостоянии у ворот вмешались огненные чародейки. Я даже прищурился, закрывая лицо рукой — казалось, в центре позиций горел сам воздух, а всполохи жара чувствовались и на столь далеком расстоянии.

А совсем рядом — от осадных орудий, уже раздавались истошные крики — немногочисленные рыцари призывали не прекращать огонь. Озабоченная прислуга явно замедлилась, паникуя — понимая, что сейчас их будут убивать. Спешившиеся рыцари между тем — их было не более двадцати — сформировали тонкую линию строя, которую сзади прикрывали несколько жриц в белых мантиях. Которые, как оказалось, и оказались главным оружием: стоило только армии зомби приблизиться, как ряды зомби проредили широкие лучи света — под которыми шипящие мертвецы покрывались волдырями и лопались, забрызгивая все отвратной слизью. Выглядело невероятно, но всего несколько десятков человек сдерживали сейчас накатывающую волной массу зомби, щупальца которой уже проникали сквозь строй, погребая одну за другой фигуры в белых плащах, атакуя защищающих жриц тамплиеров.

В небе, озаряя окрестности, взорвался огненный шар — некроманты смогли настичь одну из чародеек — которая сформировала самоубийственное заклинание, выплескивая всю энергию, забирая жизни как минимум трех преследователей. Пользуясь эффектом неожиданности, обе оставшиеся чародейки развернули фениксов, атакуя группу некромантов. Я, отвлеченно наблюдая за битвой на земле и в воздухе, стараясь рассмотреть сразу все, вдруг почувствовал дробный перестук. Не понимая его природы, прислушался к себе и вдруг понял, что дрожит земля. Обернувшись на все усиливающийся тремор каменистой поверхности под ногами, увидел, как от крепости в сторону

позиций тамплиеров — за которыми находились мы — бегут великаны. Много — больше десятка. Это были огры высотой в три человеческих роста, с распирающими меховые шкуры мускулами. Тяжелые, покрытые вязью татуировок приплюснутые лица великанов были искажены тупой яростью — и по мере приближения к позициям с осадными оружиями они принимались устрашающе реветь. Вооружены все были огромными каменными палицами — кто-то тащил оружие за собой, оставляя глубокий след в выжженной земле, кто-то держал дубину на плече — но все громко топали широкими, покрытыми густой шерстью ступнями, стремясь как можно быстрее стереть в порошок суетящихся людишек.

— Погнали, — коротко посмотрел я на Геру.

— Стоит? — только и поинтересовался тот, не скрывая недовольства, но уже вытянув из ножен парные мечи.

— Мне в замок надо, — достал я полыхнувший багровым пламенем клинок барона, прежде чем выбежать из укрытия.

Обслуга орудий уже удирала прочь, видя неумолимо приближающихся великанов.

— Стоять! Стоять, сучье вымя! — явно подражая кому-то, неожиданно гулким басом закричал Геральт, становясь на пути бегущих, отвешивая оплеухи — после которых ополченцы, кнехты и инженеры катились в пыль.

— Там смерть, господин! Великаны, они…

— К орудиям, назад! — вместе с двумя зубами выбил крик из ошалевшего от страха кнехта Геральт, скользнув вперед и подхватив готовящееся упасть тело. — Поворачивай! — орал он, бросая ошалелого воина назад, мечась среди замешкавшихся, словно игла швейной машинки. — Пока ваши товарищи сражаются за Великую Богиню…

Крики беловолосого слышались далеко позади — я уже бежал навстречу оградам. Выглядели они устрашающими, двигались тяжело — но очень быстро. Хотя предсказуемо — дубина первого ударилась в землю рядом со мной, брызнув каменной крошкой и песком. По этой дубине я и забежал на руку великана, оттолкнувшись и перепрыгнув с правого локтя на левое плечо, всаживая баронский клинок в глаз огра. Выдернув меч, прыжком уходя от рванувшейся фонтаном голубой крови — замораживающей все вокруг, я вспышкой телепортации оказался рядом со вторым великаном. Только успел поднять меч, входя в скольжение — и в тянущемся моменте замедлившего бег времени, проскакивая между ног великана, взрезал ему сухожилия. И вовремя ушел в сторону — метнувшись перекатом прочь что было силы. Тоже успел — две каменные дубины

одновременно пытающихся меня атаковать огров встретились там, где я только что был. Одна обломилась, отлетая прочь, покатившись по выжженной земле плато, а вторая ударила удивленно уставившегося на обломок в руках огра в грудь. Хрустнули, словно ломающиеся бревна, кости, и тело со вмятой грудной клеткой гулко рухнуло наземь.

Я продолжал двигаться — телепортациями перемещаясь между великанами, вскрывая им сухожилия, вовремя уходя от падающих с неба дубин. И не успел уйти в скольжение, когда один из огров ударил не вертикально, а горизонтально, как клюшкой — только появилось перед глазами каменное оружие и раздался гулкий звон, словно весь мир треснул напополам. Пока я летел прочь — открыв рот от ошеломления, понял — треснул не мир, а разрушилась магическая защита крепости.

Рухнув на землю, покатившись брошенной сильной рукой кеглей, остановился только через десяток метров, врезавшись в треснувшую от удара скалу. Позволив себе полежать несколько секунд, увидел, как надо мной воздушной кавалерией пролетают огненные фениксы — разрушившие защиту крепости чародейки Красной Розы стремились на помощь противостоящим армии зомби нескольким оставшимся в живых рыцарям и жрицам.

Наконец поднявшись, стряхивая с доспехов песок и щепки попавшегося на пути дерева, я посмотрел, как Геральт, орудуя двумя клинками, пытается отвлечь огров от небольшой и теснимой мертвецами группы рыцарей, закрывающих жриц — которые, правда, проредили толпу зомби больше чем наполовину. Чародейки на фениксах были уже над ними — сразу несколько метеоров упали с небес, словно широкой плетью выжигая мертвецов и превращая огров в огромные факелы.

Посмотрев по сторонам, предоставив наездницам добивать огров и мертвецов, я, понемногу приходя в себя после зубодробительного удара, двинулся к крепости. Геральт нагнал меня чуть погодя — держась плечом к плечу, мы побежали к воротам, в которых сейчас бушевало сражение.

Чувство чужой боли — совсем рядом — усиливалось, а отголосок безнадежной тоски уже причинял почти физическую боль.

Глава 17. Тени любви

Обе надвратные башни были разрушены, полыхая магическим пламенем — ввысь поднимался густой столб черного дыма. По перекошенному, рухнувшему через ров мосту небольшими группами пробегали атакующие. Двигались они под защитой жриц, прикрывающих солдат от опаляющего пламени.

Вокруг ворот стояла суета и бестолковая толкотня — на нас с Геральтом даже внимания никто особо не обращал. Внутри крепости уже шел отчаянный бой — толкаясь перед заполненным мостом, я слышал как за стенами что-то взрывалось, гремела сталь, раздавался многоголосый крик.

Продравшись сквозь неорганизованную толпу щитоносцев — в которую совсем недавно прилетело атакующее заклинание, испепелив и покалечив сразу несколько десятков воинов, мы с беловолосым забежали в крепость. Весь внутренний двор превратился в побоище — брусчатка была усеяна телами атакующих и осажденных. Доспехи на всех были примерно одинаковые, отличались только нашитыми на куртки эмблемами — красный крест тамплиеров и золотой лик солнца. Но в массе тел выделялись отдельными яркими пятнами и белые плащи погибших рыцарей, и золотые доспехи поверженных гвардейцев.

Стоило только нам с Геральтом, буквально шагая по телам, выбраться из надвратного прохода — жар в котором стоял такой, что шипели, плавясь, волосы, — как я вскинул руку, защищаясь от рванувшегося в меня порождения мрака. Даже вздрогнул на секунду от неожиданности, увидев мчащуюся ко мне словно сотканную из густой темноты тварь, распахивающую усеянную острыми зубами пасть. Едва коснувшись защитной сферы, созданная мраком химера развеялась, как наваждение; это была вполне обыденная стрелы тьмы, пущенная из окна ратуши справа от ворот. Две другие, пущенные следом, залетели прямо в зев надвратного прохода и взорвались — брызнуло светом так, как взрываются ночью сиянием фары разбившейся о дерево машины. Судя по всему, атака некроманта пробила защиту прикрывающей жрицы — и я услышал истошные крики умирающих воинов, сжираемых тьмой.

Со свистом рассекая воздух, прямо через пламя и дым над башнями низко пролетело звено фениксов — по зданию ратуши, словно огненной плеткой, хлестнуло вереницей файерболов — один из которых залетел в окно, из которого только что были выпущены стрелы тьмы. Один из огненных шаров, ярко вспыхнув,

ударил прямо в герб солнцеликого, закрепленный над широким крыльцом, на котором кипела яростная схватка. Не уступающая по накалу бойне у донжона, в который пытался прорваться главный отряд тамплиеров — именно овладев донжоном можно было получить контроль над магической силой, защищающей крепость.

— Гера, за мной, — потянул я за рукав беловолосого, быстро двинувшись через площадь, лавируя между многочисленных групп сражающихся, на которые разбилось всеобщее столпотворение.

— Я Геральт! — отозвался тот, уходя чуть в сторону и на бегу срубая головы сразу нескольким воинам в золотых доспехах. Я на сражающихся не обращал внимания — внутри все крепло тянущее чувство глухой тоски — предвестника чего-то ужасного.

Ускоряясь, я залетел на крыльцо — широким взмахом баронского меча расчистив дорогу через сброд Белого Отряда, потеснивший было кнехтов тамплиеров. Ультрамариновая вспышка перед глазами — и, оказавшись рядом с удивленным чернокнижником, я взмахнул мечом, по-прежнему стараясь не пользоваться силой стихии. За моей спиной пронзительно громко гремела сталь, раздавались сдавленные крики, с противным скрежетом лопались вскрытые мечами Геральта доспехи.

Даже не оборачиваясь на задержавшегося в столкновении у дверей спутника, я побежал по знакомым коридорам — по которым уже проходил в теле Юлии. Мыслей практически не было, все заслонял чей-то близкий животный ужас смерти — совсем как тогда, когда на площади Помпей погибала Ребекка. Вот только сейчас я понимал, что это не она — однако, несомненно, кто-то мне знакомый.

Залетев в зал совета — чувствуя, что опаздываю, телепортацией приблизился к плотной группе золотых гвардейцев. Увидев ультрамариновую вспышку перед глазами, материализовавшись перед строем защитников, моментально ушел в сторону, скользнув во времени. Пользуясь эффектом неожиданности, пробил тесный строй — как тяжелый шар для боулинга раскидывает кегли, — и заскочил в едва приоткрытую дверь зала со змеиной ямой и жертвенным алтарем.

— Виктор, быстрее! — с плавным, смягчающим «в» и «р» английским акцентом, произнесла Моргана — чародейка в закрытом комбинезоне с лиловыми вставками стояла на краю ямы, заполненной змеями, держа наготове два посоха с крупными артефактными накопителями в оголовьях. Увидев знакомое лицо — я встречался с Морганой в теле Юлии, а еще раньше видел ее в очень горячей и пикантной ситуации на Карте Хаоса, — я на

мгновенье замер.

— Эстер! — вздохнула с облегчением вздрогнувшая чародейка и продолжила на английском: — Я так рада тебя видеть!

Мое лицо по-прежнему было закрыто грязно-белым платком, оторванным от плаща авантюриста Белого Отряда — вероятно поэтому чародейка спутала меня с бароном-разбойником из Гиблой топи.

— Готова? — на русском спросил колдун из ямы.

Там, снизу, на жертвенном алтаре была распростерта, сияя от магического напряжения, египетская богиня-стервятник — Нехбет. Абсолютно нагая, избавленная даже от символических деталей одежды, гарпия была парализована заклинанием; но я каждой клеточкой ощущал раздирающую ее мучительную боль. Все тело крылатой девушки крест-накрест пересекало несколько глубоких порезов, из которых сочилась густая кровь, стекая по желобу стока к подножию алтаря.

Шевелящаяся масса змей единым организмом встревоженно извивалась по краям ямы — явно инстинктивно паникуя от происходящего — в центре алтаря пульсировал сгустившийся ужас и невиданная магическая сила умирающей на жертвенном камне богини.

— Мэри? Готова? — с ноткой раздражения переспросил колдун — он стоял в месте концентрации боли и силы, готовясь нанести последний удар жертвенным ножом, не отрывая взгляд от распростертой на алтаре крылатой девушки.

Вязко чмокнув, голова Морганы съехала вниз по косому порезу — меч барона удивительно легко перерубил доспех духа и шею застигнутой врасплох чародейки. Так же легко перерезал он вскинутые с жертвенным ножом руки колдуна. Ошарашенно глядя на две культи, чернокнижник потратил роковое для себя мгновение на замешательство, а я пригвоздил его в полу, потянув в себя его силу, стараясь забрать жизнь без остатка.

Полыхнул мраком клинок, кашлянул черной кровью колдун, а мне под кожу ринулась склизкая и омерзительная энергия колдуна-некроманта — несовместимая с жизнью. Боль столкновения была непередаваемо жуткой, а моя энергия стихии столкнулась с темной сущностью колдуна с такой силой, что взрывом нас разбросало по противоположным стенам ямы. Выдохнув и исторгнув изо рта клубы черного дыма, я поднялся, превращая в кашу придавленных змей, и со стоном — преодолевая сопротивление одеревеневших от боли мышц, побежал к колдуну. Тот, барахтаясь на спине и шевеля культями — вокруг которых клубился мрак, словно выращивая новые

конечности, также пытался встать. Ему серьезно мешал торчащий из груди меч — но искрящийся багровым клинок был окутан тягучими лоскутами тьмы. С разбега я пнул чернокнижника ногой в лицо — так что тот ударился о стену, потеряв ориентацию во времени и пространстве.

На краткий миг я замер — передо мной был человек, едва не убивший Ребекку, — и меня пронзило отчетливым желанием его убить. Но как это сделать, не представлял — если с обычными людьми и повелителями стихий получалось просто забрать энергию жизни, то сейчас, когда передо мной была заполненная эманациями чужой боли и посмертных страданий оболочка чернокнижника, я не понимал, что делать. Это почувствовал и колдун, обнажив в усмешке черные от крови зубы. Зря он так — ощерившись, даже не понимая толком, что делаю, я во временном скольжении прыгнул на него, вбивая колено в грудь, скользнув вороненой сталью доспехов по вспоровшему на груди куртку колдуна багровому мечу.

Глаза чернокнижника испуганно расширились — он видел мой полыхнувший огнем взгляд, когда я, встряхнув руками, выбрасывал его склизкую энергию, тут же превратившуюся в копошащуюся массу тараканов, многоножек и извивающихся змеек. А следом — после короткого замаха, ударил его ладонями по ушам. Темной силы во мне больше не было, и объятые пламенем пальцы сжали голову чернокнижника. В замершем моменте я видел, как чернеет и обугливается его белоснежная кожа, как языки пламени прорываются через брызнувшие темной слизью глазницы. Закричав, выплескивая силу, я направил всю свою опаляющую энергию в колдуна так, как совсем недавно сделал с Ребеккой. Только в прошлый раз я действовал без оглядки на разум — из-за боязни за любимого человека, а сейчас полностью раскрылся, побуждаемый яростью всепожирающей ненависти.

Чернокнижник вспыхнул, как факел, превратившись в живое пламя, в центре которого — в груди — еще сохранялся черный ком обугленного камня души. Он был заметен даже среди багряных всполохов, и я сконцентрировался на нем, сжимая руки сквозь обуглившиеся и ломкие кости, стараясь выжечь сердце колдуна без остатка.

Вновь, как с каждой смертью в первом отражении, в моем сознании звонко лопнула струна — и пламенный силуэт чернокнижника колыхнулся, угасая навсегда, последней вспышкой выжигая все вокруг.

Перед моим взором в этот миг опустилась непроглядная черная пелена. Я потерял ориентацию в пространстве, испытывая

самый настоящий ужас — остро сознавая, что отдав все силы на убийство чернокнижника, подписал и себе смертный приговор.

Зависнув в пространстве безвременья, я ощутил себя словно в далеком детстве, когда на спор попытался — избавившись от воздуха в груди, снижая плавучесть — донырнуть до дна глубокого карьера. Не добрался — а зачем-то сделав на глубине кувырок, собираясь всплывать, вдруг осознал, что не могу понять где верх, где низ. Тогда, запаниковав, я открыл глаза, но карьер был в месте выработки глины — с мутной водой, — и я очень ясно прочувствовал, что если ошибусь с направлением, то просто утону.

В прошлый раз я сумел справиться с паникой — замерев, попытался угадать верное направление и поплыл из последних сил, — выбравшись на поверхность, когда спутники уже начали волноваться. Сейчас же я даже не знал, как действовать — вокруг была только серая муть и…

Неожиданно остро я ощутил чужое отчаяние и знакомый животный ужас смерти рядом — и, еще не веря, рванулся к нему, словно на рассеивающий тьму маяк. Вздрогнув всем телом — словно с размаху приземлившись плашмя на утоптанную землю, осознал себя в собственном теле. Секунда замешательства — и, поднявшись, не обращая внимания на пронизывающую все тело боль — меня словно небрежно скрепив собрали из разных частей, — подбежал к алтарю.

Распятая на плоском камне девушка умирала — из глубоких порезов густо сочилась кровь, стекая по стокам в желоба вокруг алтаря. На крылатую богиню по-прежнему было наложено парализующее заклятие — и гарпия могла шевелить только глазами, во взгляде которых читалась нечеловеческая мука. По щекам богини катились слезы, а я ощущал свою беспомощность и невозможность помочь, глядя как из нее вместе с каждой каплей крови выходит жизнь, клубясь силой вокруг алтаря.

Невероятно мощная энергия сконцентрировалась вокруг жертвенного камня — и именно ее хотел собрать вместе с последним ударом белолицый колдун, убивая богиню — направляя силу в артефакты.

Грохнули двери зала, и на краю змеиной ямы появился забрызганный с ног до головы чужой кровью Геральт.

— Гера, лекаря найди, срочно! — закричал я, лишь коротко глянув на беловолосого и вернувшись взглядом к богине, которая медленно умирала. Вокруг нее вихрились потоки силы, но как вернуть ее в тело девушки, я не представлял. Подойдя ближе, ударил мечом по цепям, разбивая их, но гарпия не шелохнулась — ее по-прежнему держало парализующее заклятье, а не

наполненные магией цепи.

— Я Геральт! — буркнул беловолосый, вновь появляясь на пороге зала. Вместе с ним была жрица света из сопровождения тамплиеров — которые, судя по топоту ног, бежали сейчас за моим спутником. Хотя нет, не жрица — посмотрел я на девушку, которую притащил Геральт — она была не в белой мантии, как остальные, а в зеленом облегающем наряде.

— Ты целительница? — спросил я, возникнув прямо перед невысокой и совсем юной девушки.

Она, сохраняя поразительное спокойствие, утвердительно кивнула.

— Спаси ее, прошу тебя, — показал на распятую богиню, из которой уходили последние капли жизни.

Молоденькая жрица, к удивлению, все еще сохраняя полную невозмутимость, не говоря ни слова легко спрыгнула вниз, перемахнув ограждение — только плащ взметнулся, — и оказалась рядом с умирающей. Несколько секунд она потратила, оценивая обстановку, а потом словно принялась зашивать пространство — оперируя потоками высвобождаемой из богини силы, возвращая ее в тело крылатой девушки.

Я понемногу отступал к краю змеиной ямы. Вокруг клубилась настолько сильная энергия, что я не был уверен в том, что ошибись жрица — и мой доспех духа выдержит. Юная целительница между тем продолжала ювелирную работу — оперируя потоками энергии, могущими — по ощущению — не оставить камня на камне от всей ратуши. Но каким-то чудом целительница удерживала ситуацию под контролем, заживляя раны и перенаправляя энергию обратно в тело едва не погибшей жертвы. Последний, казалось, стежок — и вдруг богиня крупно содрогнулась, расправляя крылья и распахнув невидящие глаза.

Вся ее боль и пережитые мучения выплеснулись в крике, взвившемся полукругом хлыста — словно длинные волосы из воды для красивой фотографии. Испарилась, исчезая кровяной взвесью, юная целительница, вздрогнуло здание — крыша просто исчезла, а стены рухнули по сторонам разрубленным колуном поленом. Изогнувшаяся гарпия упала с алтаря на неудачно подломленное крыло и безуспешно пыталась встать, потеряв ориентацию — словно употребившая немалую дозу алкоголя — нагрузившись до невменяемого состояния.

Через некоторое время — когда с неба перестали падать булыжники, — я снял защитную сферу, осматриваясь. Не слышал практически ничего — ощущение, словно оказался в центре объемного взрыва — совсем как тогда, когда к нам с Ребеккой в номер залетел заряд реактивного огнемета.

Поднял голову вверх — Геральт исчез, как и несколько забежавших тамплиеров — лишь их темные выжженные силуэты остались на сохранившейся части стены. Сверху, в небе надо мной, через широкую прореху в крыше появились сразу три феникса — огненные чародейки зависли в воздухе, наблюдая за нами. В основном за богиней — которая, нетвердо ступая, приближалась ко мне, глядя своими бесконечно черными глазами.

Отступать было некуда — и, не понимая, к чему готовиться, я усилил доспех духа — как вдруг богиня, едва не упав, пошатнулась. Машинально я шагнул вперед, поддерживая девушку — и только тогда взвились, расправляясь, широкие крылья, с удивительной мягкостью обнимая меня.

Зарыдав в голос, богиня доверчиво спрятала голову на моей груди.

— Женечка, любимый, я так тебя ждала… — услышал я уже после того как понял, кого именно обнимаю.

Глава 18. Красный крест

Два всадника на обычных, ничем не примечательных лошадках, неспешно приближались к временному мосту, связывающему цитадель Эмеральд с большой землей. Оба наездника скрывали лица за плотными капюшонами — у одного из них плащ был обычный, когда-то зеленый, а ныне густо потемневший от времени, плечи же второго покрывала серая с красным крестом накидка — плащ тамплиеров.

Овальный форт, возвышающийся в середине узкого горлышка пролива, выглядел пугающе — с черными от гари, щерящимися клыками зубцов полуразрушенными стенами; крепость понизу обрамляли уродливо острые шипы застывшей лавы — там, где во время магической битвы сталкивались разъяренные стихии воды и огня. Но над небольшой башенкой по-прежнему реял черно-золотой имперский флаг, а вся цитадель была словно укутана сеткой строительных лесов, на которых суетились многочисленные рабочие.

Обогнав три упряжки медленных волов, неутомимо тянущих подводы с досками и ровными отесанными булыжниками, всадники въехали на понтонный мост и крепче взялись за поводья — гладь залива была тронута легкой зыбью, и мост ощутимо покачивался на волнах. Разрушенный при штурме перекидной мост виднелся совсем рядом — на небольшой глубине, зияя обугленными ребра сквозь толщу воды.

Стража из кнехтов на воротах не обратила на путников особого внимания — лишь скользнув взглядами по красному кресту на притороченном к седлу тамплиера простом щите. Дежурный кадет вскинулся было, но рассмотрев лицо гостя в зеленом плаще, лишь приветственно поднял руку.

Путешественники между тем спрыгнули на землю и, убрав скакунов в инвентарь, двинулись мимо стражи вглубь форта. Пройдя под низко опущенной решеткой, путники миновали каменный мешок тесного коридора и оказались в поврежденной галерее внутреннего двора крепости. Здесь стоял непрекращающийся гвалт — многочисленные рабочие занимались восстановлением полуразрушенной цитадели. Строительные леса были уже установлены, и в овальном внутреннем дворе под ними суетились каменщики, поднимая блоки с помощью системы талей.

Миновав группу рабочих, отдыхающих в ожидании следующей партии отесанных камней, подводы с которыми как

раз заезжали в каменный мешок прохода, путники остановились.

— …а я б ей засадил, — вдруг мечтательно выдохнул невысокий кряжистый мастеровой, вглядываясь в сторону амфитеатра, где сейчас магистр цитадели жестко отчитывала одного из руководителей строителей.

— Куда бы ты ей засадил, мослы одни, — фыркнул привалившийся к стене каменотес с припорошенной каменной пылью лысиной. — Взяться не за что, только костьми греметь, — даже приподнялся он, осматривая точеную фигурку девушки магистра, обтянутую полевой униформой.

На приостановившихся путников каменотесы не обратили внимания — серый плащ кнехта тамплиеров — это не белоснежная накидка рыцаря. Свой брат, а не ходячее чванливое высокомерие. Второй гость крепости у строителей так же внимания особо не вызывал — благородные в такой грязной одежде не ходят — особенно здесь, в цитадели, где живут молодые боги.

— Туда б и засадил. Попка прямо как орех, так и просится на грех, — лишь мазнув взглядом по приостановившимся незнакомцам, коротко хохотнул кряжистый мастеровой и добавил, глядя на ругающуюся девушку: — Да и сиськи вполне… смотри-смотри, как скачут, аж прям кителек сейчас лопнет.

Лысый между тем почувствовал неладное — заметив, как тамплиер неторопливо снимает капюшон. Столкнувшись с горящим огнем взглядом, он вжался в стену и заерзал, одновременно пытаясь и подняться, и поклониться. Кряжистый мастеровой несколько мгновений смотрел на ошарашенного собеседника, а после перевел взгляд на тамплиера. И моментально рухнул на колени, торопливо бормоча опережающие друг друга слова извинений.

Сморгнув огонь, тамплиер посмотрел на оторопевших мастеровых необычным взглядом — глаза у него были разного цвета: один карий, почти черный, второй яркий, изумрудно-зеленый. Развернувшись, так напугавший рабочих тамплиер двинулся к амфитеатру, приближаясь к стоящей к нему спиной магистру.

— Вы, господа, только что прошли по очень, очень тонкому льду, — откинув капюшон, обнажая пепельно-белые волосы, произнес второй незнакомец, глянув на потрясенных мастеровых ведьмачьими глазами. — И рискну предположить, были близки к тому, чтобы засадить друг другу, — хмыкнул Геральт, выходя из галереи следом за тамплиером, направляясь к амфитеатру.

Магистр цитадели, графиня Юлия Орлова в этот момент, почувствовав отвлеченное внимание собеседников, резко

обернулась и столкнулась глазами с неслышно приблизившимся тамплиером. Совершенно неподобающе для магистра цитадели взвизгнув, она в ультрамариновой вспышке телепортации оказалась рядом, запрыгнув на неожиданного гостя, обвивая его ногами. Многочисленные присутствующие — все, кроме подходящего Геральта и переливчато засвистевшего с третьего яруса барона Сиверса, заметившего появление Воронцова, — сделали вид, что отвлечены своими очень важными делами.

Глава 19. (…)

— И? — с напряжением в голосе протянула Ребекка, глядя на меня, едва закусив губу.

— И учитывая, что я предотвратил жертвоприношение богини, которое могло высвободить просто немыслимые силы, магистр Жак посвятил меня в рыцари, даровав статус паладина и защитника Девы Марии.

— Ш-шайзе! — не сдержалась Ребекка, поднимаясь из-за стола и отодвигая высокий стул так резко, что он едва не упал.

Мы с Юлией переглянулись, но Орлова только покачала головой. Так, похоже, я опять что-то не понимаю.

— Это плохо? — осторожно поинтересовался я, глядя на Ребекку, которая подошла к узкой бойнице окна и задумчиво глядела на воды пролива.

— Это не плохо, Джесси. Это… не очень хорошо, — после паузы ответила графиня, возвращаясь за стол.

— Почему? — глядя прямо в глаза Ребекке, спросил я. И добавил: — Да, признаю, согласился опрометчиво и начинаю понимать это. Просто объясни доступно.

— Ты не был на последних двух лекциях мастера Богимика. Записи смотрел?

— Не хватило времени, — не покривил я душой. — Так уж получилось.

Графиня только кивнула, чуть прикрыв веки — признавая, что развивающаяся ситуация действительно не давала мне достаточно времени для ознакомлениями с учебным материалом.

— На предпоследней лекции мастер разбирал произведение «Три Толстяка». Слышал о таком?

— Читал. Но давно и не очень помню сюжет, — честно ответил я.

— А мне пришлось прочитать, дабы понять, о чем речь. Итак, непосредственно рассказ истории в произведении ведется с явной эгалитарной позиции, взглядом левых: народ противопоставлен правящему классу — толстякам. Которые показаны в виде паразитов и палачей: правящая клика сажает за решетку ученых, подавляет народные восстания, запугивает безобидных интеллектуалов и приговаривает к смерти двенадцатилетних детей. Кроме того, они планируют вырастить наследника Тутти бесчеловечным тираном, вживив ему железное сердце.

Толстякам противостоят простые, честные и смелые бедные люди — гимнаст Тибул, оружейник Просперо и прелестная Суок,

которая — какой сюрприз — оказывается родной сестрой самого наследника Тутти. Ничего необычного, конечно же — в истории цивилизации в цирках часто встречаются юные леди самого неожиданного происхождения.

В конце концов, циркачам и оружейнику удаётся взять штурмом дворец Толстяков и совершить революцию — по ходу которой гвардия переходит на их сторону, и наступает царство всеобщей справедливости. Я про тех «Трех Толстяков» рассказываю? — увидев мой заинтересованный взгляд, поинтересовалась Ребекка.

— Про тех, — кивнул я, смутно припоминая прочитанное еще в школе.

— Отлично. Теперь посмотрим на картину справа: правящий триумвират, исполнявший регентские функции в ожидании совершеннолетия наследника Тутти, совершал ошибки в управлении, но не столь принципиальные, как утверждает левая оппозиция. К тому же, с позиции элитаризма, противостояние народа и толстяков — абсурд. Народ при Толстяках делал то, что и при любом правлении — безмолвствовал. Да и власть излишне либеральничала, особенно с разными общественными деятелями и популистами.

С триумвиратом так называемых Толстяков боролся не народ, а вполне определённые люди, и все на редкость сомнительные личности: Просперо, занимавшийся контрабандой оружия, скандальный тип, еще и — неудивительно — из хорошей семьи; Тибул, который в любой момент вспоминал о своем происхождении, давая повод опереться на расовые меньшинства. Наконец, Суок. Кто знает доподлинно, что она и вправду сестра Тутти, а не сошедший с корабля чужой державы агент с паспортом на имя «Суффолк»?

Измена гвардии, ввергнутая в пучину бедствий страна, проигравшее циркачам правительство. Господи спаси отечество! — добавила эмоций в голос Ребекка в конце рассказа. — Узнал происходящее?

Мне оставалось только развести руками.

— Возможны обе интерпретации в зависимости от угла взгляда?

— Возможны, — даже не стал я спорить.

— Отлично, значит, с правым и левым взглядом все выяснили. Но подумай о том, что среди действующих лиц романа — даже вершащих революцию — нет ни одного персонажа, ставящего под сомнение династические права Тутти, — равно как и сам монархический образ правления. Ведь Толстяки не аристократия, это всего лишь правительство, исполнители. И

если представить ситуацию с точки зрения элиты — как говорит мастер Богемик, обозревая происходящее взглядом сверху, — будет видно, что обеспеченный Толстяками экономический бум и либерализация экономики начала всерьез задевать интересы землевладельцев, да и с национализмом действующее правительство опрометчиво закрутило гайки. И обладающая влиянием — в отсутствие на троне авторитарного диктатора — часть элиты, не сдерживаемая выстроенной вертикалью власти, решает, что правительство пора менять. Сразу находится забавный малый Тибул, отирающийся то в компании цирковых, то на заседаниях революционного кружка — таких Тибулов вагонами можно в столицу везти. Вынимается из рукава молодой Просперо с претензиями к правительству — ведь два его корабля арестованы таможней. Обеспечивается поддержка, гранты, опытные люди пишут хорошую программу с обещанием шестичасового рабочего дня и снижения пенсионного возраста, обеспечивается поддержка гвардии. Рабочая схема?

— Вполне, — не мог не признать я.

— Рада, что понимаешь. Так вот, понимая это, ты должен был осознать, что надев плащ с красным крестом, ты отказал себе во взгляде сверху. Тебя теперь могут просто не пустить на галерею, мой дорогой — не кто-то персонально, а возникающие в связи с твоим выбором коллизии. Аренберг и тамплиеры сейчас делят новые миры — а ты демонстративно занял одну из сторон. И вместо того чтобы принимать решение или в ожидании наблюдать со стороны, будешь вынужден действовать в ограниченных условиях.

— Границы придется расширить, — пожал я плечами, скрывая раздражение от осознания правоты Ребекки.

— Когда я стану главой Аренберга, что будешь делать ты как рыцарь… даже, прости Господи — паладин! — Храма, магистр которого сейчас нацелен на то, чтобы задвинуть хранителей на самую далекую обочину Новых Миров, оставив только представительские функции? Поддержишь Тампль или, отринув крест, встанешь на защиту вотчины Аренберга?

— Когда ты станешь главой Аренберга, магистр тамплиеров должен будет очень хорошо подумать, прежде чем пытаться пойти на конфронтацию с тобой. При случае говори, что меня знаешь, — произнес я, понимая, что действительно не вовремя принял посвящение в рыцари Храма.

— Мне нравится твоя самоуверенность, мой мальчик, — открыто улыбнулась графиня.

— Какие девочки, такой и мальчик, — вернул я ей улыбку. — Ты так самонадеянно утверждаешь, что станешь главой

Аренберга…

— А у меня выбора нет, — с подкупающей искренней прямотой ответила Ребекка. — Или я стану главой хранителей, или… стану главой хранителей. Потому что если у меня не получится, то нам всем… как это по-русски? — деланно задумчиво повернулась Ребекка к Юлии, видимо, припоминая что-то — потому что Орлова фыркнула, не сдержавшись. И, придвинувшись чуть ближе, словно невзначай, взяла меня за руку — что не осталось незамеченным Ребеккой, которая сделала вид, что не обратила внимания.

— Есть что-то, что я должен знать из последних событий?

— Да. Достаточно.

— Весь внимание, — произнес я.

Ребекка открыла интерфейс и вывела проекцию карты на стол — присмотревшись, я увидел, что на застывшем изображении показана площадь Помпей с замершей картинкой сражения всех против всех. Но, подумав секунду, графиня жестом убрала изображение, и теперь на столешнице была видна трехмерная проекция усадьбы Лаэртского.

— Позывной «Антенна», — неожиданно произнесла Ребекка, показав на сидящую поодаль от развалин дородную рабыню со шваброй и ведром. — Продала информацию о твоем появлении на вилле по запросу. Моя ошибка, — коротко глянула Ребекка на Юлию, — появление аркадианцев в мире мы последние дни плотно не отслеживали. И… были немного шокированы произошедшим, поэтому додумались не сразу, — совершенно по-домашнему произнесла графиня, после чего вновь вернулась к деловому тону: — Кто завербовал Белый Отряд и Вольные роты Альбиона, мы доподлинно не знаем. Но по косвенным признакам это Токугава, которые хотели с тобой разобраться за убитого на турнире виконта. Это то, что лежит на первом событийном уровне, конечно же.

Ребекка сделала некоторую паузу, с напряжением ожидая реакции, но увидев мой взгляд, продолжила:

— Признаки косвенные и слишком нарочито удовлетворившие Совет Мастеров. Дело в том, что клан Токугава уже не спросишь, поэтому я вполне обоснованно подозреваю ваших британских друзей, — стрельнула глазами Ребекка в сторону Юлии.

— Зато понятно, откуда взялась Красная Роза, — невозмутимо ответила Орлова и, не обращая внимания на взгляд Ребекки, еще ближе придвинулась ко мне, едва не ложась грудью на плечо и показывая на фигурку в красном облачении боевого мага.

— Да, магов огня притащил Макленин, узнавший о твоем появлении на вилле Лартского раньше японцев. И необходимо учитывать, что этого твоего друга… — кашлянула Ребекка, делая паузу. Юлия, демонстративно не обращая на нее внимания, все же отстранилась от меня. Отодвинувшись совсем чуть-чуть.

— …что твоего друга Макленина накануне с треском вышибли из цитадели Федерации. Просто так подобные решения с фигурами его уровня не принимаются, но кто наблюдал сверху за виллой Лаэртского во время охоты за тобой — русские или британцы, — мы пока не знаем.

Пока я порывался спросить, почему Токугава больше не могут ничего рассказать, Ребекка вновь вернула изображение битвы в Помпеях.

— Игорь Тарасов, — показала она на фигуру в золотых доспехах. — Бог Солнца славянского пантеона, московская креатура — после провала работы проекта «Данте» взобрался достаточно высоко. Выше только звезды, — добавила задумчиво Ребекка.

— Я оставил его твоей сестре, — произнес я, вспоминая события на площади. Графиня вдруг порывисто вздохнула и, подойдя ближе, присела на край стола. На мгновенье ее декольте оказалось на уровне моих глаз, но Ребекка уже наклонилась, обнимая меня и крепко целуя.

— Еще не сказала тебе спасибо, — голос ее дрогнул, а глаза полыхнули удивительными красно-зелеными всполохами.

— А… — даже не нашелся я, что ответить, когда Ребекка провела пальцами по моей щеке.

— Хорс от них убежал, — произнесла графиня, возвращая меня в действительность.

— Как убежал?

— Божественная защита и портал домой, — пожала плечами Ребекка. — На Собрании Мастеров Тарасов заявил о том, что прибыл в Помпеи по просьбе польских партнеров — которые охотились за похитителем Маски.

— Какой Маски?

— Вот этой, — достала из инвентаря богато изукрашенную венецианскую маску Ребекка.

— Что это за маска?

— Легендарная. Не только скрывает лицо носителя, но и дает возможность выбирать практически любую личину.

— И кто ее похитил?

— Ты.

— Когда успел?

— Когда убил некого Виталия Спицина, — повернула

изображение площади Ребекка, и я увидел знакомого белолицего колдуна, возглавляющего армию нежити, заполонившую значительную часть площади Помпей. Графиня, так же присмотревшись к колдуну, вздрогнула и словно невзначай положила руку рядом с моей — так что ничего не оставалось, кроме как накрыть ее тонкую ладонь. Юлия при этом с силой сжала мое запястье, придвинувшись ближе. — Василий Спицын, бывший руководитель одного из департаментов Проекта «Данте», — ровным голосом произнесла графиня.

— Я его убил, — посмотрел я на Ребекку, вспоминая звонко лопнувшую стрелу мироздания, когда выжег душу из тела чернокнижника.

— Да. На плато, когда в теле… Юлии уходил от погони. Тогда это был он — в Маске, которую ты с него снял после убийства.

— Я его на самом деле убил, — попытался я объяснить, но Ребекка меня перебила.

— Именно. Когда капсула с ним взорвалась, пострадало три специалиста террариума, а его тело хоронили в закрытом гробу. Пустом. Как и твое, оно истончилось и просто исчезло.

— А как…

— Он тоже бессмертный. Возродился здесь, в Новых мирах, так что твой случай не первый. Как оказалось, далеко не первый, — покачала головой графиня.

— Был бессмертный, — произнес я, и почувствовал, как дрогнули руки девушек. — Говорю же, я его убил. Вчера, во время штурма Хеллгейта. Второй раз, и — думаю — навсегда.

Ребекка долго смотрела мне в глаза, а после отвлеклась и пальцы ее запорхали по виртуальной клавиатуре. Заговорила она только после того, как отправила несколько писем.

— Про этого человека, даже если его больше нет, всем нам необходимо знать больше. Во-первых, он, как и Тарасов, креатура Москвы. В отличие от, — вдруг показала тамплиера со шрамом на лице.

— А он… — удивился я, разглядывая Дениса — спутника сестры Ребекки Габриэллы.

— Петербург. Там сейчас достаточно сильная и сплоченная группа из финансовой и экономической элиты, которая сделала ставку на тамплиеров… — коротко глянула на мой красный крест Ребекка.

— Подожди, — попросил я, задумавшись, и поинтересовался: — А Федерация — это московский проект или питерский?

— Джесс, — тяжело вздохнула Ребекка. — Москва и Санкт-Петербург — это и есть Федерация. Напомнить тебе про то, что

противостоя друг другу за одним столом, некоторые игроки играют рука об руку за другим? И еще не забывай о том, что в трехмерных шахматах правила меняются игроками, а очередностей хода не существует — и мы сейчас немного отстали. Но, к счастью, ты снова с нами… — не сдержалась Ребекка, вновь неожиданно открыто мне улыбнувшись.

— Маска. Как я смог ее забрать?

— Ты ее не забирал.

— Ты забрала?

— Нет. Мы нашли ее в хранилище цитадели.

— Как она туда попала?

— Вопрос сложный. Ясно только, зачем она туда попала — пока ты спасал мне жизнь в Помпеях, Юлия отбила штурм цитадели, — уважительно склонила голову Ребекка, глянув на сидевшую справа от меня девушку. — И если бы наша девочка ошиблась, с этой маской мы могли бы приобрести очень много серьезных проблем — потому как штурм, затеянный на средства Макленина, — который поставил на кон свою репутацию, провалился только оттого, что малышка Джули сама не побоялась рискнуть всем.

Юлия только фыркнула, между делом вновь мимолетно, но очень плотно, ко мне прижавшись.

— К нам по маякам должны были прибыть три диверсионные группы — двум из которых предстояло умереть, а третьей найти и забрать маску. Тогда авантюра Макленина с отверженными чародейками не показалась бы всем такой идиотской, а мы попали бы в очень неприятное положение.

— Подожди, — произнес я после паузы, возвращаясь взглядом к замершему моменту битвы каждого со всеми в Помпеях: — Получается, здесь были только русские?

— Открыто только поляки, русские и… германцы, — крутанула Ребекка карту и показала на египетских богиню-змею и девушку с крыльями.

— Как? Они-то каким боком? — удивился я.

— Традиционно явились на раздачу, — пожала плечами графиня. — Зачем, внятно даже на Совете Мастеров объяснить не смогли. Их наверняка подставили, конечно — скорее всего британцы, но признаваться в этом никто не стал. Зато теперь, пользуясь формальным поводом, в то время как тамплиеры захватывали Хеллгейт, Хорс с основными силами своей гвардии…

Ребекка сделала паузу, меняя изображение на проекции. Теперь с высоты птичьего полета мы смотрели на город в дельте Нила, раскинувшийся среди бескрайних желтых песков.

— …уже занял Мемфис, выбив оттуда экспедиционный

корпус Обсидиана.

— Почему он не вернулся в Хеллгейт?

— Потому что преисподнюю ему было не удержать — не захватили бы тамплиеры, так вернулся бы Белый Отряд, или нашелся кто другой.

— Но ведь Белый Отряд был и в Хеллгейте?

— Совсем малая часть, в основном сброд. Основные силы у них сейчас в Альбионе — у британцев тоже в новых мирах много противоречий, а Корона сюда еще не пришла. Поэтому новые миры в их зоне влияния сейчас активно делят колониальный корпус и королевское общество.

Я вдруг почувствовал, как Юлия прильнула ко мне — вроде бы вглядываясь в карту.

— Где Нехбет? — поинтересовалась вдруг Ребекка, а я почувствовал, как Юлия напряглась.

— У тамплиеров, в Сеговии.

— Вера Круз? — подняла бровь Ребекка. — Их богиня не будет против?

— Она стала ангелом, — пожал я плечами.

— Мария? — удивленно нахмурилась Ребекка, не понимая, о чем речь.

— Нехбет, — покачал я головой.

— А… как? — поинтересовался Юлия, намеренно чуть пошевелившись, так что я почувствовал плечом ее упругую грудь.

— Если девушка с крыльями в черном платье — это демон. Если платье белое — ангел, — поджал я губы, вспоминая слова старины Жака после тяжелого разговора с девушкой, которую спас от окончательной смерти.

— Жень, — отвлекая, вдруг пощекотала мне ухо губками Юлия. — У нас есть к тебе серьезный разговор, — громко прошептала она, как вдруг наткнулась на взгляд Ребекки. — Но не сейчас, — отстранилась девушка, словно что-то вспомнив. Графиня наградила ее тяжелым взглядом, но едва прикрыв глаза, серьезно посмотрела на меня.

— Кадет Эмеральда, Артур Юсупов. Он же Валера Логинов, он же Арье Спицын.

— Спицын? — удивился я, похолодев.

— Сын Виталия, которого ты убил.

— Прекрасно, — сдавленно проговорил я и добавил чуть погодя: — Ни одного Артура, Валеры или Арье я не знаю. Это кто?

— Бургундец.

— Надо с ним поговорить, наверное, — после долгой паузы протянул я и, увидев согласие во взгляде Ребекки, поднялся.

— Да, кстати, — обернулся я уже от входа. — А что с Токугава? Почему потрачено?

Глава 20. Новый уровень

— …экстренный выпуск новостей. Сегодня, меньше часа назад, во время массированного удара Китайской Народной Республики по Японии было применено ядерное оружие. Сообщается о масштабных разрушениях по всей территории страны Восходящего Солнца, усугубленных возникновением цунами и тяжелейшими техногенными катастрофами, вызванных сильнейшей бомбардировкой.

Голос молодой ведущей ощутимо подрагивал, а интонации отличались от стандартно-дежурных — было видно, что девушка растеряна и не понимает, как себя вести, — она то смотрела в камеру, то переводила взгляд на экран ноутбука. Кроме того, ведущая не знала куда деть руки — от одевающего ее волнения.

— По имеющейся информации, атакам подверглись практически все крупные города Японии. Интернет, электричество в стране отсутствуют… в социальных сетях практически нет видео с места событий. Также, по неподтвержденным данным, бомбардировкой полностью уничтожен остров Окинава, где находится американская военная база с контингентом более чем в тридцать тысяч человек.

Ведущая вновь сделала паузу, выглядывая за пределы картинки студии — по всей видимости, слушая редактора новостного выпуска. Кивнув, она обратилась вниманием к ноутбуку, после чего вернулась взглядом к зрителям. В этот момент часть экрана заняла трансляция из штаб-квартиры ООН, где была видна толкотня делегаций, многие члены которых выглядели взволнованными и даже растерянными. Светловолосая девушка-ведущая на экране между тем несколько раз пыталась заговорить, не в силах совладать с эмоциями, но запиналась, не справляясь с голосом.

— Сейчас… Сегодня… Что? — обернулась она в сторону и, кивнув, вновь посмотрела в камеру, уже явно читая транслируемый на специальном экране у объектива камеры текст: — Во время начала бомбардировок Японии вещание китайских телеканалов были прервано для трансляции обращения председателя коммунистической партии Китая, в ходе которого он заявил, что атака японских островов является превентивной защитной мерой, необходимой для сохранения целостности Китайской Народной Республики, на южных территориях которой сейчас действуют японские оккупационные войска.

Картинку штаб-квартиры ООН сменили явно архивные кадры

заседания российского Совбеза во главе с президентом, вместо которых тут же появился выступающий с обращением к нации китайский лидер.

— Прямо сейчас в Москве идет экстренное совещание министерства обороны, на котором присутствует верховный главнокомандующий. Сообщается о том, что в данный момент по требованию Вашингтона уже собирается совет безопасности ООН — его заседание уже началось. В… Сейчас… — ведущую вновь отвлекли, она сбилась и, вернувшись взглядом к камере, уже не могла понять, о чем надо говорить. Девушка пыталась одновременно прочитать бегущую строку, информацию с экрана ноутбука и при этом отреагировать на жесты невидимого редактора.

— И вот, как мне сообщают, — уже с трудом сдерживая эмоции, вновь отвлеклась ведущая, — совсем недавно нам удалось связаться с начальником нашего корреспондентского бюро в Токио, и сейчас вы сможете увидеть кадры….

Девушка прервалась, а на выделенной в части экрана картинке появилась ночная панорама мегаполиса — видео было явно снято с помощью мобильного телефона. Оператор стоял на балконе высотного здания, снимая подсвеченную многочисленными огнями столицу Японии. Темный небосвод обманчиво неторопливо пересекали десятки светящихся черточек, навстречу которым с земли рванули защитные противоракеты.

— Коллеги, слышите, звучат сигналы тревоги противовоздушной обороны, вы даже можете наблюдать, как первые ракеты приближаются к городу, и как работает ПВО японских сил самообороны… — комментировал происходящее подрагивающий голос обладателя телефона за кадром.

— Серега, [бежим], это [конец]! — ворвался в дрожащий, но размеренный голос громкий крик, и изображение дернулось.

Судя по всему, обладателя телефона схватили за руку, утаскивая с балкона — картинка заметалась — бегущий пытался что-то снимать и даже комментировать, но под густым матом его коллеги слов было не слышно. Вдруг в трансляцию ворвался звук далекого, но сильного взрыва — и здание содрогнулась.

— Уберите, пожалуйста, от экрана детей, — раздался взволнованный голос невидимой ведущей, — как мне сообщают, данные кадры не предназначены для просмотра аудиторией младше шестидесяти лет.

Девушка перепутала возрастной ценз аудитории, но даже не обратила внимание на замахавшего руками редактора, наблюдая на экране своего лэптопа за тем, как сотрудники телеканала бежали по лестнице, пытаясь обогнать смерть. У них даже не

получилось выбраться на улицу — уткнувшись в возбужденную и плотную толпу японцев, которые, хоть и хотели спастись, не демонстрировали никакой паники, покидая здания.

— Коллеги, вы видите, мы оказались в толпе людей, пытающихся покинуть здание и все направляются в бомбоубежище. Обратите внимание, что не видно никакой паники, и… — пробираясь к через широкий холл к выходу, рассказывал корреспондент, держа телефон над головой, — было видно, что он в накинутом на футболку пиджаке, шортах и кроссовках на босу ногу. Рядом толкался взволнованно озирающийся оператор с профессиональной камерой на плече.

В этот момент, словно опровергая слова корреспондента об отсутствии паники, с улицы раздался многоголосый крик, и панорамные стекла первого этажа брызнули мелкой крошкой, разрушаясь от взрывной волны. Сквозь крики ужаса и боли было слышно эхо многочисленных взрывов — толпа заметалась, и обладатель телефона, сдавленно ругаясь, по чужим телам выбрался на улицу.

— Прошу прощения за несдержанность, коллеги, — попытался было оправдаться он, — но ситуация такова, что… черт!

Небоскреб перед ним вдруг вздрогнул и — перерезанный по диагонали стрелкой ударившей ракеты — вспыхнул ярким пламенем, поглотившим картинку, а после обрушилась дымная пелена, заглушая звуки.

— Господи… — едва слышно раздалось эфире, и изображение новостного выпуска вернулось в студию, где ведущая в изумлении смотрела на экран монитора, прижав ладони к лицу. Вдруг девушка вздрогнула, реагируя на оклик и вернулась взглядом к зрителям.

— Как сообщают наши редакторы, в социальных сетях начинают появляться видео с места событий, и в ближайшее время… мы… — взгляд ведущей вновь заметался между ноутбуком и бегущей строкой. — В течение нескольких минут вы увидите…

Зажмурившись на краткий миг, девушка взяла себя в руки и вернулась глазами к бегущей строке, глядя, по ощущениям, прямо на зрителей.

— Точной информации о жертвах пока нет, но счет может идти на десятки миллионов. Напомню, население Японии составляет чуть больше ста двадцати миллионов человек… учитывая компактное расселение и силу нанесенного Китаем удара, речь может идти о потере страной государственности…

Голос ведущей становился все более механическим —

замедляясь и осознавая, что говорит, девушка вдруг обхватила голову руками, словно не в силах поверить в происходящее.

— Господи… да как же это… — вдруг пробормотала она, ошарашенно глядя в экран ноутбука. В студии появился редактор, потянувший девушку за собой, а ее место занял на ходу запахивающий пиджак молодой человек, внешне сохраняющий спокойствие.

Когда новый ведущий заговорил, начав раз за разом в разных интерпретациях повторять имеющуюся на этот момент информацию, Софья поправила экран планшета перед бледной девушкой, заключенной в оборудованном под тюремную камеру гостиничном номере.

— Зачем? — безжизненным голосом поинтересовалась Сакура, которую держали на прицеле сразу два молчаливых и собранных охранника.

— Госпожа Ребекка велела продемонстрировать, что твоей родины больше не существует. Как и клана Токугава — на территории Китая в оккупационных войсках ни одного из них не было.

— Зачем я еще жива? — лишенным эмоций голосом переспросила Сакура, глядя сквозь картинку экстренного выпуска новостей на экране планшета.

— Почему бы и нет? — пожала плечами Софья, убирая планшет и кивая охраннику. Который, отвернувшись на мгновенье, жестом позвал двух сотрудников с принадлежностями для насильственного кормления заключенной.

Сакура продолжала смотреть прямо перед собой, не реагируя на происходящее.

— Ты пыталась убить себя уже три раза. И мне, надо сказать, не доставляет удовольствия все время возвращать тебя к жизни. Давай договоримся: я рассказываю тебе, почему ты еще жива, а ты не делаешь попыток стать героем и уйти к предкам. Потому что если меня отзовут отсюда, ты просто ляжешь под капельницей, и все, что необходимо для поддержания жизни тебе загонят через вены. Ну же, соглашайся. Давай договариваться, — посмотрела в глаза японки Софья.

Сакура не ответила. Девушка за минувшие дни сильно осунулась, напоминая бледного призрака — скулы заострились, бледная пергаментная кожа утратила здоровый румянец, а из глаз полностью ушла жизнь.

— Хорошо, поиграем в одни ворота, — жестом остановила готовый приступить к принудительному кормлению персонал Софья. — Ты еще жива, потому что с тобой должен поговорить Евгений Воронцов.

В глазах Сакуры что-то мелькнуло, но девушка сохранила беспристрастное выражение, хотя от чувствующей эмоции Софьи не укрылось напряжение японки.

— Да, он жив. Сейчас занят тем, что решает проблемы, возникшие в связи с некоторыми… недружественными, так сказать, твоими действиями. Когда закончит, желает с тобой поговорить — и хотелось бы, чтобы к этому моменту ты не была в состоянии овоща. Так будем сотрудничать? Или мне по-прежнему с тобой мучиться?

Глава 21. Последний приют

Бургундец сидел на крепостной стене и болтал ногами, глядя вниз — где ленивые волны накатывали на шипастый пояс цитадели, оставшийся после магического столкновения бушующих стихий воды и огня.

Рядом с кадетом никого не было — и как он забрался на вершину стены, часть которой чудом осталась целой между двумя широкими проломами, осталось для меня загадкой. Воздушного маунта у меня не было, поэтому я просто скачком двух телепортаций перепрыгнул с обрубленной — словно колуном, — галереи на парапет и устроился рядом с Бургундцем.

Некоторое время сидели в молчании. Он по-прежнему наблюдал за волнами, я отстраненно раздумывал о событиях, произошедших со времени моей смерти в первом отражении.

— Чего хотел-то? — вырвал меня из задумчивости голос Бургундца.

— Дело есть, — вернулся я в реальность, обозревая все вокруг словно новым взглядом.

— Что за дело? — поинтересовался полуорк, демонстративно отворачиваясь.

— Важное, — ответил я и замолчал.

Надолго — думая, как бы сказать помягче.

— Есть… девушка, зовут Юлия, — начал я издалека. — Совсем недавно ее захватили в плен и пытали. Делал это… чернокнижник из крепости Хеллгейт.

Бургундец продолжал молчать, отвернувшись — демонстрируя полнейшее равнодушие.

— Когда Юлия сбежала, он пытался ее поймать. И так получилось, что… он погиб от ее рук. После этого чернокнижник пытался убить меня и близких мне людей. У него не получалось, а я убил его во второй раз.

Сказал и замер, ожидая хоть какой-то реакции, чувствуя себя несколько глуповато.

— Он же бессмертный, — буркнул вдруг Бургундец с откровенным удивлением.

— Был.

— Как был? — удивление стало еще ярче.

— Нет больше бессмертных. Есть бесконечно живущие, которых можно убить.

— Сурово, — покачал головой полуорк.

— Ты понял, о ком речь?

— Понял.

Отвернувшись, я почесал затылок, наблюдая за полетами вдали — где две группы по девять кадетов под руководством мастеров в воздушном строю пытались выстроить грифонов — самых обычных — в подобие гигантского ромба.

— Его звали Виталий, фамилия Спицын, — добавил я, наблюдая за безуспешными пока попытками пилотажников сохранить ровный строй.

— Меня зовут Артур, и я не идиот, — отвернувшись, произнес Бургундец, по-прежнему глядя в сторону.

В тяжелом молчании прошло еще несколько минут.

— Послушай, Артур. У меня отец… я тоже потерял отца, — выкрутился и не соврал я. И замолчал, пытаясь найти слова.

— У сына этого Виталия… Спицына, отца нет, — заполнил паузу полуорк.

Некоторое время мне потребовалось, чтобы осознать сказанное.

— Когда мне из цитадели сваливать, сегодня? — сбил меня с мысли расстроенный Бургундец.

— А зачем тебе из цитадели сваливать? — не совсем поняв, эхом откликнулся я.

— Вдруг я захочу тебе отомстить за смерть этого Виталия. Спицина, — добавил полуорк с недоумением.

— Ты же сказал, что он тебе не отец, — настал мой черед удивляться.

— А ты мне поверил?

Глубоко вздохнув, я выдохнул сквозь сжатые зубы. Так — наверное, надо сосредоточиться на происходящем и немного включить голову — а то оперативной памяти в мозгу не хватает, и начинаю понемногу подтормаживать.

— Если честно, то я даже не задумывался о том, верить тебе или нет, — начистоту ответил я.

— Воу, — удивился Бургундец, уважительно выпятив губу. — Ты не задумался, но и без тебя есть, кому задуматься.

— Например?

— Магистру цитадели, например. Ее светлости госпоже Орловой. Или ты за нее уже в Эмеральде решаешь?

— Не решаю, — согласился я, отрицательно помотав головой. — Все вопросы не решаю, — добавил после небольшой паузы.

Бургундец между тем чуть подвинулся и, достав из инвентаря бумажный свиток, протянул мне.

— Вороном отправили сегодня, — пояснил он: — Можешь прочитать.

«Дорогой Артур. С прискорбием сообщаю, что вчера днем во время осады крепости Адских Врат Евгений Воронцов убил твоего отца, считавшегося бессмертным. Подтвердить столь печальную информацию может хорошо знакомая тебе баронесса М.»

— Кто это отправил?

— Я откуда знаю? — хмыкнул Бургундец. — Видишь, без подписи. А посыльный ворон не представился.

— Кто такая «баронесса М.»?

— Подруга. Бывшая.

— Из Амбера?

— Из Амбера, — кивнул Бургундец.

— Да. Дело дрянь, — подытожил я происходящее.

— Именно, — кивнул Бургундец. — Уйти нельзя остаться.

— Запятую забыл, — прокомментировал я его ровную интонацию, по которой было нельзя понять смысл фразы.

— Запятая не у меня сейчас, — пожал плечами полуорк, отворачиваясь. — У госпожи магистра. Или у тебя, если именно этот вопрос ты решаешь.

— Именно это вопрос я могу решить.

— Тогда мне нужны новые документы на трех девушек, а также рабочий контракт для меня не меньше чем на пять лет. Зарплата — пятерка в месяц без учета бонусов и призовых. Да, и квартиру не меньше ста метров — но предпочтительней коттедж с внешней охраной.

— Пятерка евро? — поинтересовался я, сохраняя невозмутимость.

— Рубли и английские фунты — семьдесят на тридцать в соотношении. Рубли кэшем по курсу ЦБ, фунты на банковский счет.

Оказывается, про пять тысяч в месяц он не шутил.

— Тогда согласовать надо, — произнес я задумчиво, размышляя, почему полуорк стоит пять тысяч фунтов в месяц.

— Очень большая просьба сделать это сегодня. Если бы ты с этим разговором не пришел, то я мог бы находится здесь сколь угодно долгое время, делая вид что намереваюсь тебе отомстить — наверняка на меня вышли бы через некоторое время. А сейчас я уже начинаю волноваться за себя и своих близких, — скрывая внутренне напряжение, произнес Бургундец, забирая свиток из моей руки.

— Хорошо, — кивнул я, поднимаясь.

Отряхнул форменные штаны и шагнул в пропасть. Используя левитацию, приземлился на галерею второго яруса и уже через минуту был в кабинете магистра, рассказывая графине — Юлии уже в покоях не было — о запросах Бургундца.

— Перевезти его в Красноярск, коттедж выделить рядом с «Воронцово», — задумчиво произнесла Ребекка. — Агента у него нет, контракт согласуем, подъемные оговорим. Оклад пять многовато — можно попробовать уменьшить, но бонусы расписать так, что сможет заработать гораздо больше. Впрочем, это уже рабочий вопрос.

Пока Ребекка говорила, я чувствовал отсутствие ее интереса к вопросу оплаты — а с последней фразой понял, что информация была озвучена только для меня — для того чтобы понимал происходящее.

— То, что своих девочек решил к нам перевезти, это отлично, — продолжала графиня, — но с ними со всеми надо побеседовать вместе с Софьей, чтобы она им в душу заглянула — лишним не будет. Сам за это возьмешься, или поручить кому?

— Сам, — легко согласился я. — Расскажите мне только, почему он стоит пятерку в месяц, с новой легендой, коттеджем и подъемными?

— В Технополисе с прошлой осени — когда Новые Миры были официально анонсированы в первом отражении и пошла агрессивная реклама — проводятся киберспортивные турниры в формате смертельных матчей. Валерий Логинов был одним из самых высокооплачиваемых игроков СНГ-региона. Полтора месяца назад он стал хедлайнером сразу нескольких громких новостей в индустрии, но после резко пропал из информационного поля.

Ребекка говорила чуть отстраненно — параллельно быстро печатая что-то на виртуальной клавиатуре:

— Видимо, у него возникли некоторые сложности — если он купил себе новую жизнь и смог попасть в Эмеральд, обманув моих специалистов, — едва дернула губой Ребекка — и ее раздражение не предвещало ничего хорошего для тех, кто проверял парня.

Словно подтверждая незавидную участь для совершивших ошибку сотрудников, Ребекка звучно хлопнула пальчиком по столу, инициируя отправку циркулярной рассылки.

— Лучше тебе поговорить с ним прямо сейчас, — подняла на меня взгляд графиня.

— Поговорю, — поднялся я.

— Если договоритесь, отправляй его прямо сейчас в первое отражение. Дай контакты де Варда — пусть Питер эвакуирует его в Красноярск и договаривается о подъемных и бонусных выплатах. До или после — неважно.

— Хорошо.

— И не забудь, у тебя через полчаса Римское право в малой

аудитории, ее уже восстановили. От вольной гимнастики считай себя освобожденным — с тобой будут заниматься те же мастера, что работали с Джули.

Подходя к двери, я обернулся.

— Ты знаешь, кто такая «Баронесса М.»?

Ребекка после моего вопроса не сдержала эмоций, выказав удивление. После небольшой паузы кивнула и заговорила:

— Знаю. Но это достаточно долгая история — к тому же это знание очень опасно, поэтому о баронессе я расскажу тебе вечером. Не на ходу, договорились?

Вечером, когда я после лекций зашел в покои магистра, о «баронессе М.» я уже не вспомнил. Ребекка с Юлией встретили меня молчанием — на столе красовалась бутылка вина и вазы с фруктами, — а в кабинете висело густое напряжение. И только сейчас, на фоне всей суеты сегодняшнего дня, глядя в поблескивающие глаза Юлии, я вспомнил как она говорила про важный разговор, который есть у девушек ко мне.

Глава 23. Отторжение Памяти

В полнейшей тишине я прошел через покои и аккуратно отодвинув высокий стул, присел. Ребекка и Юлия на мое появление обратили внимание лишь мимолетно, вернувшись к изучению экранов своих интерфейсов.

Я налил вина, оторвал пару виноградин и некоторое время сидел, переводя взгляд с одной девушки на другую.

— Немного странная ситуация, не находишь? — подняла вдруг взгляд Ребекка.

— Нахожу, — кивнул я, сделав небольшой глоток.

— Сам вино пьет, нам даже не предложил, — не глядя на меня, произнесла Юлия: — Действительно, странно.

Хмыкнув, я пожал плечами и принеся два серебряных бокала, наполнил их, поставив рядом с девушками.

— Так получилось, — переглянувшись с Юлией, начала Ребекка, — что мы до этого ни разу не говорили… о нас.

Спрятавшись за бокалом, я сделал несколько глотков, молчаливо соглашаясь. Ребекка, которая сидела в парадной форме, положив ногу на ногу, в этот момент медленно поменяла положение ног, глядя мне в глаза. И одернув юбку, едва улыбнувшись, чуть приподняла бокал. Юлия почти сразу глубоко вздохнула, привлекая мое внимание и, облокотившись на стол, чуть подалась вперед, глядя на меня блеснувшим лазурью магии взглядом.

— С Джули мы… даже ни о чем не договаривались. Просто так получилось, что мы с тобой проводили время в первом отражении, а здесь — в силу известных тебе причин — ты с ней часто оставался наедине.

— Думаю тут все свои и можно говорить попроще, — произнесла вдруг Юлия, обворожительно улыбнувшись. Не добавив вслух про молодость, которой свойственна открытость — но и не скрывая свои мысли.

— Сейчас, когда ты присутствуешь только в новых мирах, ситуация поменялась, — не обратила внимания на шпильку юной Орловой Ребекка.

— Мы с Ребеккой всегда не очень любили друг друга, и нет смысла с этим бороться, — едва графиня сделала паузу, мило улыбнулась Юлия, отставляя бокал в сторону и небрежно поправляя медальон, коснувшись упругого полушария груди.

— После единения памяти нет смысла и строить предположения, ведь чувства известны. Ты любишь нас, мы… —

губы Ребекки были влажными от вина и притягивали взгляд.

— Мы об этом знаем. Как и ты о самых сокровенных наших чувствах, — Юлия вновь подхватила фразу Ребекки — теперь они говорили практически одновременно.

— Поэтому мы решили, что слишком много наших эмоций и внимания тратится в спорах — даже несостоявшихся — о тебе.

— И пришли к выводу, что с этим необходимо решить как можно скорее, — изменившимся тоном словно гвоздь забила Ребекка, разрушая очарование беседы.

— Нам предстоит очень много важных дел в самое ближайшее время, — кивнула Юлия, повторяя не так давно — перед ужином в Бильдерберге — слышанною мною от Ребекки фразу.

— Послезавтра легионы Клеопатры по плану должны выдвинуться из Александрии в Мемфис, и тебе надо решить, на чьей ты стороне, потому что из Дамаска к Мемфису уже двигаются войска тамплиеров.

— В ближайшее время нам с Ребеккой предстоит сразу несколько важных визитов в первом отражении — это ежегодный бал Розы в Монако и конклав Молодых Богов в Париже.

— В Красноярске де Вард собрал больше двух сотен наемников — кандидатов в твою частную армию, с каждым из них необходимо провести собеседование. Делать это будем здесь — поэтому сейчас команда Жерара работает круглосуточно, собирая все необходимые мощности для запуска первой очереди капсул для путешествия в новые миры.

— И еще сотни дел — менее важных, но требующих внимания, — подытожила Юлия, выпрямляясь в кресле и неуловимым движением поправляя высокий воротник парадного кителя.

— А тебе необходимо решить, — зеркальным жестом выпрямилась Ребекка и добавила не очень уверенно и с небольшой заминкой: — Кому из нас ты…

— С кем из нас ты будешь спать, — мило улыбнулась Юлия, помогая замешкавшейся графине.

Повисла долгая пауза. Девушки сидели, выпрямившись, внимательно на меня глядя. Юлия с легкой улыбкой, Ребекка с едва вздернутой в вопросе бровью. Я же ел виноград и думал.

— Нож, — произнес я, посмотрев на Юлию. Судя по выражению ее глаз, сумел поставить девушку в тупик, но она почти сразу поняла и, вынув из уставных ножен вороненый клинок, протянула мне.

Тот самый нож, которым я убил Саяна, и который усилием воли переместил из первого отражения в новые миры — передав

Юлии. Взявшись за рукоять, я почувствовал тепло под пальцами — в клинке по-прежнему чувствовалась заключенная энергия забранной жизни.

— У тебя есть карты первого отражения? — поинтересовался я у Ребекки.

Графиня молча кивнула и в несколько легких взмахов открыла интерфейс, выбрав из списка планов Землю и приближая ее изображение. Чуть крутанув интерактивный глобус, я нашел Красноярский край, увеличил масштаб и, найдя Таежный Маяк, подвинул картинку в сторону, уходя к двум деревням, где провел детство.

— Вот здесь, — показал я на излучину реки и посмотрел на Юлию: — У меня к тебе просьба. Верни нож в первое отражение и воткни его в…

— В расщепленный молнией дуб, — посерьезнела Юлия, глядя прямым взглядом.

Кивнув, я едва прикрыл глаза, и перед внутренним взором предстал невероятно далекий, но навсегда отпечатавшийся в памяти мой первый летний рассвет на берегу подернутой дымкой реки. И широкий, расщепленный молнией дуб, который давал мне приют в знаковые моменты жизни.

— Я верну нож и у меня все получится, — Юлия, не обращая внимания на блеснувшую глазами Ребекку, подошла ближе и обняла меня, легко коснувшись губами щеки — успокаивая. И сразу отошла, отвернувшись и избегая моего взгляда.

— Есть что-то такое, что я должна знать? — холодно поинтересовалась Ребекка с явно читающимся в сторону Юлии раздражением.

— Есть вещи, которые никому не стоило бы знать, — пожав плечами, прямо посмотрел я на графиню. — Но после единения памяти так получилось, что Джули о них знает.

Краем зрения увидел, как Юлия от нежданности резко повернула голову, удивившись тому, что я первый раз назвал ее «Джули». Ребекка продолжала смотреть мне в глаза.

— Есть такие вещи, которые я не хотел бы никому рассказывать. Даже на исповеди самому себе, — размеренно проговорил я, повторяясь, внимательно глядя на графиню. — И очень не хотел бы, чтобы о них узнала ты. Это никак не влияет на наши отношения, на мое нынешнее мировоззрение, мысли или чувства. Это старая, забытая грязь, и я не хочу, чтобы она тебя касалась.

— Это твоя жизнь, — просто пожала плечами Ребекка: — И я хочу об этом услышать.

Поджав губы, Юлия забрала у меня и графини бокалы и

вернулась к столу, разливая вино.

— Даже если я не хочу об этом не только говорить, но и вспоминать?

— После единения памяти так получилось, что и ты обо мне знаешь такие вещи, которые я не рассказала бы под пытками — не то что на исповеди. И если бы не знала она… — короткий взгляд на Юлию, — я бы не стала настаивать.

— Хм, — под взглядом Ребекки кашлянул я.

И задумался. События моего детства были табуированы для воспоминания — а когда перед взором и вставали образы из прошлого, я старательно их гнал. Так старательно, что эти воспоминания слово перестали быть моими — у меня будто получилось не то чтобы забыть все плохое, но дистанцироваться от этого — словно от послевкусия дурного и грязного фильма или поступка.

Но сейчас, когда я чувствовал, что Ребекке очень важно услышать мой рассказ, я не бежал от воспоминаний — и вдруг понял, что отношусь к произошедшему уже ровно, без эмоций. Как к грязевой канаве, через которую пришлось перейти — оставив, правда, навсегда на другой стороне любимых и близких — тоска и горечь от расставания с которыми оставалась до сих пор.

И я вдруг с удивлением понял, что не испытываю никого отторжения от идеи рассказать графине о своем детстве. Хотя то, как она на это отреагирует, меня серьезно волновало.

— Когда мама меня родила, она была невероятно красива, — принялся я рассказывать, вдумчиво подбирая слова. — Я видел ее свадебные фотографии — это просто космос, даже без фотошопа на любую журнальную обложку. Когда ее хоронили, ей было двадцать шесть, но выглядела она на все сорок.

Как понимаю сейчас, умерла она от усталости и безнадеги. Мой… Человек, который биологически приходился мне отцом, ее муж… он ее бил, довольно часто. Не работал, периодически мотался в Красноярск или в Новосиб на попутных лесовозах, брал микрозаймы… небольшие кредиты, — пояснил я графине, — и, возвращаясь домой, их пропивал.

Потом, когда маму похоронили, а ему перестали давать деньги даже самые грязные шарашки, он находил себе женщин, брал кредиты на них — и пока деньги были, они пропивали их вместе.

В один из дней я вернулся из школы, а дома была очередная шалава в мамином платье. Она была не совсем трезвая и чистая — в отличие от платья. Не знаю, не помню, что я ей сказал — но, наверное, это было что-то обидное. Она схватила меня за руку и

кинула в стену, а потом несколько раз пнула — дело житейское, я к тому времени уже привык. Мой старый кот бросился на нее, но она палкой от шваброй сломала ему позвоночник — он двигаться не мог, но не умирал. Помню, я пытался его кормить, а он — рассказать мне, как ему больно.

Когда… тот человек, который по документам считался моим отцом, вернулся домой, женщина пожаловалась, что я плохо себя веду. Он был в неважном настроении — его кинули с зарплатой. Кота он добил, а я вылетел в сени… на веранду, — пояснил я Ребекке непонятное слово, — как футбольный мяч. Он сломал мне три ребра, как потом оказалось. Хотел добавить еще, но я убежал. И сразу прошелся по главной улице, постаравшись сделать так, чтобы несколько человек видели, что я ухожу из поселка.

В тот день не только закончилось мое детство. Я тогда впервые узнал, что такое настоящая ненависть. Дело в том, что кота, которого убили эти люди, мы брали вместе с мамой маленьким котенком — я видел фотографии где он спал со мной в кроватке. И тогда я словно впервые осознал происходящее — и понял, что именно чужая тупая злоба этого человека убила мою мать— как только что последнее близкое мне на это свете существо.

Я отнес и закопал кота на могиле матери — неглубоко. Поужинал конфетами с могил, дождался ночи и незаметно вернулся домой. Прокрался в свою комнату, а когда… эти люди закончили выпивать и заснули, зашел в их комнату. Подтащил плед к дивану и, раскурив две сигареты, положил их так, чтобы покрывало затлело — пришлось раздувать. Потом перешел на кухню и собрал растопку… старые газеты и щепки, в кучу у дров рядом с печкой. Да, у нас была печка, которую дровами топят. Хотя и было лето, но дрова рядом с ней лежали — не на улицу же выносить.

Когда покрывало в комнате уже хорошо дымило, я поджег поленницу и вышел на улицу. Убежал в лес только тогда, когда дом полыхал, а из него никто не выбежал.

По мере того, как рассказывал, в носу появился кисло-сладкий запах углей пепелища сгоревшего дома — многократно пролитого водой пожарными, приехавшими из райцентра под самый конец.

— Ночь я провел на излучине реки, — невольно ощерился я, глядя сквозь пространство в воспоминания. — Накидал сена в старый дуб — он был расщеплен молнией, и часть легла параллельно земле, как полка в поезде. Когда проснулся, испытал удивительное чувство. Наверное, это было ощущение свободы.

Утром вернулся в поселок. Серьезно разбираться никто не стал — меня сначала отправили в больницу, а потом к двоюродной бабушке в Первомайский — это соседний поселок.

— Не могу сказать, что это страшная или грязная история, — пожала плечами Ребекка, заполняя паузу и глядя на меня чуть склонив голову. — Но ведь это еще не все? — добавила она, кратко посмотрев на Юлию.

— Не все, — кивнул я и, удивляясь тому, с какой легкостью рассказываю подробности своей жизни, продолжил: — В Первомайском имелась… молодежная банда — так тебе будет понятней. Все скидывались в общак… в казну для арестантов, — снова пояснил я, — якобы для тех, кто сидит в тюрьмах.

— И ты оказался в этой банде, — когда я ненадолго задумался, произнесла Ребекка.

— Бекки, понимаешь, Рабочий Поселок и Первомайское — это умирающие моногородки. Это не то место, где ты выбираешь оказаться в банде или нет. Тебя или принимают, или из тебя вынимают — используя как дойную корову. С меня доить было нечего — бабушка с которой я жил, говорила мне, что живем на минимальную пенсию — денег у нас совсем не водилось. И да, мне — чтобы не превратиться в опущенного, пришлось доказывать, что я достоин того, чтобы пополнить ряды юных уголовников.

Юлия отошла к узкой бойнице и, присев на подоконник, потягивала вино, глядя на гладь залива. Ребекка, отставив бокал, подошла ближе, присев на краешек стола.

— Доказал?

— У меня был выбор? Доказал. В один из дней — когда мне было одиннадцать, нас старшие позвали к реке. Там палатки стояли, и двое туристов ночевали — брат с сестрой. Отнимать ничего серьезного у них не стали — только так, дешевку, чтобы заявление не накатали — туристы залетные, у нас трое сели за таких. Но старшие над ними поиздевались — избили слегка, поглумились. Забрали телефоны, угрозами заставили блокировку снять.

Девушка-туристка совсем молодая была, студентка, будущая учительница. Ее фотки смотрели, страницы в соцсетях, переписку читали, смеялись все — а я тогда сильно задумался. Ведь за эти несколько минут на экране ее смартфона увидел мира больше, чем за все свои годы. Та девушка много где побывала, по миру летала — сноуборд в Австрии, серфинг на Бали, круиз на Валаам, туры по Европе — то, что я по фоткам в ее инстаграмме запомнил. С подругой переписывалась как раз перед походом, рассказывала, что брат с собой ружье берет — можно медведей не

бояться. Ружье, кстати, в реку выкинули — не знаю уж, достал его потом брат ее или нет. И я вдруг в ту ночь понял, что есть другая жизнь. Вернее, то что она существует я знал — но та, другая жизнь, была лишь в телевизоре — словно в другой галактике. А в тот удивительный миг я не просто ее увидел — я к ней прикоснулся, — пусть и через фотографии в чужом телефоне.

Когда старшие с телефонами наигрались, туристы эти понемногу поняли, что убивать и насиловать их никто не будет. Девушка осмелела и попыталась с нами поговорить. Рассказала о перспективах в жизни — что будет, если остаться на социальном дне. Просто, но доходчиво, расписывая все варианты: от зависимости от алкоголя и веществ и путевки в зону до возможности выбраться из безнадеги, если за ум взяться и учиться. Но, по ощущениям, услышал ее только я.

— И решил изменить жизнь? — полуутвердительно произнесла Ребекка.

— Была проблема, — кивнул я. — Большая — очень сложно покинуть организованную банду малолеток, единственную в поселке с населением в десять тысяч человек, как ни в чем не бывало — типа парни, я все, наигрался.

— Как ты справился?

— Сначала я совершил ошибку — сказал прямо, что у меня появились другие интересы, да и мне необходимо ухаживать за бабушкой. Не соврал — бабушка уже была практически неходячая — приходилось ее мыть и кормить с ложечки.

— Это не сработало?

В голосе Ребекки почувствовалась тень не очень понятных, возможно даже неприязненных эмоций, и я решил пояснить:

— Понимаете, госпожа мастер… — добавил я холода в голос, — вы, глядя сверху и переставляя фигуры в трехмерных шахматах, решая судьбы мира, не оглядываетесь на моральные нормы от слова совсем. Но сейчас в вашем вопросе я с удивлением чувствую интонации европейца, выросшего в благополучных кварталах с осознанием того, что добро всегда побеждает зло, а на любую сложную ситуацию существуют социальные работники, полиция, закон и порядок.

Но там, где я рос, это все из разряда сказок — ярких, детских и до неприличия нереальных. Так что да, это не сработало — а когда меня после высказанного желания покинуть молодежную группировку били втроем в кабинете труда, пьяненький учитель зайдя туда по ошибке, сделал вид, что ему срочно надо на обед.

— Понимаю… господин кадет, — вернула мне холод в голосе Ребекка, но сразу после ее взгляд потеплел, и она чуть кивнула в ожидании продолжения рассказа.

— С меня потребовали по тысяче в неделю в общак — тогда это было около тридцати долларов. У меня таких денег не было.

Я перестал ходить в школу, безвылазно сидел дома. Мне два раза стекла колотили — мы жили на втором этаже. Один раз избили, когда в магазин вышел. После старался утром ходить, когда все в школе — но опять подловили, дежурили у дома. В этот раз бензином облили и подожгли — я бешено вырывался, поэтому совсем немного окатили, да и сосед спас — вовремя к гаражам вышел. Даже не знаю, исчезли шрамы или нет, — пожал я плечами. Плетка ожогов после того случая осталась на спине — а после воскрешения в новых мирах я собственную спину пока не видел — но судя по тому, что зеленый цвет одного глаза сохранился, вполне возможно и старые ожоги остались.

Юлия вдруг едва слышно шмыгнула носом, по-прежнему не поворачиваясь. Я неожиданно понял, что девушка глубоко переживает мой рассказ — ведь она помнила все рассказываемое мною так, словно пережила подобное сама.

— Когда понял, что меня с очень большой долей вероятности или убьют, или изуродуют, если бездействовать дальше… придумал план. У меня было две гранаты — не у меня, вернее, а в схроне… нычке… тайнике, — нашел я наконец понятное графине слово, — в тайнике у того человека, который считался моим отцом.

Тайник был в Рабочем — и как я туда-обратно добирался за одну ночь, еле сохраняя сознания от боли в обожженной спине, отдельная грустная история — содрогнулся я мысленно, а сам продолжил рассказ:

— Компания, банда — собиралась в домике у теплотрассы по вечерам. Старшие парни девчонок там… периодически щупали, нас выгоняя, и просто всей кодлой… тусовкой, сидели в тепле, когда на улице холодно.

Поэтому для меня не было проблемы собрать их вместе. И после того как трое подростков серьезно пострадали, а четверо трагически погибли от неосторожного обращения с гранатой — сразу с двумя, — я в этот же вечер уговорил бабушку на переезд в Таежный Маяк.

— Уговорил? — невесело хмыкнула Ребекка.

— У нее были отложены деньги на похороны. На удивление хорошая сумма — я нашел, когда безвылазно дома сидел, не ходя в школу. Копить она неплохо умела — а мы ведь только макароны с луком и картошку ели.

Я как наяву вспомнил о том, как собирал чернику для того чтобы обменять его на сахар и радовался обычным леденцам — в то время как бабушка, будучи еще вполне дееспособной,

складывала практически все деньги в кубышку — туда шло мое пособие по утере кормильца и ее пенсия, оказавшаяся не такой уж и минимальной.

— Да, уговорил. Я ей рассказал, что не хочу больше жить в Первомайском, потому что здесь нам угрожает смертельная опасность. Переезжать она не хотела — у старушки понемногу начиналась деменция, к тому же она по жизни очень неохотно расставалась с деньгами.

— Но ты ее все же уговорил, — кивнула графиня со странными чувствами.

— Мне пришлось быть убедительно-жестким, — кивнул я. — Может быть существовал другой вариант развития событий — но мне было всего одиннадцать, я к тому моменту уже успел убить шесть человек и отчетливо осознавал, что мне грозит, если останусь в Первомайском — поэтому решил вопрос так, как решил.

Ребекка как-то странно на меня глядела. Так, что Юлия вдруг невесело усмехнулась:

— Бабушку он не убивал, не волнуйся, — произнесла девушка, коротко глянув на графиню.

— А… — не сразу понял я смысл и только потом догадался, что Ребекка всерьез предполагала, что проблему с неходячей дальней родственницей я решил кардинально.

— Нет, нет, — покачал я головой, поднимая обращенные к графине открытые ладони. — Я просто перепрятал деньги — угрожал, что если не купим квартиру в Маяке, сбегу со всей суммой. Но на себя ни копейки не потратил, когда она согласилась.

И тогда смог совершить достаточно сложную многоходовую комбинацию по привлечению дальних родственников — которые прислали свою племянницу ухаживать за бабушкой в обмен на то, что она перепишет на них квартиру в Таежном Маяке. И эти родственники помогли нам квартиру купить — с неходячей старушкой мне одному это сделать было бы совсем непросто.

Покачав головой, я невольно поморщился — очень уж это была грязная и наполненная межчеловеческими дрязгами история. Хабалистая мадам, приехавшая вместе с племянницей ухаживать за неходячей бабушкой — она для них была родной, в отличие от меня, — попила моей крови не меньше, чем ауешные авторитеты Первомайского. И в результате после окончания одиннадцатого класса я остался на улице — без прошлого и без жилья, стоя на паромной пристани Таежного Маяка с двумя сумками еды, которую вез вместо карманных денег в Красноярск.

Впрочем, изначально заманивая дальних родственников

легкодоступной квартирой, я на нее не рассчитывал — совершенно не представляя себя живущим в небольшом городе, а рассматривая как первичный этап покорения большого мира переезд в Красноярск.

— Все в порядке, Джесси, — произнесла вдруг Ребекка, оказавшись совсем рядом и обнимая меня. Пока я, задумавшись, смотрел в пространство, графиня оказывается подошла ближе: — То, что ты рассказал, в чем-то и грязно, но это жизнь. В отношениях с родственниками бывает и хуже. Напомни потом, я тебе и не такое расскажу, — прижавшись, зашептала она мне на ухо под сверкнувшим взглядом Юлии.

Про отношения с родственниками, значит, может она рассказать. И видимо, рассказать может не только про родственников — судя по эмоциям, информация о смерти от моей руки четверых подростков совершенно Ребекку не тронула, не заняв даже и капельки внимания, будучи пропущенной между ушей.

Легко соскользнув с подоконника, Юлия подошла и взяла меня за руку, заглядывая в глаза. Ребекка в этот момент немного отстранилась, но руку с моего плеча не убрала.

— Нож я в первое отражение вытащу и в дуб воткну. Но ты от темы не уходи, — произнесла Юлия, делая мягкий шаг и касаясь грудью моего плеча. — Ты решил, что будешь отвечать на наш вопрос?

— Я решил, что мне необходимо как можно быстрее пройти курс обучения портальным перемещениям, — сдержано произнес я. — И нож в первом отражении мне нужен как маяк — в сакральном для меня месте. Если это не сработает, тогда и буду отвечать. Хотя… — подумал я и вдруг рубанул: — Хотя ваш вопрос изначально неправильно поставлен. Юля, ты сама сказала, что вы обе прекрасно знаете о моих чувствах. Как я могу выбрать одну из вас?

Ребекка с Юлией переглянулись и одновременно немного отстранились, стоя теперь рядом, едва не плечом к плечу.

— То есть ты предлагаешь нам… — протянула графиня.

— Заняться любовью втроем? — вновь с подкупающей прямотой произнесла Юлия. Задумавшись, она подперла подбородок пальчиком и осторожно глянула на Ребекку. — Или, как раньше, только по очереди? — вновь озвучила предложение Юлия. — Как нам тебя — по дням недели — делить?

— Так, — после ее последней фразы я, закрывшись доспехом духа, добавил металла в голос: — Ты кого делить собралась как кусок торта? Малышка моя, давай это был последний раз, когда я от тебя слышу подобный тон. Договорились?

Юлия сверкнула глазами, не сразу сообразив, что и как ответить.

— Я же, в свою очередь, также обязуюсь не позволять себе подобных выражений в вашу, — быстро скользнул я взглядом по обеим, — сторону.

— Находясь все же в более выигрышной, надо сказать, ситуации, — мягко произнесла непривычно смущенная графиня, отводя глаза.

— Так уж получилось, — пожал я плечами. — Но кстати, в более проигрышной, а не выигрышной.

— Это с какой стороны надо посмотреть? — на миг подняла глаза Ребекка.

— Вы каждая теряете только одного… способного парня, а я — в случае вашего отказа, сразу двух молодых богинь, — легко улыбнулся я. — Так что? — вновь посмотрел я на Орлову.

— Я не очень уверена, что согласна на полное гендерное равноправие в условиях ограниченных рамок возведенного в абсолют патриархата, — подняла ладони Юлия, нахмурившись. — Но вообще, думаю разок попробовать стоит, — неожиданно добавила она.

Графиня переглянулась с Орловой и, коротко посмотрев на меня, с некоторой неуверенностью во взгляде отвернулась, отходя к столу.

— Мы подумаем над твоим предложением, — вновь переглянувшись с графиней, кивнула Юлия, возвращаясь на место магистра.

— Твоя форма, — немного потерянная Ребекка вдруг выложила на стол белый комплект униформы французской цитадели. Подойдя ближе, я увидел, что китель свернут так, что на нем заметна черно-золотая эмблема с вороном и именем снизу: «Jesse Corbeau».

— Зачем это? Мне в Диамант надо?

— Да. И лучше прямо сейчас, — Ребекка говорила нахмурившись, избегая моего взгляда: — Так что курс обучения портальным перемещениям отложим до послезавтрашнего дня. Или завтрашней ночи — не забудь, Клеопатра уже готова штурмовать Мемфис, где сидит твой друг Тарасов.

— А прямо сейчас в Диамант мне зачем? — нахмурился я, пытаясь вспомнить — что-то крутилось на периферии сознания, но воспоминание постоянно ускользало.

— Завтра в десять утра начинается Королевская Битва пяти цитаделей. Ты про это забыл? — едва склонила голову Ребекка.

— Нет, не забыл. Просто не помнил, — покачал я головой устало, выразительно посмотрев на девушек.

Глава 24. Новый

Вашингтон

— Ohh N'Golo Kante, la-la-la la la-la!

— Ohh N'Golo Kante, la-la-la la la-la… il est petit, il est gentil, il a stoppe Leo Messi, mais nous savons tous qu'il est un tricheur, N'Golo Kanté!

— Ohh N'Golo Kante, la-la-la la la-la!

Два чернокожих кадета Диаманта с широкими улыбками продолжали распевать песню, не обращая внимания на мое приближение. Слова у напева на знакомый мотив были французские, но о чем поется, я знал — о том, что Н'Голо Канте — маленький и симпатичный читер, который остановил самого Лео Месси.

Видимо — прикинул я по дате, недавно состоялись матчи плей-офф Лиги Чемпионов, — и команда, в которой сейчас играл низкорослый и удивительно скромный француз малийского происхождения, победила Барселону с Лионелем Месси в составе. Или просто этим двум габаритным парням, озаряющим неугасаемым позитивом внутренний дворик французской цитадели было весело, и они коротали время с песней.

— Господа, прошу внимания, — произнес Радагаст, делая шаг вперед, выходя из-за моего плеча и привлекая внимание кадетов. Оба чернокожих парня, увидев, кто именно к ним обращается, моментально убрали улыбки с лиц и вытянулись по струнке.

— Это кадет Джесси Корбу, недавний победитель турнира новичков на Кубок Иванова. Кадет Джесс будет командиром вашей партии в завтрашней Королевской Битве.

Радагаст говорил по-французски — и несмотря на то, что я практически ничего не понимал, общий смысл легко угадывался. То и дело я скользил по нему глазами — по-прежнему непривычно было видеть неуловимо знакомые черты изуродованного жизнью карлика в облике высокого осанистого блондина, выглядящего лет на двадцать, не больше. На двадцать лет — это если не присматриваться, не сталкиваться взглядом и не слышать его спокойную размеренную речь, конечно же.

— И еще важный момент, господа. Кадет Джесс не говорит по-французски.

После этих слов Радагаста оба высокорослых кадета посмотрели на меня с явным недоумением — французы достаточно щепетильны в языковом вопросе.

— Фредерик Мабала, — представил мне Радагаст первого — широкоплечего парня на две головы выше меня. Рукопожатие было сухим и крепким — моя ладонь утонула в его огромной лапе.

Смотрел Фредерик с долей отстраненного интереса: идея поставить в командиры не говорящего по-французски русского не понравилась ни ему, ни второму кадету, звали которого Принс-Габриэль Койта. Был он не таким рослым — всего на голову выше меня, — и заметно светлее. Если Фредерик внешностью стопроцентно походил на африканца, вплоть до эбонитово-черного цвета кожи, то Принс чертами лица больше напоминал европейца, и его кожа была много светлее.

— Через час кадет Джесс будет ждать вас у главного фонтана для брифинга по поводу завтрашнего состязания, — произнес Радагаст сначала на французском, а после повторил на английском — для меня.

Кивнув, оба моих новых бойца дисциплинированно развернулись и сделали вид, что ведут себя так, словно нас уже рядом нет.

— OhN'Golo Kante, la-la-la la la-la… — донеслось негромко вслед, когда мы выходили из сквера.

Миновав колонны, поддерживающие крышу перистиля — точь-в-точь повторяющего сооружение, соединяющее крылья дворца Большого Трианона из Версальского парка первого отражения, мы с Радагастом прошли насквозь обширный парк цитадели и через несколько минут оказались в его покоях.

Француз периодически сверялся с часами внутреннего интерфейса. Я тоже посмотрел — до полуночи оставалось совсем немного. Оказавшись в пустых покоях старшего мастера цитадели — Радагаст, как и Ребекка, уже занимал должность сенешаля, — мы подошли к столу. Здесь француз приглашающим жестом позвал меня к столу, на поверхности которого вывел изображение одного из островов Атлантиды.

— Что-то очень знакомое, — прокомментировал я, вглядываясь в объемную голограмму парящего в воздухе крупного острова, очертаниями отчетливо напоминавшего североамериканский материк. По южной стороне текла широкая река, чьи воды падая с отвесно обрывающегося берега распылялись в облако, в котором скрывалось скальное основание.

— Первоначально Королевскую Битву было предложено проводить на острове-копии города Рим времен античности, — пояснил Радагаст. — Но, к счастью, нам удалось прийти к более значимому и интересному варианту, аллегории которого будут более красочны и понятны.

— Вашингтон? — вдруг пронзила меня догадка, когда я зацепился взглядом за знакомые очертания купола Капитолия.

— Именно. Вашингтон — город на семи холмах, названый поначалу Римом — Новым Римом, а река Потомак, на которой он стоит, — Тибром. И далеко не сразу он был именован Вашингтоном, а река вновь стала Потомаком.

— Я об этом не слышал, — удивленно покачал я головой, пораженный полученной информацией.

— Ты хорошо знаешь античность, — утвердительно произнес Радагаст.

— Да, но не с этой стороны.

— Тогда тебе также следует знать, что в восемнадцатом веке отцы-основатели — как их называют в Соединенных Штатах — строили город, возводя храмы и пантеоны старым римским и греческим богам, а в центре прежде всего был возведен египетский обелиск, который лишь позже стал монументом Вашингтону.

В Капитолии раньше находился Храм богини Весты — и в нем горел вечный огонь. Сейчас он погас, но прямо над ним — на куполе Капитолия — по-прежнему находится картина, где Джордж Вашингтон в императорском пурпуре в окружении двух богинь — Ники и Либертас, Свободы — сам становится богом, а Минерва, Нептун, Меркурий, Церера и Вулкан даруют американцам свои знания.

— Мне необходимо это знать в контексте Королевской Битвы? — поинтересовался я у француза.

— Жан-Жак сказал: «Мы на пороге великой битвы…» — легко усмехнулся Радагаст. И знаешь, что? Битва уже началась. Да, тебе необходимо это знать, но не для завтрашнего состязания, а для понимания общей картины схватки, в которую мы все — вольно или невольно — оказались втянуты.

— Жан-Жак? — приподнял я бровь, удивившись странному именованию старины Жака.

— В первом отражение его зовут Жан. Здесь, в Новых Мирах, его имя Жак. Жак де Моле, — губы француза вновь тронула легкая улыбка, когда он увидел, как я не смог скрыть удивления услышав фамилию последнего — сожженного на костре в четрнадцатом веке — магистра ордена Тамплиеров.

— Я весь внимание, — чуть склонил я голову, выказывая желание слушать и воспринимать информацию.

— Скажи сначала… в чем отличие солдат от убийц?

— Солдаты убивают гораздо больше, — пожал я плечами, озвучивая то, что говорил мне когда-то давно — в прошлой жизни — Сергей Иванович.

— Хм… Ты прав, думаю, — с интересом блеснул глазами Радагаст, — с этой стороны я не смотрел. Но можно попробовать и так. Значит, смотри: убийца или солдат могут лишить жизни десятки, сотни и даже тысячи людей. Но система правосудия, допустим, французская, может перемолоть любого солдата или убийцу. Чтобы разрушить систему французского правосудия — перестройкой ли, уничтожением — нужна более внушительная сила — государство. А что нужно, чтобы справиться с государством? Во второй мировой войне, чтобы победить Германию и Гитлера, разрушившего французскую правовую систему, потребовалась Россия со Сталиным, Британия с Черчиллем и Америка с Рузвельтом.

Итак. Убийца или солдат могут лишить жизни десятки, сотни и даже тысячи людей. Но ни один из них не способен послать на смерть легионы — как Юлий Цезарь, Наполеон, Александр или Черчилль с Гитлером, — не счесть примеров. По сравнению с реками крови, которые пролили владыки человеческих судеб, деятельность любого солдата или убийцы будет едва ощутимой статистической погрешностью в любой системе подсчета. Ты с этим согласен?

Подумав немного, осмысляя сказанное, я кивнул, не видя никаких явных противоречий.

— Хорошо, — в свою очередь склонил голову Радагаст. — После той войны казалось, что мы встали на правильные рельсы — а героям и тиранам, который открывают путь в Вальхаллу целым народам, на смену пришли рассчитанные на системное управление государства. Это казалось единственно правильным, но… это была самая большая ошибка человечества — и сейчас, в эпоху глобализации и упорядоченного хаоса, мы получили свой Рагнарек.

— Мы? — счел нужным уточнить я.

— Планета наша, как ни крути, — отводя взгляд, пожал плечами Радагаст.

Конечно, если смотреть с этой стороны, он прав. Планета наша — и апокалипсис на Ближнем Востоке, в Центральной Америке, Южной Азии и Индокитае, а также полное уничтожение Японии как государства вполне можно называть «наш» Рагнарек, — с позиции человеческой цивилизации.

— Раз за разом открывая ящик Пандоры, мы — человечество — обнаруживали внутри бездну и сквозь нее нам вновь приходилось тянуться до крышки следующего ящика, — негромко продолжил Радагаст.

— Я бы поспорил насчет персонификации открывателей, — покачал я головой, но встретив взгляд Радагаста, кивнул: — Но не

буду. Сейчас мы на пороге новых открытий, или ящики Пандоры будем закрывать?

— Мы уже увидели Новый Рассвет — когда в мир явились вы, Молодые Боги. Но чтобы мир за вами пошел, нужно нечто большее, чем сила государства. Требуется вера. Истинная вера. Как сказал князь Талейран — один из тех первых, кто указал нам путь прямо к Рагнареку: «Штыками можно забрать трон, но сидеть на них неудобно».

— Вера в… нас?

— Вера в новых богов, — кивнул Радагаст. — И в возвращение старых. Но что такое вера?

Несвязно хмыкнув, я только развел руками — показывая, что не готов отвечать.

— Слово, ассоциация… — внимательно, с вопросом, посмотрел мне в глаза собеседник.

— Символ, — после короткого раздумья произнес я.

Радагаст вдруг улыбнулся, и сквозь юные черты лица я увидел проступающий образ того пожилого политика — якобы погибшего, — записи с которым пересматривал по вечерам, когда Ребекка вводила меня в курс иерархических связей Диманта. Благожелательно кивнув, француз продолжил:

— Вера иррациональна. Мы верим в незримый объект — а для того чтобы его почувствовать, связать с ним свое воображение, — нужны символы. Символы веры. Посмотри, — Радагаст вернулся к проекции карты, настраивая масштаб. В этот момент в комнате раздался вакуумный шелестящий звук, и из горящего голубым огнем портала появилась Адель. Приветливо улыбнувшись, девушка легкой походкой обошла стол и встала рядом со мной, совершенно непринужденно прислонившись сзади и положив подбородок мне на плечо.

— Привет, — едва слышно шепнула она, приобнимая.

Радагаст не обратил внимания на ее выходку, уменьшая масштаб. В это время в помещении открылись еще порталы — и к столу, сохраняя молчание, подошла высокая темнокожая девушка, и два смуглых парня — один явно араб, совсем молодой, а второй выглядел лет на двадцать пять и был похож на армянина. Это были лидеры групп, которые будут принимать завтра участие в Королевской Битве.

Я кивнул прибывшим, отвлекаясь от прижавшегося ко мне сзади гибкого тела и дыхания девушки, которая стояла на очень тонком льду видимости приличий. После взглянул на карту, где Радагаст уже уменьшил масштаб. И удивленно взметнул брови — остров Новый Вашингтон стоял на облаке геометрической правильной формы удивительно четких очертаний.

— Символ, — показал Радагаст на облако в виде четырехконечной звезды и вдруг немного отпрянул от стола, выпрямляясь и произнеся совершенно другим тоном: — Господа, прошу воспринимать следующую информацию как секретную.

Судя по эмоциям присутствующих, информация, которую готовился озвучить Радагаст, была абсолютно новой только для меня. Интерес — весьма сдержанный — выказал только невысокий кучерявый гасконец с крупным носом, на котором явно выделялась горбинка.

— Итак, — заговорил сенешаль цитадели, — перед вами утренняя звезда. Сейчас это не просто эмблема североатлантического союза, который ассоциируется в первую очередь с Соединенными Штатами, а не с Европой — разве только с Британией и то опосредованно. Чтобы вы лучше понимали, я предлагал на лучах звезды воспроизвести четыре главных цивилизационных символа первого отражения — Христа-Искупителя из Рио-де-Жанейро, Родину-Мать из Сталинграда, Нью-Йоркского Быка с Уолл-стрит и Статую Свободы, противопоставив их друг другу. В целом мою идею поддержали, кроме статуи Родины — русские очень трепетно относятся к своим святыням, и… ну вы понимаете, с ними могут быть проблемы, — коротко глянул на присутствующих Радагаст, а они, в свою очередь, сделали вид, что не обращают на меня внимания. Кроме Адели, которая, хмыкнув, переступила с ноги на ногу, по-прежнему словно невзначай прижимаясь ко мне сзади, будто так полагается.

— Поэтому пока в ложе решали, не определившись окончательно кого выбрать, — продолжил Радагаст, — Боудикку из Лондона или скульптурную композицию с Марсельезой, упустили время и немного успели. Впрочем, у нас еще будет время обратить внимание на эти символы.

— Кому должна была быть противопоставлена Родина-мать? — нейтральным тоном поинтересовался я.

— Христу-Искупителю, конечно же, — так же нейтрально ответил Радагаст, а я заметил краем глаза, как понимающе переглянулись тройка лидеров напротив — мол да, эти русские действительно такие русские.

Я задумался о том, в чем именно может быть сталинградская скульптура противопоставлена бразильской статуе — но спрашивать не стал, решив сделать это позже, в приватной беседе. О том, почему Свобода и Равенство, символично выраженные в миропорядке изваянием богини Свободы, противопоставлены символу денег, спрашивать не стал — это было вполне понятно. Радагаст между тем продолжил:

— В 1789 году у нас дома произошло событие, которое перечеркнуло идеалы золотого века и разрушило старый миропорядок. Сначала только у нас, во Франции, а после и по всему миру. Лозунги «Свобода, равенство и братство» принесли нам неисчислимые беды, и…

— Чем плохи свобода и равенство? — поинтересовался похожий на армянина гасконец, не сдержав интереса.

— В отдельности они неплохи. Они противоречат друг другу — и если до этого люди тысячелетиями утром молились Господу, повторяя заповедь «Не убий», а вечером проливали реки крови, — пытаясь сопоставить несопоставимые набожность христианских догм и рыцарские идеалы воинской доблести, то сейчас идет похожая война мировосприятия — ведь свобода исключает равенство, которого в свою очередь невозможно добиться без серьезного ограничения свободы.

Любой в семнадцать лет свободен решать идти ли ему на войну. Но равенство, узаконенное государством, еще пару десятков лет назад говорило нам, что на войну в семнадцать лет должны идти все мужчины, подлежащие призыву вне зависимости от желания. Цену равенства гражданских прав человеческая цивилизация заплатила за две мировые бойни и продолжает платить сейчас в третьей. Цену свободы вы можете увидеть, уделив внимание квинтэссенции американской доктрины Монро — государству Либерия — которое является одним из беднейших и неблагополучных во всем мире.

В 1789 году мы перешагнули рубеж эпохи, которая могла привести нас из золотого века в прекрасный. А в 1790 году — символизируя восхождение нового порядка, — был основан Новый Рим — Вашингтон, где вы завтра вступите в Королевскую Битву. Город, в самом сердце которого, — показал на Капитолий Радагаст, — горит американская звезда, своим сиянием принесшая в Новый Свет знание и просвещение. Вот только утренняя, путеводная звезда, символ Венеры… — показав на один из облачных лучей под островом, посмотрел на меня Радагаст, — это нечто большее. Ведь Вашингтон с самого основания стоит на фундаменте античной мифологии, в которой Венера олицетворяет светоносную утреннюю звезду, называемую…

— Люцифер, — проворковала мне в самое ухо Адель. Достаточно громко — так, что слышно было всем.

— Это опаляющий свет. Свобода, познание, гордыня, — продолжил Радагаст. — Ни один из вас пока не достиг того градуса, который позволит узнать, почему Вашингтон остался всего лишь полубогом, а его статуя в образе Зевса-громовержца убрана из сердца Капитолия на задворки — в прямом смысле

слова, — будучи спрятанной на заднем дворе. Но у вас все еще впереди. Как и у всего человечества, — легко улыбнулся француз.

После того как я совсем недавно услышал от Ребекки, что она принадлежит к масонской ложе, я почитал немного про общество вольных каменщиков и знал, что «градус» означает уровень, высший из которых — тридцать третий. Меня, кстати, пока в общество никто не приглашал — даже Бекка, — но заострять на этом внимание я не стал.

— Завтра символ утренней звезды в трансляции Королевской Битвы предстанет перед миллионами зрителей — и все они, наблюдая за схваткой, увидят неразрывную связь основателей американского государства со старыми, в большинстве забытыми ныне богами.

А утренняя звезда, которая привела нас к очередной мировой войне, поставив на пороге ада, должна показать давно забытый путь обратно — в золотой век человечества, в который мы не пришли, свернув в 1789 году на другую дорогу. И первыми, кто будет стоять у истоков старого пути, станете вы.

Мы… Вы, должны завтра победить — и я жду, что вы приложите к этому все усилия. А для того чтобы они не пропали впустую, я вам сейчас расскажу об условиях проведения битвы подробнее.

Адель едва подтолкнула меня ближе к столу, убрав подбородок с плеча и вставая рядом. А пока Радагаст рассказывал много интересного о предстоящей Королевской Битве, девушка держала меня за руку — по-прежнему расположившись практически вплотную, словно это было самим собой разумеющимся.

Глава 25. Брифинг

По первоначальным условиям Королевской Битвы на остров высаживалось по пять партий — каждая из трех человек, — от всех цитаделей Транснаполиса, кроме новоприбывшей Федерации. Семьдесят пять атлантов должны были приземлиться, сброшенные с небесных колесниц, на землю Нового Вашингтона.

Команды цитаделей были разделены по зонам высадки — не более одной на каждую. В каждой зоне имелись свои особенности — имеющие как плюсы, так и минусы. К примеру, Пентагон или Капитолий были заполнены сильными артефактами, доспехами и оружием богов — а вот монументы Линкольна, Белый Дом или городские кварталы являлись более спокойными, и высадка в них располагала к неспешному и вдумчивому началу состязаний — недоступному тем, кто решил сразу опуститься в мясорубку борьбы за сильные артефакты и снаряжение.

Когда Радагаст подробно объяснял подробности предстоящего состязания, рассказывая о каждой локации на карте острова, я с некоторой досадой раздумывал о том, что во время испытания новичка и Битвы Вызова у соперников наверняка была столь же подробная информация. Пока я грустил о несовершенстве мира и разных стартовых позициях, Радагаст тем временем уже перешел на персоналии.

Адель должна была высаживаться в районе Мемориала Линкольна — массивного сооружения в виде увенчанного колоннадой греческого храма Парфенона, где находились доспехи и оружие Афины и Посейдона, а также место силы водной стихии. Что было на руку француженке — оперировавшей именно силой воды. И, вероятно, вполне способной получить нечто полезное и от Афины — девы-воительницы.

Это была самая спокойная локация — удаленная от центра города, очерченного берегами парящего в воздухе острова. Именно здесь, по словам Радагаста, предполагалось минимальное присутствие групп атлантов из других цитаделей — и поэтому можно спокойно экипироваться и даже при желании не вступать в схватку с другими группами, разойдясь по краям зеленого парка. Имелось лишь одно «но»: по истечении определенного срока эта территория первой попадает в радиус зоны поражения, и ее необходимо будет покинуть в самое ближайшее время после высадки. После этого кольцо поражения будет сжиматься, поглощая следующие зоны одну за другой все быстрее, и в итоге запретной окажется любая местность, кроме стоящего в центре

острова Обелиска, монумента Вашингтону. Где и должен определиться победитель Королевской Битвы — последняя оставшаяся группа, или последний оставшийся в живых ее участник.

Высокая темнокожая девушка и молчаливый араб получили задание высаживаться в городских кварталах. Девушка — в северной зоне ближайшей к Парфенону, монументу Линкольна, для того чтобы действовать совместно с Адель, араб — южнее, ближе к Пентагону. В само пятиугольное строение должен был высаживаться невысокий гасконец.

— Вода, Воздух, Земля, Дух и Огонь, — показал ему Радагаст по углам пятиугольного здания.

Здесь Пентагон — «пятиугольник» в переводе с греческого, находился не на западном берегу Потомака, а совсем неподалеку от Капитолия. Ниже и западнее — в этом отражении город словно сжался, лишившись намывных территорий и юго-западных кварталов.

— Океан, Уран, Гея, Эфир и… — персонализируя стихии, вновь указал по углам пятиугольного здания Радагаст и, после паузы посмотрев на меня, добавил: — Прометей.

Достаточно странно среди первых богов и титанов было увидеть Прометея, всего лишь сына олимпийца, пусть это и был первый среди них — сам Зевс, свергнувший титанов. Но раскрывать скрытые смыслы Радагаст не стал, продолжив рассказывать о том, где и какие артефакты можно найти. Проинструктировав гасконца, как ему лучше действовать в Пентагоне, Радагаст повернулся ко мне:

— Джесс. Я очень хотел бы, чтобы ты взял на себя ответственность за высадку в Капитолии.

Под серьезными взглядами остальных — даже Адель повернулась, едва отстранившись — но все еще стоя практически вплотную, я задумался. Транснаполис находился восточнее — и колесницы с атлантами полетят строго по направлению национальной аллеи, которая начинается от Капитолия, и вдоль которой расположены все остальные зоны высадки.

Получается, что те, кто решат выбрать местом приземления Капитолий, ступят на землю Нового Вашингтона первыми и наверняка окажутся в весьма плотной и недружелюбной компании. Учитывая, что двое моих спутников — Фредерик и Принс, вспомнил я имена, — даже не разговаривают по-английски, перспектива так себе.

— Абдул, что думаешь? — заполнил паузу Радагаст, обращаясь к молчаливому арабу. — Рассчитай быстренько, каковы шансы на успех миссии Джесса при высадке в Капитолий?

— Эм… дайте мне секунду, — протянул Абдул и на полном серьезе выдал: — Думаю, что тридцать два целых и… триста тридцать три тысячных процента.

— Неплохо, — поддерживая серьезный тон и подыгрывая знаменитой шутке о Лирой Дженкинсе, произнес я и спросил: — А если учесть, что двое моих тиммейтов мне незнакомы, я не знаю французский, а они английский?

— М-м-м… — серьезно задумался Абдул.

— Если он их просто потеряет в первые минуты битвы, — чарующим тоном произнесла Адель, коротко глянув на меня и мило улыбнувшись.

— Окей, дайте мне еще секунду, — повторил Абдул, нахмурившись, — тогда, думаю, шансы на успех будут составлять… тридцать три целых и… девяносто девять сотых процента.

— Отлично, спасибо, — произнес Радагаст и посмотрел на меня.

— Ну ладно, это намного лучше, чем обычно, — покивал я, соглашаясь на Капитолий. — С такими шансами задумываться даже не стоит.

— Замечательно, — кивнул Радагаст. — Господа, не смею вас больше задерживать. Завтра к семи утра специалисты Сферы доставят каждому из вас варианты плана действий от аналитиков цитадели. Носители будут бумажные — по прочтении прошу уничтожить, — информация о местонахождении артефактов и оружия богов строго конфиденциальна.

— Скольким еще цитаделям известна эта конфиденциальная информация? — поинтересовался я, когда трое кадетов отошли от стола, а Адель, наконец, от меня отстранилась. Не сказать, что ее поведение было неприятно — даже наоборот, — но заставляло удивляться и недоумевать.

— В полном объеме карта Нового Вашингтона с горячими зонами известна в Амбере и Сапфире. У алеманов, русских и поляков имеются сведения о Капитолии, у китайцев нет ничего.

Заметив недоумение, которое я и не думал скрывать — услышав информацию о участвующих в Битве русских, поляках и китайцах, Радагаст жестом попросил меня подождать и кивнул троим задержавшимся кадетам, которые почти сразу исчезли в портальных взблесках.

— Мне очень жаль, что так получилось, — шепнула мне на ухо Адель и добавила громче: — Надеюсь, после завтрашней победы ты решишь вопрос, и мы все же сможем обсудить наше венчание.

Улыбнувшись и подарив мне на прощанье воздушный

поцелуй, француженка не задерживаясь исчезла в портале — Радагаст в этот момент отвлекся на интерфейс, а я смог прийти в себя, так что собеседник не заметил моего изумления. Я настолько растерялся от ее последних слов, что даже не успел ничего ответить. А кроме того, задать вопрос про герб — на униформе Адель уже и здесь, в новых мирах, появилась красная лилия.

— В Битве будут принимать участие две русские группы — по одной от Эмеральда и Федерации, две китайские и польская — заговорил между тем Радагаст. — Так как цитадель Жемчуг по объективным причинам участвовать в соревновании чемпионов не сможет, пять вакантных мест было решено заполнить командами из других фракций.

«Да, думаю, прекращение существования Японии как государства — вполне объективная причина», — подумал я, вслух же спросил о другом:

— Я слышал, что за Битвой будут наблюдать миллионы зрителей.

— Именно так.

— Это в момент, когда часть планеты сгорает в пламени войны?

— Небольшая часть планеты, — поправил меня Радагаст.

— Но… — даже не нашелся я сразу, что сказать. — Но ведь миллионы людей погибли…

— Счет уже приближается к миллиарду, если быть точным. Открыто об этом будет сказано не сразу, но объективно это так.

— И люди сейчас смотрят развлекательные программы и соревнования, ведь в мире…

— Матчи Лиги Чемпионов и большинства национальных чемпионатов начинаются с минуты молчания, если ты об этом, — пожал плечами Радагаст. — Кстати, если уж зашла об этом речь, то в следующем году, по прогнозам, аудитория зрителей соревнований в Новых Мирах будет сопоставима с аудиторией соревнований под эгидой УЕФА.

Собеседник, увидев мои вздернутые в недоумении брови, прервался — а после, покачав головой, — продолжил совсем другим тоном:

— Эжен, не думай, что можно ужасаться происходящему бесконечно — многих хватает лишь на несколько минут, а дальше у некоторых и вовсе начинается смакование. К тому же, к счастью, осенью в Европе была принята семнадцатая поправка к закону о вещании, и теперь доля негативных новостей в информационных выпусках как телевидения, так и Интернет-ресурсов, не может превышать двадцати процентов эфирного

времени.

Спорить и расспрашивать дальше я не стал, потеряв интерес — в реальности первого отражения меня не было уже достаточно давно. И даже находясь там, никогда не выкраивал достаточно времени прикоснуться к массовой культуре, а тем более к телевизионному вещанию.

— Есть два вопроса, которые мне необходимо обсудить с тобой наедине, — увидев, что больше интересоваться происходящим с трансляциями соревнования я не собираюсь, произнес Радагаст деловым тоном.

— Какой второй? — сразу спросил я, потому что о сути первого догадался сразу, вспомнив его преклоненное на турнире новичка колено, и свой «должок» Адель.

— До недавнего несчастного случая, когда ты… несколько отдалился от первого отражения, — достаточно завуалированно обозначил мою смерть Радагаст, — у меня попросил организовать встречу с тобой очень важный человек. Встречу в первом отражении.

— Сейчас, как понимаю, вопрос встречи неактуален? — хмыкнул я.

— Актуален, как никогда, — не поддержал моего тона Радагаст. — Более того, очень много заинтересованных лиц сейчас следят за тобой — и не буду скрывать, следят с пристальным вниманием.

— Но… зачем?

— В ожидании твоей попытки вернуться в первое отражение, конечно же. С учетом того, что случаи переноса материи — известные случаи — исчисляются уже сотнями, ты тот самый человек, который может сделать это первым в Европе.

— В Европе? — уточнил я.

— Я не располагаю достоверными данными об Азии — но, судя по косвенным признакам, — подобное уже происходило неоднократно. И именно за счет молодых богов, которые вернулись из Новых Миров, японский оккупационный корпус до сих пор успешно удерживает значительные территории Китая — не только Гонконг с островом Хайнань, но и Гуанчжоу.

— Это очень важная для меня информация, спасибо, — склонил я голову, понемногу осознавая услышанное.

— И если у тебя получится, — спокойно принял благодарность Радагаст, — тогда у нас скорее всего просто не будет времени обсудить предстоящий разговор. Итак, если мой хороший друг — ты его сразу узнаешь, когда попадешь на прием, — сделает тебе определенное предложение, которое может показаться авантюрным и опасным, принимай решение

исходя из того, что я порекомендовал бы соглашаться — это будет лучше для всего мира. Впрочем, решать все равно тебе и только тебе.

— Есть смысл спрашивать о том, кто этот друг?

— До того момента, как ты с ним встретишься, ответить я не могу, — покачал головой француз.

— Хорошо, я понял. Вопрос.

— Слушаю.

— В Новом Вашингтоне будет достаточно артефактов, наделенных божественной силой. А если я воспользуюсь там своим?

— Своим чем?

— Своим артефактом, наделенным божественной силой.

— Участие в Королевской Битве принимают только кадеты Транснаполиса — и допускается только обмундирование цитадели — парадная или полевая форма и уставное оружие. Инвентарь должен быть пустой.

— И никаких защитных амулетов, украшений, артефактных накопителей? — осторожно поинтересовался я.

— Прямого запрета нет, — покачал головой Радагаст. — Но при посадке в колесницу будет строгий входящий контроль, и обнаружение повлечет за собой достаточно серьезное пятно на репутации.

Змейку браслета я сегодня превратил в небольшую татуировку — и глаза покоящейся на моей левой руки симбионта были закрыты. Амулет, полученный у Анубиса, на мне и вовсе виден не был — в момент битвы в Помпеях он как вплавился в кожу груди, так там и оставался. Снимать его мне не хотелось — это, во-первых. А во-вторых, я просто не знал, как. Тот единственный раз, когда отгородился от пса доспехом духа, был еще до того, как мы заключили с ним соглашение — и я не уверен, что этот способ подействует вновь.

— Если ты окажешься на острове с собственными амулетами — никто не сможет поставить тебе это в вину, ведь запрета нет, — заговорил Радагаст, видя мое замешательство. — Ты можешь надеть их сейчас, а я проверю, вижу ли их фон.

— Э… так они на мне, — просто сказал я.

Радагаст долгое время смотрел на меня, чуть погодя его взгляд потерял фокус — и я почувствовал, как дрожит магией аура моего доспеха духа.

— Я ничего не чувствую, — невозмутимо произнес француз, впрочем, по голосу я чувствовал, что он слегка озадачен. — И… ты сказал амулеты. На тебе сейчас не один?

Объяснять я ничего не стал — просто кивнул. И задал давно

интересовавший меня вопрос:

— Для меня будет отдельный носитель с информацией о расположении артефактов и божественного оружия на острове?

— Тебе он не нужен. В Капитолии артефактов под завязку — поэтому, если ты выйдешь оттуда с группой живым, будешь достаточно экипирован. Все, что требуется от тебя дальше, просто убивать всех, кого видишь — помня, конечно же, о первом важном вопросе.

— Можно было и не напоминать, — кивнул я.

Попрощавшись с Радагастом, я направился к выходу, но у самой двери был остановлен окликом:

— Абдул при расчетах не знал о наличии у тебя собственных божественных артефактов, поэтому вероятность твоей победы озвучил заниженную.

— При расчетах? — нейтральным тоном поинтересовался я, не зная как реагировать.

— Абдул в четыре года умел читать и писать, а в семь перемножал в уме шестизначные цифры. В одиннадцать он уже получил диплом об общем университетском образовании — поэтому к его расчетам я бы не относился со скепсисом, — улыбнулся Радагаст.

— Воу, — только и выдохнул я.

Тридцать три процента, значит? Это становится интересно.

Но не так интересно, как вопрос с венчанием. Вернее, как сказала Адель: «с нашим венчанием».

Глава 26. (…)

— Вы знаете, кто такой Абдул? — поинтересовался я раздельно, так чтобы мог понять и далекий от английского человек

Фредерик Мабала и Принс-Габриэль Койта, расположившиеся на бортике фонтана, после некоторого раздумья синхронно кивнули, внимательно на меня глядя.

— Абдул сказал, что мои шансы выиграть тридцать три процента.

— Наши шансы, — покачал головой Принс.

— Нет. Наши шансы, если я вас не брошу сразу, составляют тридцать два процента. Так сказал Абдул.

Некоторое время парням потребовалось на осмысление информации. Переглянувшись, они вновь воззрились на меня — в довольно смешанных чувствах. Я же продолжил:

— Вариант первый — попробуем работать вместе. Вариант второй — вы держитесь вместе, по возможности стараетесь находиться рядом со мной. Вариант третий — при высадке разделяемся.

Вновь долгая пауза, заполненная размышлениями.

— Ты откуда? — нейтрально поинтересовался Принс.

— Россия, Сибирь.

— Оу… — последовала ожидаемая реакция.

— Там реально холодно? — тут же спросил Мабала.

— О да, — с серьезной миной кивнул я. — В феврале такой мороз, что даже водка замерзает, и нам с моим медведем Джеком приходится сосать ее, как Чупа-Чупс.

— Парень, ты шутишь? — нахмурился Фред.

— Как можно шутить о Сибири? — деланно серьезно удивился я. — У нас тайге живут шаманы, которые за шутки о Сибири насылают сибирскую язву. А вы откуда?

— Мали, — первым ответил Фред. — Мой отец был министром, но после переворота в двенадцатом году нам пришлось бежать во Францию.

— Сочувствую. Но сейчас ты здесь и, судя по всему, намереваешься вернуться?

Мабала ничего не ответил, но по блеску глаз я понял, что попал в точку.

— Я из Гвианы, — в ответ на мой вопросительный взгляд произнес Принс. — Южная Америка, Французская Гвиана. Я, если что, простой парень, и у меня отец не министр, — коротко глянул

он на Фреда.

— Ага, не министр! — обычный золотой король. У него дома даже сортир из золота, представляешь? — блеснув белоснежной улыбкой, вставил Мабала, широким жестом вскинув руки.

— Вовсе не весь сортир, — просто пожал плечами Принс и посмотрел на меня. — А ты здесь как оказался?

Некоторое время еще разговаривали ни о чем — английский у парочки оказался не так плох, как могло показаться вначале — да и показной снобизм из их поведения пропал. После того как возникла небольшая пауза, Мабала и Койта переглянулись. После быстро на французском обменялись мнениями и одновременно обернулись ко мне.

— Знаешь, Джесси, — выдал как результат беседы Принс, произнося мое имя как и все французы, с ударением на последний слог. — Если Абдул говорит, что вероятность твоей победы выше без нас, мы не будем мешать. Ты показывай, на что способен, а мы с Фредом постараемся держаться рядом и если что помочь.

Не отвечая, я кивнул, выражение лица продемонстрировав уважение их решению. Предложенный вариант — как по мне, — был наилучшим.

— Замечательно. Смотрите, мы будем высаживаться здесь, — я открыл свой интерфейс, куда совсем недавно загрузил полученную от Радагаста карту острова Новый Вашингтон.

— Оу, мы здесь тренировались, — обрадованно воскликнул Фред, едва только я сделал видимой проекцию.

Отлично. Нам бы в русской цитадели подобные условия — вновь вспомнил я и соревнование новичков, и Битву Вызова.

— Кольцо поражения начинает сжиматься здесь, — показал я на Парфенон, где должна была высаживаться Адель. — После здесь и здесь, затрагивая все городские кварталы, Белый Дом, Пентагон и Капитолий. Завершается битва у Обелиска — не так далеко от Капитолийского Холма, куда высаживаемся мы.

— То есть можем практически никуда не уходить, — хмыкнул Принс.

— Неподвижная цель — легкая цель. Движение — жизнь, поэтому не останавливаемся, даже если очень хочется, — покачал я головой.

— А куда двигаться?

— Даже не знаю. Сначала в поисках легких целей, а дальше по обстановке, — пожал я плечами.

— Отлично, парень, мы поняли. Покажи завтра класс, — напоследок произнес Фред, хлопнув меня по плечу. Даже с доспехом духа удар его широкой лапищи был весьма ощутим.

Глава 27. Королевская Битва

Золотые лучи осветили песок большой Арены Транснаполиса, расцветив все вокруг яркими красками. И в тот момент — когда из-за верхнего среза трибун выглянуло солнце, в ложе для высоких гостей появился магистр Аренберга.

Трибуны огромного амфитеатра, который я помнил еще по турниру новичков, сейчас были пусты от зрителей — лишь ложа высоких гостей оказалась непривычно заполнена, ведь там присутствовало не шесть как обычно магистров цитаделей со свитой, а сразу восемь. Не было японцев из прекратившего деятельность Жемчуга, зато к пяти действующим цитаделям Академии — Амберу, Сапфиру, Диаманту, Обсидиану и не участвующей в полном составе Стали — прибавились делегации Китая и Польши, а также русские мастера из Эмеральда. Среди которых не было ни Юлии, ни Ребекки.

Вокруг Арены плотной цепью выстроились наблюдатели из Аренберга — они находились как на самой на площадке, так и парили над ней, оседлав королевских грифонов в красно-золотой сбруе.

На песке перед открытой ложей, где сейчас готовился произносить речь магистр ордена Хранителей, встроились семьдесят пять кадетов-атлантов — двадцать пять троек из разных цитаделей. Стояли в три шеренги — так, что лидер тройки был в первом ряду, а двое ведомых маячили позади. Стоявшие следом за мной жизнерадостные Фредерик и Принс — в белоснежной парадной униформе Диаманта — негромко и весело переговаривались на французском, судя по эмоциям, предвкушая бесшабашное развлечение.

Общий строй, пестрящий яркими цветами униформы, образовывал пять своеобразных блоков по пятнадцать человек — по количеству небесных колесниц, которые должны были доставить атлантов к месту проведения состязания. В каждой группе из пяти команд, поставленной под воздушную колесницу, выделялись красные мундиры британцев, белая форма французов, серое фельдграу немцев и королевский синий австрийцев. И, заменяя возможно навсегда выбывших из геополитической игры японцев, в каждой группе присутствовала пятая команда, нарушая единство цветов. В самом первом блоке из пятнадцати человек это была тройка Федерации — в памятной мне униформе цвета морской волны. Капитаном русской тройки, что неудивительно, являлся Волков, выигравший у Клеопатры Битву Вызова.

Во второй группе расположились поляки — их бело-красная униформа была выполнена со стилизацией плечевых узоров с намеком на знаменитые крылья летучих гусар. В третьем и моем четвертом блоке расположились китайцы в красной униформе, выделяясь не только цветом, но и ростом — причем в обе стороны: среди азиатов было четыре низкорослых кадета и два самых настоящих великана ростом под два метра и с богатырским размахом плеч. В пятом выделялись черно-золотой формой и белоснежными — на контрасте — гольфинами, три девушки из Эмеральда — Клеопатра, незнакомая мне по имени второкурсница с приятным лицом, и старая знакомая — противница по турниру новичков. Лишь на Битве Вызова, которую мы проиграли, я узнал что ее зовут Виктория.

Пока великий магистр Аренберга, осененный солнечным сиянием, говорил приветственную речь, я коротко переглянулся со стоящей совсем рядом Клеопатрой. Распорядитель арены, руководивший построением, не желал ставить нас близко, следуя утвержденном плану расположения — но я весьма бесцеремонно занял место китайцев, которые должны были располагаться между мной и командой Эмеральда.

Невозмутимые азиаты толкаться не стали, а их капитан — миниатюрная симпатичная девушка — лишь недобро сверкнула глазами и едва заметным жестом остановила собиравшегося было полезть на рожон великана. И еще раз остановила — когда демонстративно смотрящая в другую сторону Клеопатра обидно фыркнула в ответ на его возмущенную реакцию.

— Привет, — едва шевельнув губами, поздоровалась девушка. Я услышал, но до конца не понял, вслух она это сказала или телепатически произнесла. — Рада видеть тебя живым и здоровым.

— Привет. Почему не в Египте? — едва улыбнулся я уголком губ.

— А ты? — вернула мне шпильку Клеопатра.

Да, крыть, в общем-то, нечем. По уму мне в Египет надо даже больше, чем ей — у Леры всего лишь амбиции, а у меня там сейчас смертельный враг.

Магистр Аренберга между тем начал вычурную и красивую приветственную речь, явно предназначенную для зрителей, а не для расположившихся перед ним будущих юных владык новых миров.

— Поможешь мне? — спросила девушка, пока я обдумывал достойный ответ.

— Извини, но сегодня у меня задача выиграть эту битву…

— Джесс, на битву мне насрать — только не вздумай сам

убить того [нехорошего человека].

— Почему? — поинтересовался я, коротко глянув на невозмутимого Волкова, который — судя по эмоциям, взгляд и гнев Клеопатры почувствовал.

— Потому что я сама должна это сделать, [черт его дери]! — полыхнула раздражением зло сощурившаяся девушка. — Хотя в принципе, когда с ним закончу, можно подумать и о победе, — добавила девушка.

— Помощь тебе в Египте нужна? — пожав плечами, нейтрально произнес я одними губами, осознавая, что общаемся мы уже телепатически.

— Именно.

— Тарасов мой.

— Да забирай. Мне это говно сто лет в обед не надо.

Что-то в голосе Клеопатры заставило меня напрячься, но что именно я не понял. Но осадок остался.

— Во сколько подходить? — пытаясь поймать тень так непонравившихся мне эмоций девушки, отстраненно поинтересовался я.

— С утра. Я буду у стен столицы в красном плаще, греческих сандалиях и с двумя легионами — по правую и левую руку. Не ошибешься?

— По навигатору полечу, думаю не промахнусь, — усмехнулся я.

— Отлично. Жду тебя завтра.

— А сегодня?

— А сегодня я разнесу Белый Дом со всеми этими… — после того как Лера непечатно охарактеризовала остальные четыре группы из других цитаделей, готовящихся к высадке в одной с ней зоне, девушка посмотрела мне в глаза: — А потом может быть даже помогу тебе. Но не факт, как пойдет — Эмеральду же нужны победы не меньше, чем твоей французской девочке? — мысленно усмехнулась она.

— Самонадеянно.

— Ты во мне сомневаешься?

Не отвечая, я едва повернул голову, осмотрев девушку с головы до ног — и, на миг задержав взгляд на невысоких каблучках, скользнул глазами обратно, осматривая ее уже с ног до головы, демонстративно задерживаясь на всех значимых изгибах фигуры.

— Нисколько, — чистосердечно ответил я, подмигнув и краем глаза заметив тронувшую уголок губ Леры довольную улыбку.

В этот момент магистр Аренберга закончил речь, и сверху,

расчертив небосвод пятью кометами, упали золотые колесницы. Каждую из них несло по пятерке белых пегасов — после приземления захлопавших крыльями и забивших в нетерпении копытами.

Погрузку сопровождали пафосные выкрики распорядителя и громкая музыка, но на шум я уже не обращал внимания, сосредоточившись на происходящем: один из наблюдателей Аренберга, прежде чем я ступил на борт колесницы, вручил мне крылья. Держались они на горжете — широком металлическом воротнике — и в сложенном состоянии были просто плотными широкими полосами с угадывающимися перьями, — но том, что в развернутом виде окажутся самыми натуральными крыльями, сомнений не было.

Хранитель Аренберга водрузил на меня воротник — оказавшийся практически невесомым, несмотря на внушительный вид. И после этого надел широкие браслеты на предплечья, украшенные гравировкой в виде перьев. Вполне вероятно, что браслеты крыльями управляют — вот только проверить пока не было никакой возможности.

Видя, как спокойно воспринимают происходящее другие участники, я понимал, что все они с техникой полета знакомы. Мне же придется учиться по ходу движения, и это очень сильно напрягало.

У соседней колесницы между тем возникла небольшая сутолока — обернувшись, я увидел, как Клеопатра толкнула кадета из Сапфира со знакомым лицом. Это был Черный Герцог — памятный победитель первой части испытаний новичка, — которого после играючи одолела в самом первом поединке Адель.

Саму француженку я увидел лишь мельком. Судя по сосредоточенному виду, она серьезно волновалась — именно ей по плану Радагаста необходимо было выиграть испытание — и девушка, видимо, чувствовала давление ответственности. В одной колеснице с ней находился капитан Волков из Федерации — его тройка единственная состояла из мужчин, остальные четыре команды первой группы полностью комплектовались из девушек. Среди которых тоже было немало знакомых по турниру новичков лиц.

В этот момент распорядители Аренберга бегом сорвались в сторону соседней колесницы, где Клеопатра — уже без рук — плечом, оттолкнула ошалевшего от происходящего Черного Герцога. Парень сверкнул глазами и что-то угрожающе произнес, на что Лера только звонко рассмеялась, проходя к откинутому борту колесницы первой — именно из-за очередности посадки и возникла ссора.

Вроде бы неглупая девушка, а вот так на ровном месте находит серьезных недоброжелателей — причем неизвестных, если учесть, что загадочный кадет до сих пор без герба.

В Сапфире, держащемся в тени, в отличие от остальных цитаделей, жизнь пока спокойная и неторопливая — Амбер и Диамант активно участвуют в дележке новых миров, Обсидиан также пытается, но в отличие от первых двух без особого успеха, Эмеральд и Федерация в настоящих русских традициях устроили национальные бои, а Жемчуг и вовсе прекратил свое существование. И только Сапфир пока темная лошадка — поэтому его лидеры не на виду и не на слуху.

К нашей колеснице я подошел не первым — и это было хорошо. Потому что на входе распорядители Аренберга проверяли работоспособность крыльев. Передо мной — из-за того, что для разговора с Лерой я оттеснил китайскую команду — оказались все четыре тройки: Амбера, Сапфира, Обсидиана и китайская команда. Поэтому мы с Фредом и Принсом грузились на борт последними.

С крыльями все оказалось удивительно просто. Посмотрев, как прошли тест на пригодность врученных артефактов идущие передо мною кадеты-атланты, я по знаку мастера остановился и, скрестив на весу руки, ударил запястьями друг об друга, активируя полученный артефакт. Чуть приподняв руки, раскрыл ладони, плотно сложив пальцы. С едва слышным шелестом крылья распахнулись, и полуметровые плотные полосы перьев развернулись во внушительные крылья — удивительно легкие и при этом невесомые. Глядя на серо-стальной блеск в оперении, создавалось ощущение, что крылья сделаны из тончайшего металла.

По жесту распорядителя я расправил ладони, опуская руки — повторяя многократно виденный ранее жест, и крылья моментально сложились, исчезнув за спиной.

— Время действия накопителя энергии крыльев — полторы минуты, — дежурно произнес распорядитель и перенес внимание на стоявшего следом Принса. Фред шел последним — он был наголову выше Принса, и на две как минимум возвышался надо мной.

Когда все пятнадцать человек нашей группы оказались на борту, мы некоторое время ожидали окончания погрузки других участников. И чуть погодя одна за другой колесницы покатили по песку — взмахивая крыльями, пегасы набирали скорость. Первая колесница оторвалась от земли, свечкой взмывая в небо, следом сразу устремилась вторая, третья. Поверхность под ногами мягко дернулась, и наша колесница практически вертикально взмыла в

небо под ржание пегасов. Но особых неудобств, кроме ощутимой перегрузки, столь стремительный взлет не доставил — в колеснице словно присутствовал генератор силы притяжения, и никто за борт не выпал. Практически сразу рядом с нами вспыхнул нестерпимо яркий, но не обжигающий солнечный свет — так, что мы с Фредом и Принсом могли беспрепятственно смотреть за борт, но соседей из других цитаделей просто не видели.

Снизу расстилалось быстро бегущее море облаков — пегасы тянули за собой колесницы с невероятной скоростью. Коротко оглянувшись, я увидел, как стоящие позади Фред и Принс деловито проверяют крылья. Попробовал и я — раскрыл ладони и плавно взмахнул руками. Моментально ощутив, как меня тянет вверх — и оставаясь при этом на месте, удерживаемый силой притяжения колесницы. Хорошо на мне был доспех духа — с облегчением подумал я, — понимая, что был в шаге от величайшего конфуза. Подъемная сила оказалась такова, что верхняя половина туловища могла взлететь отдельно от нижней, если бы не активированная мною заранее по укоренившейся привычке защита.

Сложив крылья и решив не махать больше руками понапрасну, я перегнулся через борт и принялся осматриваться по сторонам. Три колесницы шли впереди нас, выстроившись в ровную линию, за нами была еще одна — пятая — с Клеопатрой, Черным Герцогом и Абдулом из Диаманта, которые должны были высаживаться в центре Нового Вашингтона, у Белого Дома.

Вскоре впереди показался висящий над облаком в виде четырехлучевой звезды остров. Первая колесница, на которой находилась Адель, вдруг начала забирать правее, заходя по широкой дуге в пологий вираж. Ей предстояло обогнуть остров, подлетая с Запада к Парфенону — и из-за самого длинного маршрута высадка с нее происходила последней. Вторая и третья колесницы также разошлись в стороны, но более плавно, для того чтобы приблизиться к острову с Севера и Юга. Наша колесница начала набирать высоту так быстро, что засвистел ветер в ушах, а самая последняя наоборот продолжила двигаться с прежней скоростью — ей предстояло пролететь к центру острова, прежде чем будет разрешена высадка.

— Готовность шестьдесят секунд! — раздался четкий, усиленный магией голос правящего колесницей возницы из хранителей.

Ввинтившись в небо, сделав сразу две бочки, наша воздушная повозка оказалась над высоко Капитолийским холмом. Затаив дыхание, я наблюдал за панорамой внизу: отметив сместившийся

ближе к центру Пентагон, и привычно для первого отражения расположенные вдоль широкой Национальной аллеи Парфенон, поднимающийся вверх почти двухсотметровый обелиск Монумента Вашингтона, Белый Дом и Капитолий.

— Готовность тридцать секунд! — вновь раздался голос возницы.

«Черт, почему же мне никто про крылья-то не рассказал?» — почувствовал я запоздалое волнение.

Наверняка ведь просто забыли — Ребекка скорее всего положилась на Радагаста, а тот вероятно думал, что я с крыльями обращаться умею. Но, стараясь на этом не зацикливаться, я почти сразу задышал ровно, успокаиваясь и нагоняя энергию в доспех духа.

Колесница вдруг заложила крутой вираж и полого начала опускаться вниз — так, чтобы исключить возможность попадания наших групп в другие зоны.

— Готовность десять секунд!

— Давай-давай, парень, погнали, покажи класс! — закричали позади мои жизнерадостные спутники, пока я, прищурившись от встречного ветра, рассчитывал траекторию полета к белоснежному Капитолию.

Глава 28. Капитолийский холм

— Джеронимо-о! — услышал я за спиной громкие крики в тот момент, когда прыгнул вниз. Кричали атланты из других команд — выпрыгивавшие сразу после того, как только было разрешено десантироваться.

Воздух засвистел в ушах, наваливаясь плотной тяжестью, и тело повело в сторону — сложно было удерживаться прямо в вертикальном полете. Я немного расправил руки с раскрытыми ладонями и сразу почувствовал, как улучшилась управляемость — если до этого я неумолимо разворачивался, готовясь закувыркаться, то сейчас полетел практически ровно и прямо.

Поверхность земли приближалась, и я понял, что к Капитолию близко не попадаю — падал чуть правее, где в настоящем Вашингтоне находилась Библиотека Конгресса, а сейчас раскинулся зеленый густой пихтовый парк, пересеченный ровными окружностями дорожек, среди которых белели античные статуи. Впереди передо мною метеорами падали сразу три команды: две красных — британцы и китайцы, а также плотная серая группа Обсидиана, которая даже в пике сохраняла плотную дисциплину строя.

Хотя бы минимальное управление крыльями точно бы не помешало, подумал я в тот момент, когда крылья неожиданно полно расправились и меня остановил рывок, сравнимый с силой раскрывшегося парашюта. Мимо с удивленными воплями пролетели Принс и Фред — тот, вращая белками глаз и обнажив в крике белоснежные зубы, был явно поражен моей неожиданной остановкой. И в этот момент меня что-то удалило в спину — так сильно, что закувыркавшись в воздухе, я полетел в сторону словно футбольный мяч после удара. Перед глазами мелькнула королевская синь формы Сапфира — это один из австрийцев врезался в меня после неожиданной остановки.

Я уже падал спиной вперед и, недолго думая, запустил с двух рук файерболами. Что удивительно, попал в одного из австрийцев, расправившего крылья и неторопливо планирующего. На меня атакованный кадет в синей униформе не смотрел — отвлекся на падающего соратника, который, смешно разбросав руки и ноги, летел в сторону после нашего столкновения. Извернувшись в воздухе, я не стал наблюдать, чем закончится встреча огненных шаров с кадетом Сапфира и проверять, выдержит ли его доспех духа мою атаку. Вновь попытавшись направить падение, я едва пошевелил пальцами — крылья были

невероятно чувствительны и отзывались даже на малейшее движение.

Земля и белоснежный купол Капитолия неумолимо приближались — по мере падения все быстрее, словно увеличиваясь на глазах. Я вдруг понял, что лечу прямо к широкой парадной лестнице, на которой находились приземлившиеся британцы. Двое из них уже обратили на меня внимание, и навстречу уже густо полетели атакующие заклинания — не причинивший особо вреда веер даже не стрел, а ледяных осколков. Их было много, но в меня попало всего две или три — я даже не почувствовал касания через доспех духа.

Словно прыгнувший с трамплина лыжник я начал работать руками. Очень осторожно, потому что одно неверное движение — и расправившиеся крылья меня вновь остановят, сделав легкой мишенью. Не очень удачное движение, резкий рывок — и я вдруг понял, что прямо передо мной купол Капитолия, опоясанный анфиладой высоких стрельчатых окон. В одно из них я и попытался залететь, отчаянно взмахнув руками.

Но не преуспел — перед самым столкновением с куполом на скорости больше двухсот километров в час время остановило свой бег, замедлившись, как это всегда бывает со мной в моменты смертельной опасности. Выставив вперед согнутые в локтях руки, закрывая от удара голову, я видел, как прогибается кровля, ощущая, как постепенно сжимает плотной тяжестью удара каждую клеточку моего тела. Загоняя энергию в доспех духа, направляя ее в формирующийся перед руками щит, я боролся с наваливающимся давлением.

Пробив кровлю, наблюдая как медленно-медленно гнутся от моего удара чугунные ребра перекрытий, я залетел внутрь. Время вернулось к привычному бегу, и я тут же врезался во второй, внутренний купол, через отверстие в котором снизу, создавая эффект высокого неба, посетителям была видна фреска со становлением Джорджа Вашингтона богом. Кстати, вышел из купола я как раз рядом с первым американским президентом — который в окружении двух богинь в застывшем вечностью мгновением собирался подниматься на небо, откуда я только что пришел.

От удара во второй купол перед глазами потемнело, брызнула кровь — и вниз, срубив установленные по периметру свода ограждения, я рухнул уже в полубессознательном состоянии. Сверху падали куски облицовки и чугунные балки — во время моей неожиданной встречи с куполом британцы активно пытались пулять заклинаниями. В меня не попали, зато многократно пробили купол, еще сильнее расширив появившуюся

дыру.

Подо мною что-то мягко хрустнуло — как оказалось, упал я на одного из китайцев, запомнившегося при посадке раздраженного великана. Сам я — находясь в полубеспамятстве, ничего сделать не успел, но с моей левой руки вдруг сорвалась призрачная змея, обвиваясь вокруг практически сразу хрустнувшей шеи послужившего мне амортизационной подушкой китайца.

Пытаясь сморгнуть оглушение и понимая, что разлеживаться нельзя, я попытался встать. Тело не слушалось, ноги не повиновались — такое ощущение, что внутренности были пропущены через блендер. Цепляясь руками за мраморный пол, я попробовал ползти — среди падающих сверху камней. Совсем рядом от меня стояла статуя Зевса, на котором были вполне настоящие доспехи, а в руке молниеносное копье, вдоль стен расположились младшие боги, также в доспехах и с многочисленными артефактами — и этой экипировкой можно было невозбранно пользоваться. Но я сейчас до них даже доковылять бы не смог.

Боковые двери зала вдруг распахнулись, и в дымке пыли появились три серых фигуры тевтонов, тут же отшатнувшихся от рванувшихся к ним файерболов — запущенных появившимися в Ротонде с другой стороны британцами.

— Черт, — выдохнул я и полностью не поднявшись на ноги, почти на четвереньках, то и дело цепляясь руками за мраморный пол, из последних сил устремился к центру зала Ротонды. Здесь, как и в первоначальной версии Капитолия, в полу было широкое круглое отверстие, через которое проглядывал горящий этажом ниже — в крипте — огонь Весты. На который я в последнем рывке — из положения полулежа, проломив невысокое ограждение, и приземлился, инстинктивно вскрикнув от страха. Но огонь не нес никакой боли — наоборот, упав на пламя, я вдруг почувствовал, как наполняюсь невероятной энергией.

Погрузив ладони в самое сердце пламени, я потянул силу в себя и моментально по ощущениям словно стал крупнее и вышел ростом, рывком поднявшись. Вечный огонь, расположенный в четырехлучевой звезде посередине низкого зала крипты, сейчас едва теплился — словно я вытянул из него всю силу. В правой руке у меня оказалось удивительное оружие — к вытянутой гладкой эбонитовой рукояти крепился хлыст из длинной цепи, которая от толстых звеньев переходила к совсем маленьким, а конец кнута был увенчан шипастой лапой.

«Цепной кнут?»

В Парфеноне, куда высаживалась Адель, были статуи Афины

и Посейдона с божественными артефактами, доспехами и оружием. В Белом Доме также имелись статуи двух божеств — Аида и Гекаты. В Пентагоне, кроме Марса и Артемида, были доспехи и оружие героев и полубогов Ахилла, Персея и Геракла. В Капитолии полубогов не имелось, зато присутствовали сразу три божества — Зевс, Либертас и Гефест. Но кроме того, в знаковых сооружениях имелись места силы: в Капитолии — Огня, в Парфеноне — Воды, в Пентагоне — Воздуха, и место силы Земли рядом с обелиском Вашингтона у Белого Дома.

И именно огонь Весты представлял собою средоточие силы стихии огня здесь, в Капитолии — которая, вытянутая мною практически полностью, совершенно неожиданно трансформировалась в столь удивительное оружие.

Впрочем, на мысли и воспоминания времени не было — сверху, у ограждений верхнего зала Ротонды, появилась серая фигура. Размахнувшись, я запустил файербол левой рукой — доспех духа на тевтоне был сильный, заклинание выдержал, но от удара его унесло вверх — ударив в стену на большой высоте.

Где-то там сверху падала кровля и фрагменты разрушенной фрески, бушевали заклинания и гремели сталкивающиеся силы, а я, пока не видя близкой опасности, для пробы взмахнул кнутом. Круговой оборот, бросок рукояти вперед и резкое возвратное движение в ожидании привычного хлопка. Но результат превзошел все ожидания — цепь живой змеей рванулась вперед, неожиданно удлиняясь и объятым пламенем железом стеганула по колоннам и потолку, оставляя широкий шрам разрушенной кладки и пеньки от срубленных колонн.

От моего неожиданно сильного удара часть потолка крипты покосилась и рухнула. Увидев перед собой в клубах пыли знакомую красную униформу, я машинально ударил левой рукой, целясь в длинное и вытянутое не очень симпатичное лицо. Кулак защиту молодой британки не пробил, но вдруг с моего запястья, опять наливаясь плотью, сорвалась увеличивающаяся треугольная приплюснутая голова и легко преодолев чужой доспех духа, змея-симбионт за долю мгновения превратила голову девушки в кровавую кашу.

Судя по всему, бурлящая во мне энергия усилила и мою спутницу из преисподней — меньше мгновения Эйлин потребовалось на то, чтобы материализоваться, атаковать и вернуться обратно в состояние браслета. А мне необходимо было целых две секунды, чтобы осознать происходящее. И выругавшись на самого себя — осознав, что сильно увлекаюсь ненужными мыслями, я забежал наверх по обломкам рухнувшей части потолка. После чего вовремя упал на пол, пропуская над собой

пучок молний, с грохотом разнесший одну из стен вместе с кем-то из британцев.

Передо мною стоял Зевс. Самый натуральный — золотые доспехи, густая курчавая шевелюра, распахнутый в ярости рот и искрящееся молниями копье. Единственное, кожа у Зевса была непривычно черная — но это не мешало ему активно повелевать силой грозы. Вскочив на ноги, я, повинуясь наитию, рванулся в сторону. Очень вовремя — на то место, где только что стоял, обрушились сложившиеся перекрытия вместе со статуей богини Свободы, венчавшей купол. Часть Ротонды осталась невредимой, а восточная стена и оба купола — внешний и внутренний — оказались практически разрушены. Не только из-за моего невольного тарана — в основном центральная часть Капитолия была многочисленными заклинаниями, которыми меня пытались сбить на подлете.

Между тем за спиной Фреда, который хохоча от осознания невиданной силы, метал молнии, добивая тевтонов и последнего британца, маячил Принс, поддерживающий защитную сферу. Он был вооружен необычным — на длинной рукояти — молот в руке.

— Воу-воу! — только и воскликнул Принс, когда я один за другим швырнул ему снятые с воткнувшейся головой в пол статуи богини щит и шлем. Надев который, Принс тут же стал похож на индейца майя в декорациях киберпанка — на греческом шлеме богини топорщился шикарный плюмаж из разноцветных перьев, что вкупе с бело-золотой формой придавало парню достаточно экзотичный вид. Облик его, в отличие от вида Фреда, не поменялся — тот, став обладателем сразу всех принадлежащих Зевсу артефактов: брони и молниеносного копья, — совершенно видоизменился внешне. На нем теперь были полные доспехи, украшенные искусной гравировкой в виде плетения молний. Но на невольных спутников я внимания уже не обращал — выбежав на улицу, миновав сорванные с петель двери, оказался на широком парадном крыльце.

С панорамы капитолийского холма открывался удивительный вид на Новый Вашингтон — освещенный сейчас многочисленными вспышками бушующей на земле магической бури повсеместных яростных схваток.

В районе Белого Дома клубилась многочисленными смерчами самая настоящая мгла, заворачиваясь и сталкиваясь с невиданным остервенением. Пятиугольное здание Пентагона освещалось многочисленными взрывами, то и дело изнутри вместе с каменным крошевом вылетали фейерверки заклинаний и дымные кометы поверженных героев. Далеко впереди — вдоль прямой как стрела широкой аллеи возвышался Обелиск, — рядом

с которым пока не было заметно какого-либо движения. Зато дальше — там, где возвышалось увенчанное колоннами величественное здание Парфенона, — вились водяные смерчи, сталкиваясь между собой и рассыпаясь взрывами невиданной силы.

Еще пару минут назад чистое небо уже закрывали низкие тучи, словно наполненные силой. Густая пелена фиолетово-лиловых облаков висела так низко, что на них отражались отблески самых сильных заклинаний. Тучи были частью механизма кольца поражения — спускаясь все ниже к земле, они должны были постепенно накрывать одну за другой зоны, уменьшая пространство для маневра и ускоряя встречу выживших в битве всех со всеми.

Мгновение на раздумье — и, едва заметив движение, я обернулся, взмахнув хлыстом. Плеть из цепи, удлинившись огнем пламени, хлестнула по зарослям кустов, превратив в живой факел скрывающегося там атланта из Сапфира. Еще один резкий взмах — и змея хлыста, пройдясь по парку, свернулась кольцами в моей руке. Не обращая больше внимания на происходящее за спиной — где с грохотом рушились стены Капитолия, разрушенного молниями Фреда, — я побежал в сторону Обелиска, стараясь держаться ближе к зарослям кустов по краям аллеи. Впрочем, почти сразу попытки не выделяться пришлось оставить — следом за мной бежали Фред и Принс, сверкая золотом доспехов.

К тому моменту, как я преодолел чуть больше километра, отделяющих Капитолий от Обелиска в центре острова, буйство тьмы над Белым Домом уже утихло — зато над Пентагоном слева и Парфеноном впереди враждующие стихии бушевали все сильнее.

У Обелиска было тихо и спокойно. Здесь высадка производилась второй очередью и, видимо, все группы сразу планировали в сторону Пентагона, подлетное время падения к которому было примерно равно времени появления тех, кто высаживался в четвертую очередь, но ближе к пятиугольному строению. Все происходило, как и предсказывал Радагаст, рассказывая о планируемом ходе состязания вчера вечером.

Вдруг неподалеку раздался громкий хлопок встретившихся заклинаний и жуткий вой, от которого кровь стыла в жилах. Справа — чуть поодаль от меня, — оставляя за собой глубокий след в земле, пролетел знакомый персонаж. Синего мундира на нем не было, а когда-то богатые, несомненно божественные доспехи казались словно изъеденными кислотой, в многочисленных прорехах мелькали ужасные раны.

С рычанием, от которого по спине побежали мурашки, на

упавшее тело набросился ужасающий трехголовый пес, принявшийся терзать Черного Герцога кинжальными клыками. Удерживал он жертву двумя головами — третья в это время смотрела на меня немигающим взглядом горящих алых огнем глаз, ярким контрастом выделяющихся на фоне подернутой испарениями мрака густой шерсти.

Хозяйка пса появилась рядом, материализовавшись вспышкой телепортации в клубе серой мглы. Я напрягся было, но после резко вскинул руку с открытой ладонью — жест предназначался больше для моих спутников. Похожим движением Клеопатра остановила сопровождающую ее Марию — девушку, с которой мы встречались в четвертьфинале турнира новичка, — сейчас едва заметно мне кивнувшую. Третьего из партии Клеопатры не было — наверное, потеряли в процессе разрушения Белого Дома: как Лера и обещала, на месте особняка в паладианском стиле дымились живописные развалины.

Сама Клеопатра выглядела ужасающе. Ужасающе прекрасно, я бы даже сказал — она, как и Фред, надела весь божественный комплект, и ее черно-золотая форма видоизменилась под доспехи: практически обнаженную грудь перехлестывали два широких ремня, на которых были закреплены наплечники в виде ощерившихся чудовищных морд клыкастых монстров; на талии у девушки был широкий пояс с большой пряжкой в виде оскаленного человеческого черепа, из-под которого спускалась длинная юбка, сотканная из клочьев темного пламени, сквозь которые проглядывали длинные аппетитные ножки в высоких сапогах. На запястьях темнели широкие браслеты с угловатой вязью узора, в руках она держала длинное древко глефы, лезвие которой исходило клочьями мрака.

— Волкова видел? — поинтересовалась Клеопатра.

Я отрицательно покачал головой, Лера — сразу потеряв ко мне интерес, махнула оставшейся с ней девушке, и они вместе легко побежали в сторону Пентагона, где в составе первой группы должен был высаживаться капитан из Федерации, которого Клеопатра страстно желала убить собственноручно.

Пес оглядел нас взглядом сразу трех голов — одна смотрела на меня, две других на Фреда с Принсом, а после взрыхлил лапами землю, побежав следом. Парни только проводили взглядом удаляющуюся группу Эмеральда, вопросительно глядя на меня.

Обернувшись, я посмотрел было на них, но всего лишь на краткое мгновение. И только увидев длинное — больше полутора метра в размахе — крыло, вспомнил, что не снял широкий воротник. И в тот момент, когда поднял ладонь, крыло

расправилось жестом, адресованным держащимся позади спутникам.

«Очень странно. А почему они еще работают? Не должны же».

В этот момент, отвлекая меня от мыслей, впереди — там, где на берегу падающей бездну реки находился прямоугольный Храм Афины и Посейдона, закружились два ужасающих смерча. Столкнувшись, они взорвались с такой силой, что белые колонны храма разлетелись в стороны, словно спички.

Небо расчертили широкие ветвистые молнии, и стало заметно, как тучи опускаются к земле все ближе, готовясь поглотить мглой первую зону ставшего ареной для битвы молодых богов острова.

И где-то там, среди разгула бушующей стихии, сейчас находилась Адель — которая должна выиграть в Битве. Именно это и являлось первым вопросом, который очень волновал Радагаста — победа юной француженки была для него неимоверна важна, он этого совершенно не скрывал.

Повесив свернутый кольцами цепной хлыст на пояс, я повернулся к спутникам.

— Ждите здесь. Скоро вернусь.

Увидев озадаченные взгляды, я расправил второе крыло и взмахнул руками. Из-за опаски остаться на месте сделал это слишком сильно — меня подбросило вверх словно подкинутого катапультой. Расправив руки, я сделал еще несколько взмахов — с каждым из которых словно скачком перемещался через пространство, так что руины Парфенона приближались невероятно быстро.

Глава 29. Баронесса М

За несколько взмахов крыльев я оказался под самыми облаками, сгущавшимися над буйством магических смерчей, разрушивших прямоугольный величественный храм, вокруг которого на зеленой траве виднелись многочисленные тела погибших атлантов. С замиранием сердца я нашел взглядом фигурку в белоснежной форме — но пригляделся и понял, что погибшая девушка чернокожая.

Адель обнаружилась в самом центре разметанных вихрем остатков храма — она сошлась в истинно божественной битве со стоящей соперницей. Это была представитель Сапфира — графиня Анна-Маргарита, юная копия Ребекки. Ее синяя униформа превратилась в полупрозрачную пелерину платья — сейчас намокшего и подчеркивающего каждый изгиб фигуры. Из доспехов на ней был только серебряный горжет и широкие браслеты, украшенные крупными драгоценными камнями, сверкающими так, что вся облепленная мокрой тканью девушка была озарена ровным голубым светом.

Напротив нее, упав на одно колено, защищаясь от атаки водяного смерча, была зажата в углу Адель. От ее униформы тоже не осталось и следа — тончайшее белое платье на груди прикрывал золотым корсетом панцирь, на руках и ногах у француженки были широкие браслеты. Защищалась она овальным щитом, в центре которого ярилась в оскале голова с живыми шевелящимися змеями, а смотрела на противницу сквозь прорези закрытого шлема коринфского типа, из-пол которого на плечи волной лились золотые волосы.

Француженка смогла найти полное облачение богини Афины — но судя по всему не добралась до источника места силы стихии Воды, которой оперировала сейчас ее противница, облаченная в доспехи Посейдона. Анна-Маргарита, вооруженная трезубцем, воткнув его в землю, в этот момент вызвала сразу три водяных смерча, появившихся с разных сторон и убийственной массой обрушившихся на хрупкую белоснежную фигурку француженки. Однако Адель удивительно легко выскользнула из зоны поражения и, приняв на щит несколько водяных стрел, легко побежала к противнице, перепрыгивая с камня на камень. В подскоке взмахнула копьем — с него сорвался тонкий убийственный луч, глубоко взрезавший землю и остатки колонн, оставляя за собой дымящийся след.

Анна-Маргарита отпрянула, но почти сразу взмахнула

трезубцем, формируя высокий — в два человеческих роста — бурлящий вал, направила его на Адель. Я в это время в стиле падающего камня рухнул вниз. И, расправив крылья, затормозил так резко, что перед глазами появилась багровая пелена перегрузки. Кроме этого, неосторожное движение рукой — и меня бросило в сторону на одну из колонн. Девушка, за спиной которой я приземлился, это заметила, оборачиваясь, но цепной хлыст уже обвился вокруг нее, вспыхнув огнем. Анна-Маргарита закричала, рванувшись — ударив трезубцем в землю, она исчезла в водяном водовороте, который покатился прочь, а отброшенной силой стихии мой хлыст змеей взвился в воздух. И в этот момент мне пришлось вскинуть руку — водяной вал, направленный на Адель, схлынул, и полностью закрывшаяся за щитом девушка взмахнула копьем. Левой рукой я сотворил защитную сферу, полыхнувшую ослепительной вспышкой и прогнувшуюся под атакой божественного копья. И меня словно вдавило назад — сметая спиной каменные обломки стены, я вылетел из руин Храма.

Адель почти сразу оказалась рядом — в глазах девушки мелькнуло удивление и смущение. Заметив, как я поднялся, она отвернулась, провожая взглядом рассыпавшийся поодаль водяной смерч — и один за другим с наконечника ее копья сорвались световые стрелы в сторону сбежавшей противницы. Воды реки в это время забурлили, поднимаясь штормовыми волнами, засвистел ветер — и вышедшая из берегов река покатила на руины Храма — кольцо поражения начало сужаться, уменьшая площадь острова.

— Бежим, — уже поднявшись на ноги, потянул было я за собой Адель, но вовремя отдернул руку, когда одна из змей на щите едва не впилась в нее ядовитыми клыками. И сразу столкнулся взглядом с прикрепленной к щиту головой Медузы Горгоны, открывшей рот в беззвучном яростном крике и вращающей белесыми глазами, вместо волос которой вился пучок змей.

— Мне нужна сила, — удивительно звонко крикнула Адель сквозь уплотнившийся воздух и побежала в центр храма, где бил небольшой фонтан — несмотря на неказистый вид, просто кипящий энергией.

На храм между тем накатывали злые волны, сквозь которые вдруг прорвались длинные щупальца приближавшегося из пустоты иномирья чудовища. Одно из них я обрубил хлыстом, второе рванулось к француженке — но отпрянуло перед выставленным щитом. Адель опустилась на одно колено перед источником силы и, положив рядом копье, погрузила в него руку,

забирая энергию.

Ветер взвыл так, что меня едва не сбивало с ног, — в бушующих вокруг Храма волнах я увидел оскаленных морских сирен. Обладая совершенными формами в верхней, человеческой, части фигуры, обитатели пучины пугали рыбьими хвостами и оскаленными клыкастыми лицами — пасть каждой из них сделала бы честь любой акуле.

Змеясь и обвиваясь вокруг Храма, из пучины поползло третье щупальце, вновь перерубленное взмахом моего хлыста — но следом появились согбенные фигуры, голые, с перепончатыми лапами, вооруженные корявыми копьями. Их было много, и десяток уже оказался совсем рядом.

Я раскрутил хлыст над головой и круговым движением поставил огненные стену так, что мы с Адель оказались словно в огненном колодце, сквозь стенки которого тут же вывалилось несколько обугленных фигур. Девушка вскочила на ноги — губы ее тронула довольная улыбка, а глаза зажглись ярким магическим огнем.

— Надо уходить, — крикнул я, расправляя крылья, взглядом прося девушку подойти. Она посмотрела на мои крылья, и помотав головой показала наверх — где совсем низко, на высоте едва десяти метров над нами клубилась облачная мгла. Сквозь которую были видны уродливые ноги и крылья сирен, парящих в опускающейся облачной дымке, не выходящей за ее пределы.

— Туда нельзя, — звонко произнесла Адель, подбегая ближе, — я не уверена, что получился, но можно попробовать сделать…

Что она хотела сделать, я не расслышал — стены пламенного колодца истончались под ударами воды, все больше горящих фигур выскакивало из него, тут же опадая на пол. Но если первые нападавшие рыболюди сразу рассыпались прахом, то сейчас многие даже делали с десяток шагов, прежде чем упасть — пламя уже не действовало на них с такой силой. Вдруг стена огня истончилась, и прямо на меня рвануло огромное щупальце, отраженное защитной сферой, а после одернувшееся от луча света, сорвавшегося с копья француженки.

Рыболюди, нахлынув словно волны, из которых только что вышли, побежали сквозь пламя сплошной массой. Часть из них была остановлена силой копья, часть просто превратилась в осыпающееся крошево уродливых статуй, замерев от воздействия активированного щита Адель, — голова Медузы Горгоны, прикрепленная к нему, превращала любое существо, взглянувшее на нее, в камень. Что, скорее всего, не действовало на избранных, героев и детей богов — всплыла фраза из описания большинства

законов новых миров.

Оглянувшись сквозь истончавшийся огонь, я увидел, что мы находимся на пути огромной волны, катящейся к нам со стороны широкой реки.

— Садись! — крикнул я француженке и упал на колени. В камень пола ударили уже когти — и, увидев мелькнувшее перед глазами приятные формы бедер запрыгнувшей на меня Адель, я рванул когтями поверхность, выбегая из храма.

— Ух ты! — крикнула мне прямо в ухо девушка, взволнованная и изумленная происходящим. Я мчался сквозь бурлящие волны, широкими прыжками перепрыгивая по каменным обломкам храма, стремясь к полоске земли. Почувствовал, что Адель прижалась всем телом — она легла на живот и обняла локтями меня за шею — не держась за шерсть, потому что в руках у нее были щит и копье.

Пронесшись вихрем среди бушующих накатывающих волн, уклоняясь от преследующих щупалец, я выскочил на чистую землю — клубящаяся мгла падающих с неба облаков и бушующая вода осталась позади. Пропетляв между раскидистых хвойных деревьев парка около полукилометра, я начал замедлять бег.

— Это было… великолепно, — прошептала мне на ухо Адель и легко спрыгнула на землю, по инерции пробежав еще несколько шагов. Усилием воли я потянулся ввысь, вставая на задние лапы, возвращаясь к прямоходящему состоянию — но, потеряв координацию, покатился по земле, негромко выругавшись от конфуза. Вскочив, коротко посмотрел на Адель — до сих пор блестевшую наполненными огнем магической силы глазами, и мы бегом направились к опушке, за которой виднелся белый обелиск.

Выскочили в тот самый момент, когда голова — в золотом шлеме Зевса, — отделенная от тела, покатилась по земле, а с неба в его копье попала толстая, словно ствол крупного дерева, молния, испепеляя божественное оружие. Труп Принса, перерубленный почти пополам, лежал поодаль, как и десяток других тел в самой разной униформе, среди которой было немало красных мундиров Амбера.

Снесшая Фреду голову пепельноволосая девушка в момент удара молнии исчезла в дымном облаке и материализовалась в десятке метров, держа наготове парные изогнутые эльфийские скимитары, сочившиеся кровью сквозь легкую серую дымку. Девушка напоминала призрака — на ней были багровые облегающие доспехи, подернутые серой пеленой, в которой то и дело виднелись алые языки дымного пламени — отблеск используемой магии крови.

Это была леди Мортимер из Амбера — вспомнил я список

участников, глядя в красивое и узкое совсем юное лицо с угловатыми, немного лисьими чертами. Неестественно большие глаза британки полнила тьма, а губы исказила угрожающая улыбка. При всей своей невинной красоте выглядела дева-воительница устрашающе — от нее исходила аура смертельной опасности — и тут я вдруг понял, что вполне возможно это и есть та самая «баронесса М.», с которой знаком Бургундец.

Мы с Адель двинулись в стороны, глядя на британку, готовясь атаковать. Баронесса вдруг снова исчезла в дымке и вынырнув из скачка телепортации, стремительно пробежалась — так, что между нами оказался массивный обелиск. Мы с француженкой разошлись уже достаточно и, переглянувшись, продолжили отдаляться, чтобы быть от британки по разные стороны. А она вдруг взмахнула мечом, возводя красную сферу защиты, взорвавшуюся с ослепительной вспышкой, и исчезла. Адель лишь в самый последний момент успела закрыться за щитом, отбивая атаку загоревшегося багрянцем меча. Почти сразу она ударила копьем в ответ, но баронесса, изогнувшись в невероятном кульбите, чудом ушла от полыхнувшего сиянием наконечника и, оттолкнувшись от древка копья противницы, взмыла в воздух.

Навстречу ей метнулась огненная плеть цепи, которую британка отбила мечом и, вновь оттолкнувшись от атакующего оружия, в очередном кувырке прянула в сторону, почти сразу исчезнув в тонкой дымке трех телепортаций, уклоняясь от взвихрившегося из земли водного смерча и целой череды сорвавшихся с копья смертоносных лучей.

В тот момент, когда баронесса приземлилась на землю, застыв в настороженной позе, я понял, что время для всех троих текло не так, как обычно — стороннему наблюдателю столь яростное столкновение предстало лишь чередой едва видных глазу росчерков.

Мы сейчас оказались друг от друга примерно на таком же расстоянии, как и в самом начале — перед первым скоротечным столкновением. Я, коротко глянув в сторону, заметил, как темная пелерина облаков уже ускоряется, двигаясь с запада, протянувшись по окружности острова к зоне с Белым Домом.

Баронесса вдруг широко — без веселья, но с угрозой — улыбнулась и мягким шагом двинулась боком, отдаляясь от меня и вновь приближаясь к Адели. В момент, когда вспыхнула очередная кровавая сфера, я сам сорвался в телепортацию, рванувшись к баронессе, и только увидел перед глазами ультрамариновую вспышку телепортации, как нос к носу столкнулся с британкой, врезавшись в нее со всей силы рывка. Машинально ударил головой ей в лицо, рукоятью кнута отбивая

первый меч, а левой зажимая второй, который скользнул по доспеху духа. Британка — как и я, знала толк в неблагородных драках — в тот момент, когда я зарядил ей в нос головой, девчонка ударила меня коленом в пах.

Доспех духа спас, но от удара я отлетел на несколько метров, поднявшись в воздух, а баронесса отшатнулась, ошеломленно пятясь. Я взмахнул кнутом, разгоняясь, хлыст щелкнул, а когтистое оголовье свистнуло к баронессе — однако та вдруг сделала сальто назад и, отбив мечом когтистый наконечник хлыста, исчезла в дымке телепортации, пронзенной сразу несколькими световыми стрелами Адель.

— Эжен! — вдруг закричала француженка, и я сам сорвался в скольжение двух телепортаций, уходя в сторону. Обернувшись, увидел, что за моей спиной — там, где я раньше стоял, — появилась Клеопатра.

Выглядела она несколько потрепанно — один из наплечников сбит набок, на белой коже плеча краснели широкие рубцы. Впрочем, некоторая разодранность добавляла образу богини мрака пикантности — к тому же глаза Леры задорно блестели, а сама она широко улыбалась. И, обращая наше внимание, показала своей широкой глефой вперед, где на противоположной площади с обелиском можно было увидеть выходящую из рощи Анну-Маргариту. Тоже потрепанную — платье ее в нескольких местах было порвано, на коже виднелись кровоподтеки, но синие камни по-прежнему блистали сиянием магии, а вокруг трезубца Посейдона вихрилась водная взвесь.

Так получилось, что я сейчас стоял напротив Адели — нас разделял обелиск, — и француженка отступила чуть назад, настороженно глядя по сторонам. Справа от меня в призрачной дымке находилась опасная как сама смерть баронесса, держа наготове сочащиеся кровью парные мечи, слева осматривалась Клеопатра — происходящее явно доставляло ей удовольствие. Между Лерой и Адель — дальше всех от обелиска, бывшего сейчас словно центром окружности, — стояла Анна-Маргарита, приходя в себя, после того как смогла выбраться из кольца поражения, наполненного сонмом морских чудовищ.

Некоторое время мы все впятером стояли, настороженно присматриваясь друг к другу. Тот, кто сейчас атакует первым, подставит спину — остальным будет выгодно убрать конкурента. И в то же время троим — Клеопатре, Анне и баронессе — необходимо справиться с нами двумя, разбивая преимущество.

В этот момент облако, которое клубилось над тем местом, где раньше стоял Белый Дом, очень быстро поползло вдоль окружности острова, разгоняясь и приближаясь к

Капитолийскому холму. Клеопатра, я, Адель и Анна проводили опускающееся на землю небо глазами — и лишь британская баронесса, за спиной которой происходило действо, напряглась, не рискуя обернуться по направлению наших взглядов. Мглистая пелена облаков между тем, все ускоряясь, прокатилась волной по северной части острова и, двигаясь к западной части, поглотила Капитолийский холм. Судя по всему, кольцо поражения ускорилось — из-за того, что нас осталось всего пятеро из семидесяти пяти участников, и рвущаяся из иномирья морская пучина и тьма туч поглощала пустые сейчас части острова.

Я почувствовал сильное эхо чужих эмоций и, едва обернувшись, столкнулся взглядом с Клеопатрой.

— … ты, [черт], не слышишь, что ли? — уловил я эхо ее эмоций.

— Слышу, — мысленно ответил я.

— Я убираю селедку, а ты со своей телочкой вдвоем убейте эту… — дальше шла достаточно грязная характеристика британки, к которой Клеопатра испытывала откровенно негативные чувства. — Готов?

Мглистая пелена облаков уже хороводом двигалась вокруг острова, закручиваясь все быстрее и быстрее. Лишь мельком глянув на низкие, опустившиеся к самой земле тучи, я отвел глаза, будто оказался на мчавшейся с невероятно скоростью карусели.

Судя по всему, остров был полностью поглощен кольцом поражения — и мы теперь находились в единственно спокойном месте, подобном оку бури, зоне в центре тайфуна.

— Готов, — ответил я мысленно Клеопатре, и она вдруг сорвалась с места, черной стрелой метнувшись в сторону Анны-Маргариты.

— Адель! — взмахнув кнутом, закричал я, одновременно с ударом показывая француженке на британку. Мортимер прыжком ушла от удара цепной плети и в несколько скачков телепортаций избежала атак Адели, стремительно подбежав к француженке. Вдруг на ее пути возникла ледяная стена, в которую британка врезалась с глухим стуком. И вовремя откатилась в сторону — огненный хлыст оставил широкий дымящийся шарм на земле в том месте, где только что была девушка.

Перекатившись, несколькими кульбитами, уходя от атак, британка бросилась петляя телепортациями в мою сторону — как вдруг ее подкинуло высоко вверх на вырвавшихся из земли ледяных шипах. Я перекинул кнут в левую руку и по наитию взмахнул крыльями, взмывая в воздух, поднявшись рывком сразу на десяток метров, и в скачке телепортации оказался рядом с

британкой.

[Вот черт!] — прочитал я по ее губам, когда та увидела меня рядом. От неожиданного русского ругательства я на мгновение замешкался и опоздал на долю мгновения — объятый пламенем кулак прошел сквозь серую дымку исчезнувшей в пространстве баронессы. Падая, я резко крутанул кнут вокруг себя, копя энергию — и, увидев поодаль серую тень среди падающих с неба ледяных глыб, которыми Адель пыталась достать британку, взмахнул рукой. Наверное, я все же немного переборщил — огромный, выросший на десяток метров смерч, сорвался в сторону баронессы. Расширяясь, пламя вспыхнуло и прянуло в стороны, выжигая широкую просеку метров на двести вперед, исчезнувшую в сужающейся воронке надвигающейся бури.

— Ты ее видишь? — сдержанно поинтересовалась Адель — она как-то неожиданно оказалась рядом, и мы теперь стояли спина к спине.

— Не вижу, — ответил я, покачав головой, рассматривая выжженную землю с дымящимися остовами деревьев.

Поодаль раздался пронзительный крик — коротко обернувшись, я увидел, как объятая клочьями мрака Клеопатра бежит к противнице— в спину которой, вернее в место чуть ниже, вцепился трехголовый пес. Цербер напал сзади, что явно стало для австрийской графини неожиданностью. Совсем по-девичьи — пронзительно и испуганно — закричав, Анна-Маргарита упала, попыталась отмахнуться трезубцем, но возникшая рядом в клочьях мрака Клеопатра отбила его глефой и, перехватив древко, вонзила оружие в грудь упавшей противницы. Рассыпался уничтоженный доспех духа, и на месте гибели Анны-Маргариты взвихрился водяной столп, прянув взвесью, а тело девушки — как и доспехи Посейдона на ней — исчезло.

Глава 30. Апофеоз

Мы с Адель переглянулись и чуть разошлись в стороны, обходя обелиск, наблюдая за довольной собой Клеопатрой и периодически оглядываясь в поисках баронессы.

Британка, впрочем, скорее всего погибла в кольце поражения — рядом ее видно не было, а по периметру площади вокруг обелиска клубилась мгла. Мы втроем остались в безмятежной воронке посреди бури — диаметр спокойного круга составлял не более пары сотен метров, вращаясь вокруг обелиска.

«Где эта тварь?» — полыхнув крыльями мрака за спиной, поинтересовалась у меня мысленно Клеопатра. При этом она настороженно осматривалась и двигалась мягким боковым шагом, стараясь равноудалиться от меня и Адели.

— Ушла, — беззвучно ответил я и едва заметно качнул головой, показывая на пелену кольца поражения.

Лера грязно и нелестно выругалась, явно расстроившись, что британка оказалась непобежденной. И вдруг широко улыбнулась и заговорила, звонко и громко:

— В Битве участвовало пять троек Диаманта, которые поддерживали друг друга, работая на командный результат. И одна группа из цитадели Эмеральд, — обозначила полупоклон Клеопатра, обозначая свои заслуги. — Вы можете сейчас попробовать победить меня вдвоем, — вновь обворожительно открыто улыбнулась она, — а можете дать шанс проявиться королевской справедливости.

— Я согласна, — чарующим голосом откликнулась Адель, ответив Лере не менее обворожительной улыбкой.

Быстро стрельнув глазами в сторону девушек, я понял, что сдаться предлагается мне. Взглянув на Адель, увидел величественный кивок и, подумав мгновенье, спорить не стал, направившись к Клеопатре. Приблизившись — я, как и Радагаст передо мной на турнире совсем недавно, опустился на одно колено. Объятое клочьями мрака лезвие глефы коснулось моей шеи чуть выше стойки воротника.

— Спасибо, мой хороший, — мысленно послала мне воздушный поцелуй Клеопатра, подмигнув.

Кивнув, я поднялся и быстрым шагом направился к Адель. Оказавшись рядом, начал было опускаться на колено и перед ней, как вдруг француженка скользяще шагнула вперед, и я почувствовал ее влажные губы. Все произошло невероятно быстро — мимолетный поцелуй и случайное объятие, из которого я

невольно вывернулся, оказавшись на одном колене перед девушкой.

— Благодарю тебя, мой дорогой, — кивнула Адель и легко коснулась наконечником копья моей шеи точь-в-точь в том месте, где остался тонкий порез от глефы Клеопатры.

— Собачку бы убрать, — звонко произнесла Адель, дернув подбородком в сторону трехглавого чудовища.

— И медузу тогда, — в тон ей ответила Клеопатра, указав взглядом на оскаленную живую голову на щите Адель.

Француженка кивнула и, не торопясь, отошла на десяток шагов, медленно присев, не отводя взгляда от противницы и положив щит на землю. Коснувшись его длинным лезвием копья, она на миг замерла — и вдруг артефакт исчез, а на площади вокруг обелиска раздался ужасающий вой исчезающей медузы. Щит словно растворился в воздухе, превратившись в сияющую энергией ленту, обвиваясь вокруг копья Адель.

Клеопатра внешне никак не подзывала к себе пса, но трехголовый цербер — дисциплинированно сидевший в стороне — вдруг сорвался с места и оказался рядом с хозяйкой, преданно заглядывая ей в лицо тремя парами горящих огнем глаз. Лера коснулась пса острием оружия, и он — как и щит с медузой минутой раньше — истончился в клочья мрака, взвихрившись вокруг древка глефы. Только жуткий вой, от которого кровь стыла в жилах, пронесся над площадью.

Я, то и дело оглядываясь по сторонам, опасаясь появления британки, тела которой так и не увидел, отошел подальше от места грядущей схватки.

Адель и Клеопатра застыли друг напротив друга — между ними, чуть в стороне, сейчас находился обелиск. В отличие от Сакуры или Юлии — до того, как она совместила в себе боевую и стихийную магию, обе противницы были чистыми магами, оперируя силой стихий. Оружие им обеим только мешало бы, проходи поединок в других условиях. Но сейчас, когда обе получили божественные артефакты — Адель копье Афины, а Клеопатра глефу Аида, — они обе уже могли оперировать как стихийной магией, так и боевой.

И последние секунды затишья, как я полагаю, девушки решали, какую тактику применить в предстоящем поединке — потому что сила, которой они могли оперировать сейчас, внушала — я кожей чувствовал напряжение магической энергии. И если Адель забрала энергию воды в источнике Парфенона, то природу силы Клеопатры я угадать не мог. Она, как и Адель, обычно пользовалась стихией воды — но клубящийся вокруг девушки чернотой мрак явно указывал, что она заполучила силу

неприродной стихии.

Причем я понимал, что Клеопатра оперирует точно не силой тьмы, смерти или крови — из лекций помнил, что ее тело просто настроено на природную стихию и не может столь быстро перестроиться на другую магическую силу. Вода ведь живая, а…

При мысли о живой воде я тут же понял, в чем дело — ведь существует не только живая вода, но и мертвая. Именно поэтому Клеопатра, будучи магом водной стихии, надела божественные доспехи Аида или Гекаты и получила столь серьезную силу и смогла столь легко трансформировать божественную энергию, сопрягая ее со своей стихией — пусть после этого вода и стала мертвой.

Сейчас, новым взглядом посмотрев на девушек, я удивился — как не догадался сразу?

Они были словно две противоположности — тонкая и хрупкая белокурая фигурка полуобнаженной Адели выделялась ярким пятном на фоне водоворота мглистой бури. Ее белоснежное воздушное платье больше скрывало, чем подчеркивало — казалось оно держится только благодаря прижимающему корсету доспеха. Француженка была словно озарена светлым сиянием, в котором виделись голубоватые нотки магической силы стихии.

Клеопатра была пониже Адель, и ее черные прямые волосы стягивались в хвост за спиной — в отличие от прижатых шлемом локонов француженки. Платье Леры так же мало что скрывало, а ремни, крест-накрест перехлестнутые через грудь, только подчеркивали выдающиеся формы девушки — намного более выразительные, чем у худощавой француженки. Клубящийся над наплечниками с оскаленными мордами и широким поясом мрак был разбавлен голубоватым оттенком силы — но не освещая, а наоборот, затемняя и придавая холода молочно-белой коже, видной из-под нескромного платья.

Сейчас друг напротив друга замерли словно две неделимые противоположности — свет и тьма, жизнь и смерть. И вдруг, разрушая торжественность момента, обе девушки атаковали. Клеопатра, не сходя места, взмахнула глефой, резанув по земле — и по направлению удара клинка поползла, расширяясь, трещина, из которой рванулись щупальца мрака. Адель же сорвалась с места, сверкнув прямым солнечным лучом. Проскочив через отпрянувшие клочья мрака, она, несколько раз изменив направление, уходя от наполненных тьмой стрел, обрушилась на Клеопатру широким световым веером удара. Глефа Леры вскинулась навстречу — и два оружия, столкнувшись, породили яркую вспышку. Однако свет, блеснув, был тут же поглощен

мраком, вившимся вокруг глефы.

От удара Клеопатра отскочила на несколько метров — все же она стояла на месте, а Адель била с разбега. И тут же француженка пустила веер ледяных колких стрел, которые словно завязли в прянувших перед Лерой клубах мрака защитной сферы. Адель успела прянуть в сторону в последнее мгновение — Клеопатра, воспользовавшись тем, что секунду была невидима для противницы, телепортировалась и, появившись за ее спиной, широко взмахнула глефой — если бы Адель не отреагировала, была бы перерублена пополам.

Отскочила француженка едва-едва — Лера, пользуясь ее заминкой, наносила широкие росчерки ударов — светлое копье только успевало вставать на пути объятой мраком глефы, которая вдруг врезалась в ледяную глыбу, превращая ее в мелкое крошево. Клеопатра, используя оружие как рычаг, оттолкнулась и взмыла в воздух, уходя от атаки телепортировавшейся ей за спину француженки: Адель вновь проделала рискованный прием, успех которого определяли доли мгновения — закрываясь в защитной ледяной глыбе и телепортируясь до того, как та полностью превратится в материю.

Теперь уже Адель нападала — сумерки площади чертил светлый веер невероятно быстрых ударов, которые с трудом успевала парировать Клеопатра. Вдруг она звонко вскрикнула, не успев парировать — глефа отлетела в сторону, а широкое длинное лезвие копья ударило девушке в бок. Вспышка — и ошеломленная Лера покатилась по земле. Адель, торжествующе вскрикнув, прыгнула на противницу — пригвождая ее к земле ударом копья. В тот миг, когда острие оружия француженки коснулось тела Клеопатры, поверженная девушка, развеявшись, исчезла в клубах дымки. Копье воткнулось глубоко в землю, а Адель получила удар в спину налившейся силой ледяной стрелой — хрупкую фигурку отбросило вперед светлым росчерком.

Клеопатра как оказалось, за пару секунд до этого отбросила глефу в сторону, отвлекая внимание и создавая двойника — а исчезнув сама, поймала Адель со спины. Объятая мраком глефа осталась валяться на земле, копье торчало из земли неподалеку, а Клеопатра скачком телепортации оказалась рядом с Адель. Мелькнули объятые темными клочьями мрака кулаки, и едва поднявшаяся француженка отлетела на десяток метров спиной вперед, ударившись в треснувший обелиск. Клеопатра снова исчезла в дымке телепортации, но, появившись вплотную с Адель, вдруг оказалась подброшена высоко вверх рванувшим из земли водяным фонтаном.

Француженка откатилась в сторону, приходя в себя — было

видно, что пропущенные удары едва не лишили ее сознания, и девушка отдала много сил на прямое и грубое защитное заклинание. Фонтан между тем опал, и по разверзшейся земле легко пробежала Клеопатра, запустив с двух рук ледяные стрелы. Поднимающаяся Адель вскинула руки, неуклюже отражая атаку — ее вновь отбросило на колонну обелиска. Тут же девушке в грудь ударил объятый мраком кулак, но пройдя сквозь истончившееся светом тело, врезался в камень, круша заметно пошатнувшуюся колонну. Голова Клеопатры резко дернулась — использовавшая в свою очередь трюк с обманкой Адель была у нее за спиной и, видимо, все еще приходя в себя от пропущенных ударов, не мудрствуя лукаво схватила Леру за волосы и дернула навстречу своему колену. Раздался болезненный визг, замелькали кулаки — но бурлящая в девушках сила была столь велика, что сразу после столкновения их взрывом раскидало в разные стороны.

Отлетев друг от друга, прокатившись по грязи, оставшейся после сотворенного Аделью фонтана, обе одновременно вскочили на ноги. И тут же отшатнулись прочь — между ними рухнула колонна обелиска, глубоко погрузившись в размытую водой землю. От брызнувшей грязи Адель заслонилась защитной сферой, тут же полностью скрывшись из вида, а Клеопатра даже не подумала — шагнув навстречу, она намеревалась атаковать, но неизвестно почему промедлила и замерла в полупозиции. Адель между тем избежала неожиданной атаки — убрав защиту. Почти сразу она увидела взгляд Клеопатры и напряженно застыла.

Некоторое время девушки стояли друг напротив друга, разделенные упавшей колонной. Не предпринимая никаких действий, обе, не сговариваясь, сильнее активировали доспех духа — избавляясь от налипшей на тела грязи. Через десяток секунд они стояли совершенно чистые — грязь и земля исчезла с них, отлипнув невесомыми хлопьями.

Поодаль от француженки лежала глефа Клеопатры, недалеко от русской девушки виднелось воткнутое в землю древко копья. Опять не сговариваясь, противницы двинулись боковым шагом по кругу — сохраняя между собой равное расстояние.

Клеопатра прошла совсем недалеко от меня — и чтобы освободить ей путь и не отвлекать, я отодвинулся. А обернувшись, посмотрел на все сужающийся круг мглистого водоворота — сквозь призрачную пелену виднелись крылатые бестии, на которых бешеная скорость вихря совершенно не действовала, а снизу — на земле — виднелись силуэты сжимающегося кольца строя рыболюдей, идущих вместе с прибывающей водой, поглощающей остров.

В этот момент, отвлекая, в центре постепенно сужающейся воронки вновь раздались звуки поединка — Адель и Клеопатра добрались до оружия, и закрутили бешеную карусель безумной схватки. Я только успевал следить за росчерками оружия — но теперь ни одна из девушек не рисковала при атаке, бесшабашно бросаясь крушить и добивать — обе действовали осторожно, с оглядкой на предыдущие события.

Наблюдая за поединком, я понемногу подходил ближе, удаляясь от сжимающейся воронки надвигающейся бури. По ощущениям, облако начинало двигаться все быстрее — диаметр был уже меньше ста метров, — и совсем скоро мне предстояло или подходить вплотную к девушкам или шагать в надвигающееся кольцо поражения. Оружие бога у меня есть, форма зверя тоже и… и крылья, чтобы улететь, вдруг понял я простую, в общем-то, вещь.

В этот момент в центре площади отразившая удар Адель отлетела назад и, ударившись об один из осколков упавшего обелиска, покатилась, звонко вскрикнув. Клеопатра росчерком тьмы оказалась рядом, глефа мелькнула, врезаясь в землю, но француженки там уже не было — телепортировавшись вверх, она кувыркалась в воздухе и упала вниз, замахиваясь светящимся копьем, словно молния. Клеопатра, немыслимым образом извернувшись, отмахнулась глефой, отводя копье в сторону, и девушки вновь покатились по земле. Очередная яркая вспышка — и противницы отлетели друг от друга, словно магниты с одинаковыми полюсами.

Я уже был рядом — и когда девушки вскочили на ноги, поднял руки, останавливая поединок.

— Стоять! — рявкнул я командирским голосом, понимая, что они, нацеленные на поединок, мое появление даже не заметили.

Обе дернулись, сфокусировав на мне внимание, а я жестами поманил их к себе.

— Подойдите ближе… ближе! — вновь повысил голос я.

Лера и Адель медлили, не понимая, что происходит, но я указал им на приближающуюся мглу — воронка начинала закручиваться все сильнее, почти смыкаясь над нашими головами. Девушки вдруг поняли, что поединку суждено закончиться ничьей — и совсем скоро.

Я, уже не ожидая, что они подойдут, подбежал к Адель, схватил ее за руку и потащил к Клеопатре. Взяв за руку удивленную происходящим Леру, привлек ее к себе, как и Адель.

— Ты решил умереть в объятиях с двумя… — начала было Лера.

— Держитесь! — крикнул я, расправляя крылья. По наитию

прижал девушек к себе и, только почувствовав, как они обе меня обнимают, взмахнул крыльями — те словно стали частью моего тела, и я мог управлять ими словно второй парой рук.

Под невольный визг кого-то из девушек взмыл вверх, стараясь убежать от уже стремительно схлопывающейся воронки и избегая бросившихся наперерез топорщащих когти уродливых птичьих ног сирен. Я суетливо заметался, уходя от атак — как вдруг сгустившуюся перед нами мглу начали прорезать стрелы — светлые, а через пару мгновений и черные. Обе девушки держались за меня без особых усилий — настроенный доспех духа при умении позволяет и на одном пальце висеть над пропастью — поэтому и Лера, и Адель начали отгонять атакующих сирен. Которых стало вдруг чересчур много — на нашем пути словно закрутилась живая шевелящаяся туша, через которую я летел только потому, что лучи света и тьмы пробивали нам дорогу, сжигая чудовищ десятками.

Краткий миг — и мы вдруг вырвались из плена мглистого сумрака, но я машинально продолжал махать крыльями, поднимаясь все выше. Остров, поглощенный бурей, оказался уже далеко внизу — на расстоянии не меньше километра. Отсюда была хорошо заметна форма облака в виде четырехугольной звезды — мы были над серединой острова, а значит, и в центре фигуры.

— Эжен, милый… — зашептала вдруг мне в ухо Адель. — Не мог бы ты держать меня не так крепко…

Опомнившись, я бросил короткий взгляд вниз. Мои руки на талии девушек были словно очерчены тлеющей обводкой, а на теле обеих — там, где я прикасался к девичьим телам, ярко выделялась концентрированная защитная энергия доспехов — светлая у Адель, и антрацитово-черная у Клеопатры.

— Простите, — буркнул я, ослабляя объятия. Сконцентрировавшись на движении крыльев, перестал обращать внимание на то, что по-прежнему с силой — как при самом взлете — прижимаю девушек к себе. И если бы на их месте были менее сильные чародейки, вполне возможно, над островом я поднял бы две обугленные головешки.

— Да ладно, мне понравилось, — промурлыкала в ухо Лера, улыбнувшись одними глазами.

— Поосторожней, — ответила ей вдруг Адель. Несколько двусмысленно — я был не совсем уверен, что правильно понял, что она имела в виду.

— Карета подана, — произнесла вдруг Лера, показывая на приближающуюся золотую колесницу Аренберга.

Пятерка пегасов, ведомая возницей ордена, совершила

плавный вираж, собираясь нас подобрать, как вдруг кони прянули в сторону, потому что перед ними появился спикировавший белоснежный дракон.

Адель посмотрела на сидящего в седле Радагаста, а после быстро глянула на Леру — и я почувствовал, что она не хочет оставлять меня одного в объятиях с Клеопатрой. Неожиданно, разрешая сложный вопрос, с неба упал темный, багряный дракон — в седле которого расположился мастер Бран в парадной форме русской цитадели. Я отметил, что пустой раньше гербовый щит мастера теперь был с двуглавым орлом цитадели Эмеральда — несколько переделанным и стилизованным на киберфеодальный лад орлом Российской Империи.

Девушки отпрянули от меня практически одновременно, и левитируя, заняли места позади наездников. Которые отвлеклись на мастера Аренберга — тот справился с управлением колесницы и смог втиснуться между двух драконов. Мне при этом пришлось взлететь чуть выше, пропуская колесницу.

Мастер Аренберга в этот момент пытался говорить, поворачиваясь одновременно и к Радагасту с Адель, и к Брану с Клеопатрой. Радагаст что-то ответил по-французски и заставил дракона приблизиться ко мне.

— Жду тебя в цитадели, — улыбнулся он и потянул поводья, так что дракон, расправив крылья, плавно спланировал вперед и вниз, набирая скорость на вираже — я успел только увидеть, как Адель улыбнулась и сделала мне ручкой.

Мастер Аренберг попытался крикнуть что-то ему вслед, но белый дракон уже исчез, а багряный приблизился ко мне с другой стороны.

«Господин кадет, после того как закончите в Диаманте, вас ждут в Эмеральде», — мысленно произнес Бран, глядя на меня. И почти сразу обернулся к мастеру, который на своей колеснице оказался совсем рядом, уже вслух отвечая на его вопросы:

— Как только вы покажете пункт в правилах проведения Королевской Битвы, где указано, что все артефакты подлежат возврату, полученные нашей воспитанницей божественные доспехи и оружие будут направлены Ордену Хранителей.

Оторопевший смотритель не нашелся сразу, что сказать, а Бран кивнул мне и потянул поводья — так что багряный дракон зеркально повторил маневр только что улетевшего белого, который уже был маленькой точкой вдали. И Клеопатра также зеркально повторила жест Адель, сделав мне ручкой и широко улыбнувшись.

— До Диаманта подбросите? — на русском поинтересовался я у возницы, заполняя возникшую паузу. Вокруг меня уже

кружили больше двадцати смотрителей Аренберга на гнедых, закованных в броню штатных крылатых конях ордена с красными глазами и с копытами, объятыми укрощенным огнем.

— Прошу вас, господин Джесс Воронцов, вернуть Ордену цепь Хроноса, — произнес мастер сухо, с тщательно скрываемой угрозой глядя на меня.

Сняв с пояса кнут из цепи, который был невольно соткан мною из чистого огня места силы, я слегка раскрыл ладонь и вдруг — неожиданно даже для самого себя, по наитию, потянул энергию из оружия. Осторожно и опасливо, боясь знакомой уже боли. Неожиданно отклик оказался такой, что меня словно наполнило горящей лавой — перед глазами сверкнула красная вспышка, и я потерял сознание, оглушенный.

Глава 31. Трехмерные шахматы

— Ohh Jesse Corbeau, la-la-la la la-la!

— Ohh Jesse Corbeau, la-la-la la la-la… il est petit, il est gentil, il a stoppe deux déesses, mais nous savons tous qu'il est un tricheur, Jesse Corbeau!

Вихрь из белозубых улыбок озаряющих темнокожие лица, закрутился вокруг, и я почувствовал, как меня подхватили чужие руки.

— Ohh Jesse Corbeau, la-la-la la la-la!

Да, теперь героем песни был вовсе не Н'Голо Канте. Французских слов я по-прежнему не понимал, но по смыслу и эмоциям догадался, что Джесси Корбу, оказывается, маленький и симпатичный читер, который остановил двух богинь.

Фред и Принс пронесли меня через портальный портик и под общие одобрительные крики собравшейся толпы кадетов в белоснежной форме неожиданно бросили в фонтан. Я настолько удивился, что даже не ушел телепортацией от купания.

А когда вынырнул, меня приветствовали торжествующие крики радующейся победе в Битве цитадели. Следом за мной в фонтан прыгнули Фред и Принс. Немного поплескавшись, распространяя вокруг ауру жизнерадостного веселья, парни подняли меня и вновь на плечах вынесли из бассейна.

— Ohh Jesse Corbeau, la-la-la la la-la!

Вокруг царила атмосфера праздника — как оказалось, среди тенистого парка были накрыты длинные белоснежные столы с напитками и закусками, вокруг которых толпились

многочисленные кадеты из тех, что не веселились на площади с фонтаном.

Взрыв приветственных криков раздался от широкого крыльца — там появилась Адель, которую встретили бурной овацией. Девушка скрылась во дворце, а я чуть погодя смог убежать от радостных Фреда с Принсом и еще нескольких кадетов, которые вполне свободно общались со мной на французском, уже не обращая внимания на то, что я его не знаю.

Многие из собравшихся в парке были с аналогами гаджетов — открытыми для взглядов интерактивными экранами собственных интерфейсов. Из ведущейся трансляции битвы уже, судя по увиденному мною, было смонтировать большое количество роликов и гиф-анимаций. Одна из них привлекла мое внимание — тот самый момент, когда я поглощал силу стихии из цепного кнута Гермеса перед мастерами Аренберга. Зрелище внушало надо сказать — моя фигура налилась огнем, и на несколько секунд я стал словно сотканным из плавящейся лавы, самым настоящим живым пламенем. Когда мое крылатое тело вернулось в прежний вид, я некоторое время парил в беспамятстве в фотогеничной позе, а когда очнулся как ни в чем не бывало попрощался с опешившими мастерами, которые даже не успели ничего сделать. А я, взмахнув крыльями, сорвался с места, устремляясь следом за драконом.

На самом деле, хотя выглядел я на записи невозмутимо, произошедшее помню очень плохо. Ощущения соответствовали происходящему — меня действительно словно заполнило раскаленной лавой — от болевого шока я потерял сознание, а когда пришел в себя, действовал больше на инстинктах, без оглядки на разум. И даже не знаю, как догадался полететь следом за драконом Радагаста, которого вскоре догнал. Оказалось, мои крылья обладали запасом скорости не меньшим, чем легендарный монстр новых миров.

Более-менее внятно осознавать действительность начал только сейчас — понемногу отходя от удивительной легкой эйфории, которая разошлась по всему телу, придя на смену отдаленному эху боли.

Зайдя в уголок парка, я, пока ожидал Радагаста, смотрел новости информационных порталов новых миров. Ознакомившись с хронологией Битвы, нашел несколько обработанных видео — очень профессионально обработанных, надо сказать. Особенно эффектно было представлено противостояние Адель и Клеопатры — представленное так, что свет сошелся со тьмой.

— Оу, Джесси, ты это видел, видел это!? — возник передо мной Фред, нависая башней, и легким движением руки повернул

ко мне видимый экран собственного интерфейса.

Да, видео было интересным — смонтированный из разных точек момент моего приземления в купол Капитолия. Из комментариев в видеоряде — на французском — понял, что я, ошеломив всех вокруг, продемонстрировал стиль спуска настоящего героя, забывшего дома парашют.

Жест, которым я похлопал по щеке оглушенного китайца, прежде чем выжечь ему мозг, и вовсе был повторен несколько раз — в том числе в замедленном воспроизведении. Фред по ходу просмотра продолжал общаться со мной на французском, забыв — или забив на то, что я его не знаю. Но, в принципе, все было и так понятно: он, Фред, изначально знал, что Джесси парень что надо.

Появление Радагаста спасло меня от водоворота безудержного веселья, предаться которому я просто не мог. Голова пухла и, казалось, готова была взорваться от одолевающего сонма мыслей: сумеет ли Юлия достать нож в первом отражении, и смогу ли я навести на него портал? Почему Адель так себя ведет, и почему говорит о «нашей» помолвке? Смогу ли я когда-нибудь выбраться в первое отражение, или теперь мой дом — только новые миры? Как завтра, не привлекая внимания, пообщаться с Катей, которая в облике богини Нехбет сейчас находится у магистра тамплиеров? Как вообще вести себя дальше с Юлией и Ребеккой?

Радагаст почувствовал мое состояние, поэтому очередному серьезному разговору не суждено было состояться — француз просто сказал, что награждение победителей и участников Битвы будет происходить в Париже в воскресенье, в полдень. И он надеется, что к этому времени я смогу решить некоторые проблемы и прибыть на церемонию.

Открыв портал, Радагаст кивком со мной попрощался и, шагнув в светящийся магией овал, я оказался у места силы гостевого портального маяка за стенами русской цитадели. Оседлав предложенного на заставе коня, я — пока ехал по мосту — открыл непрочитанное письмо Юлии.

«Я в Тайге. Нож у меня, жду тебя завтра после 12:00».

И чуть ниже постскриптумом шла приписка:

«И объясни мне пожалуйста. Это. Что. Такое?»

К письму была прикреплена смонтированная гиф-анимация того самого момента, когда я преклонял колена, сдаваясь француженке. На необычайно четком изображении медленно и чувственно — так что во всех подробностях можно различить — было показано, как Адель прижимается ко мне и дарит мимолетный, но страстный поцелуй.

Тогда, во время битвы, это произошло столь быстро, что я практически не обратил внимания. Зато сейчас в замедленном воспроизведении картинка была очень, очень горячей — Адель девушка невероятно красивая, и сексапильность видна в каждом ее движении. Я словно вживую почувствовал памятью тела ощущение того, как она прижималась ко мне во время брифинга у Радагаста.

Меня самого очень сильно интересовал вопрос, что же это такое? И ответить на него, кроме Адель, конечно, мог один человек.

Цитадель еще не была восстановлена — но даже невооруженным взглядом видно, что работа проделана громадная — часть кладки заметно отличалось по цвету, строительных лесов стало гораздо меньше. На воротах стояли слуги цитадели без дежурной смены кадетов. Внутренний двор был пуст — и я едва уловил отдаленные крики, догадавшись, что воспитанники и мастера собрались в общем зале на пиру по поводу успешного выступления Клеопатры, которая стала одной из победительниц Королевской Битвы.

Не заходя в пиршественный зал, я направился на третий ярус и не ошибся. Ребекка находилась в своем кабинете, уткнувшись в многочисленные экраны с графиками, столбцами и сканами документов. Увидев меня, она одним жестом смахнула нагромождение информационного поля и, приблизившись, неожиданно тепло обняла.

— Привет, — шепнула графиня и посмотрела на меня с усталой улыбкой.

Немного осунувшаяся, бледная — так что ярко выделялся на щеках румянец — с красными от недосыпа глазами Ребекка была невероятно красива. Встретившись взглядами, она почувствовала эмоции и, спрятав глаза, прижалась ко мне еще сильнее.

— Спасибо, — вновь шепнула графиня через достаточно долгое время, которое мы просто простояли в центре комнаты, будто вновь привыкая друг к другу.

— За что? — негромко поинтересовался я.

— За все, — отпрянув, улыбнулась Ребекка. Домашняя теплота из ее взгляда пропала, она вновь была деловой и собранной.

— У меня есть несколько вопросов. Важных, — выделил я интонацией последнее слово.

— У нас сейчас все вопросы важные, — согласно кивнула Ребекка и жестом предложила мне присесть на гостевое кресло. Я устроился на уголке стола — так мне было привычней, а графиня, к удивлению, сама села на гостевой стул, протянув руку,

накрывая мою ладонь.

— Расскажи мне про венчание, — произнес я негромко, внимательно глядя на Ребекку. — С Адель, — добавил я чуть погодя.

Брови графини взметнулись в удивлении. На некоторое время возникла пауза, после чего Ребекка спросила:

— Она сама тебе сказала?

— Да, — кивнул я и пояснил: — Быстро и на ходу, я не успел ничего узнать подробнее.

— Адель моя дочь.

Услышанное меня удивило. Даже несмотря на те чувства и эмоции, которые я ощущал от них обеих во время смертельной опасности, когда мы все едва не погибли в Вильнев-д'Аске, мне не приходило в голову мысли о том, что Ребекка может быть матерью Адель.

— Она об этом не знает, — глядя в сторону, произнесла Ребекка.

И снова она смогла меня удивить — зато теперь я уже понял, почему не догадался о столь близком родстве. Адель об этом просто не знала, а Ребекка умело скрывала свои чувства.

— Об этом практически никто не знает, — невесело улыбнулась графиня, невольно сильнее сжимая мою руку.

— И в каких границах могу узнать об этом я?

— В очень широких. Можно начать с того, что даже я не должна была знать о том, что Адель моя дочь.

В третий раз за последнюю минуту я сморгнул от неожиданности.

— Начни, пожалуй, сначала, — попросил я, пытаясь осмыслить услышанное.

По-прежнему глядя в сторону, графиня еще раз сжала мою руку и действительно начала сначала:

— Если сначала, то… Мы на пороге великой битвы. Очередной. На пороге новой эпохи. Очередной. Наш мир наконец живет в эпоху глобализации — и естественный результат происходящего — переход к новому, надгосударственному порядку. Подобный по масштабу переход уже случился однажды — когда от системы полисов человечество перешло к государственной системе.

Но глобализация даже во времена прекрасной эпохи еще не достигла того уровня, который позволяет править миром. Некоторые страны — как Франция и Британия, слишком рано взошли на Олимп — и если британцы смогли безболезненно оттуда уйти, то Франция два раза заплатила слишком большую цену.

— Во второй мировой Франция, как мне кажется… — начал было я, но меня прервал жест графини.

— Во второй мировой Франция едва не оказалась на Олимпе снова — из двух предыдущих поражений был извлечен серьезный урок. И для того чтобы не дать французам победить, британцы полвека назад приложили немало усилий — вполне на уровне того, что они делали для уничтожения Российской Империи в Первой мировой, когда король Георг даже бросил на смерть своего брата и его супругу — внучку королевы Виктории, между прочим. Слишком уж большие ставки были на кону — русские в шестнадцатом году были даже ближе к цели, чем после битвы пяти народов в Лейпциге, когда царь Александр взял Париж.

— Я не очень понимаю, как Франция могла вернуться на Олимп во время второй мировой войны, — попытался я поймать взгляд Ребекки.

— Россия участвовала во второй мировой войне и выиграла ее в статусе державы победительницы. Как результат, получила одно из пяти постоянных мест в совете безопасности ООН и восстановила контроль на Восточной Европой.

— Восстановила?

— Джесси, мне очень странно тебе об этом рассказывать, но русские владели Восточной Европой, выходя к границам Германии и повелевая Польшей в восемнадцатом и девятнадцатом веках. Может быть это месть за то, что именно поляки единственные, кто смог когда-то пленить русского царя и увезти его из Москвы в клетке, не знаю. Поэтому да — восстановленный, и никто не удивился, когда они после поражения в Первой Мировой вернулись в Восточную Европу и в двадцатом веке — в этот раз еще и забрав часть Германии.

Франция, как и Россия, участвовала во второй мировой войне. Выиграла ее в статусе державы победительницы. Как результат, также получила постоянное в Совбезе ООН и сохраненный контроль над зоной франка — бывшими территориями Французской Империи. При этом Франция проиграла схватку за Олимп британцам.

— Но… — произнес я, пытаясь сформулировать вопрос.

— Но ты хочешь сказать о том, что на первый взгляд в войне больше всех выиграли Соединенные Штаты?

— И это тоже, — кивнул я.

— Третий Рейх, влезая в предназначенную для него схватку, имел армию и ресурсную базу меньше, чем Кайзеровская Германия перед вступлением в первую мировую. В разборках великих Империй «ставить на хор» немцев — как говорят у вас в России, становится уже традицией.

Ты знаешь, почему есть еще одна традиция — пропускать женщин вперед? — сменив тон, вновь коротко глянула на меня Ребекка, тут же отведя взгляд, но сильнее сжав руку: — Одно из объяснений гласит, что мужчины каменного века загоняли в пещеры первыми женщин для того, чтобы проверить, есть ли там опасные звери. Британцы, которые в открытую отдали свой статус Империи американцам — так же, как и Россия с Францией, сохранили контроль над большей частью своих имперских владений, при этом пропустив Соединенные Штаты вперед, встали рядом с ними в ранге младшего союзника. Русские при этом получили смертельного врага, которому проиграли холодную войну, а французы — разрушившего ее колониальную систему «союзника».

До начала первой мировой войны на планете было десять держав, которые могли участвовать в разделе мира как претенденты. После окончания второй мировой их осталось пять. После холодной войны на вершине мира остались Соединенные Штаты, но так как остальной мир в роли гегемона они не устраивают — слишком сильны цивилизационные различия, — сейчас началась третья мировая война. И, как и всегда, среди будущих победителей уже идет невидимая схватка — предтеча той, которая произойдет за право именоваться мировой столицей у Лондона, Парижа или, может быть, даже Москвы. Сейчас уже возможно все.

При этом главные сражения происходят не на виду — поэтому истинные победители и проигравшие, определяющие направление развития мира, практически никогда не оказываются на слуху.

В массовой культуре знают о Буонапарте и Ватерлоо, но большинство не слышали о Радецком и Лейпциге, где решился исход противостояния Наполеоновских войн. Все знают о линии Мажино и де Голле, но мало кто помнит о генерале Дарлане и Тулоне, где британцы переиграли французов. У всех на слуху Сталин и Жуков, но даже среди русских никто не знает о Кузнецове, Соловьеве и прочих фигурантах ленинградского дела, по итогам которого возрождение России было отодвинуто больше чем на полвека.

Битва за то, чтобы оказаться на вершине мира ведется столетиями. И ее участники практически не меняются, лишь одна из сторон была полностью уничтожена — орден Хасанитов, который убрали из числа игроков, создав реноме гашишных убийц и сейчас снимают про них фильмы и делают компьютерные игры. Остальные, как тамплиеры — назовем их так, могут только отойти в тень.

Ребекка выпрямилась, глубоко вздохнула — так, что грудь ее поднялась. Казалось, она набирает воздуха перед прыжком на глубину. Впрочем, когда графиня заговорила, оказалось, что это практически так:

— Я была выбрана одной из таких организаций как подходящая для их евгенической программы. Это… не очень хорошая история. Я могу ее рассказать, если ты попросишь, но…

— Не попрошу, — произнес я после недолгого раздумья, после чего был награжден благодарным взглядом, и Ребекка продолжила:

— Моим родителям давно было сделано предложение, от которого нельзя отказаться, и я родила. Ребенок, как мне сказали, умер при родах. Я тоже должна была умереть — но так получилось, что вместо меня во время пожара в закрытой клинике пожаре погибла какая-то другая девушка. Я до сих пор не знаю, кто заплатил своей жизнью за мою, а спрашивать об этом боюсь.

Меня спас Жан-Жак. Он мог бы помочь мне вернуться к прежней жизни, но… после истории с беременностью и гибелью родителей мне было бы сложно вернуться к прежней жизни. Поэтому я выбрала другой путь.

Знания о русском золоте у меня от первого мужа. Это родственник Жан-Жака, граф Сен-Жермен — он готовился вернуться в Россию как меценат и участвовать в большой политике. Именно поэтому я так хорошо знаю русский — два года жила и училась в Москве, собираясь переехать. Но в то время это была слишком опасная игра, и моего мужа убили. Достаточно изощренно — сердечный приступ в компании двух проституток. И его тайна старых русских денег стала только моим достоянием.

Я не хотел сомневаться, но Ребекка почувствовала эхо моих чувств и глянула холодными глазами.

— Я представляю, как это звучит. Но, видишь ли, человек, который все это организовывал, через два года попал в мои руки. Я была в то время очень… — глаза Ребекки сузились, — очень порывистой и жесткой. Покупая себе легкую смерть, исполнитель рассказал об Адель.

Жан-Жак не подозревал о моем знании. А дальше, брак с графом Аренбергом, это была моя… самодеятельность. Для того чтобы через Новые Миры приблизиться к тем, кто забрал мою дочь.

За последние десятилетия события в мире пошли вскачь — и так получилось, что тамплиеры и… ложа, назовем их так, оказались по одну сторону баррикад. Именно поэтому те люди, что причастны к рождению Адель, знают, что именно я ее мать. И

согласны на ее венчание с тобой.

— Почему твой… первый муж выбрал Россию?

— Почему нет?

— Если он француз…

— Он был итальянцем, но большинство его владений находилось во Франции, а бизнес — в Латинской Америке. Почему Россия? Тогда там было больше возможностей — не забывай, что покоривший Европу Буонапарте сам приезжал в Петербург и не вступил в русскую армию лишь из-за глупого стечения обстоятельств.

Английские монархи одно время говорили на французском, французские на испанском, австрийские на итальянском, русские на немецком и французском — аристократия абсолютно космополитична. Те из владык, кто этого не понимает получают кровь и почву как идеологию вместе с должностью штатной куклы для битья.

— Я и все мои предки родились и выросли в России. И я бы не стал менять свою страну на…

Ребекка остановила меня жестом.

— Кто сказал менять? Вы, русские, не знаете полутонов, бросаясь из крайности в крайность. Почему, если я говорю «выбрать новую страну», ты сразу подразумеваешь предательство старой? Ты вообще слушал, что я говорила про всеобщую глобализацию?

— Слушал. Еще когда ты рассказывала про Адель. Ты сказала… «люди»? — прерывая графиню, задал я по наитию вопрос, тут же зацепившись за полыхнувшие странным холодом эмоции.

Ребекка сразу поняла, о чем речь, но я все же пояснил:

— Те… как ты сказала, «люди», причастные к рождению Адель.

— Это не совсем люди, — не глядя мне в глаза, ответила Ребекка, поднимаясь.

— А кто? — поднялся и я, подходя ближе.

— Если ты… Если мы названы молодыми богами, ты не думал о том, что есть еще и боги старые?

Глава 32. Портальное перемещение

Сказанное Ребеккой поразило меня так, что я на некоторое время потерял дар речи. То, что про старых богов она говорила совершенно серьезно, я понял сразу и сразу же принял то, что они действительно существуют.

Графиня в этот момент коротко вздохнула, едва от меня отодвинувшись, и я почувствовал некоторое отчуждение.

— Что-то случилось? — машинально спросил я, глядя в блестящие изумрудного цвета глаза. И вдруг понял, что случилось — Ребекка опасалась моей реакции на свой рассказ. Повинуясь наитию, я поднялся и подошел ближе, обнимая графиню. А она вдруг спрятала голову у меня на груди, совершенно растеряв ауру железной леди, к которой я уже привык и воспринимал как должное.

— То, что я тебе сейчас рассказала… может стоить жизни нам обоим. Пожалуйста, будь осторожен с этой информацией.

Не отвечая, я погладил Ребекку по волосам, чувствуя наполняющую ее усталость — последние дни, судя по всему, она находилась на пике эмоционального напряжения, а сейчас, немного расслабившись, была готова совсем расклеиться.

— Мне надо освоить портальное перемещение, — немного отстранился я, заглядывая Ребекке в глаза.

— Я тебе помогу, — взволнованно вздохнув, произнесла графиня.

— Сегодня?

— Да. Прямо сейчас, — не отпуская моих рук, она отошла на шаг. Я с изумлением заметил, что графиня чуть дрожит, словно в ознобе, закусив жемчужными зубками нижнюю губу.

— Ты… — пытаясь сохранять спокойствие, продолжила Ребекка, — легко оперируешь немыслимым потоками энергии. Если другие тратят годы на обучение тому, чтобы извлекать ее из мест силы, ты можешь получать искомое концентрацией воли в любом мире, где есть стихия огня.

Это уровень бога — я тебе этого не говорила раньше. Но сила твоя по-прежнему очень грубая — ты можешь двигать горы, если захочешь, но, образно, пока не сумеешь застегнуть с ее помощью пуговицу.

Говоря, Ребекка неуловимо приближалась — вот она оказалась совсем рядом, едва касаясь меня упругой грудью. Не поднимая глаз, она продолжала:

— В Академии есть три способа изучения технологии

портального перемещения. Они все требуют долгой и кропотливой работы и серьезного напряжения внимания. Есть и еще один, отсутствующий в методичках…

Графиня, наконец, подняла глаза, а ее губы оказались совсем рядом — руки мои скользнули по ее бедрам, приподнимая юбку парадной формы. Ребекка сдавлена охнула — и я вдруг понял, какого рода дрожь тронула ее тело в начале разговора. Словно растворившись в жадном поцелуе, графиня сплела руки на моей шее, прижимаясь все сильнее. И, повинуясь почти невесомому нажиму, отпрянула лишь на секунду, давая мне возможность снять с нее китель, освобождая тяжелые купола стянутой тканью груди.

Зажмурившаяся при поцелуе Ребекка, отпрянув и глядя широко распахнутыми глазами, торопливо сорвала с меня одежду, и мы вновь сплелись в объятиях. Когда я подхватил ее под бедра, она не удержалась и громко вскрикнула. Толкнув на ковер, Ребекка оседлала меня, словно наездница, и вновь широко раскрыла глаза, в которых уже плескался красно-зеленый огонь. Нас неожиданно захватило всепоглощающее безумие близости — сплетясь в объятиях, мы покатились по ковру, и я краем сознания заметил, что волосы графини превратились в огненную гриву, а ласкающие меня руки объяты аурой пламени. Которое не причиняло мне никакого вреда, совсем наоборот, дарило наслаждение каждым прикосновением.

Когда Ребекка громко закричала на пике наслаждения, я почувствовал, что мы сейчас можем просто сжечь ее кабинет — и, оттолкнувшись, использовал левитацию, так что мы зависли в паре метров над полом. Графиня даже не заметила, что мы взвились в воздух — а если и заметила, приняла как должное, не обращая внимания. И лишь сильнее прижалась ко мне — так что мы сплелись в единое целое.

Много позже мы лежали полностью обнаженные, перебравшись на кровать в соседней комнате и приходя в себя после нахлынувшего на обоих безумства. То, что произошло, совсем не походило на обучение управлению энергией — как в тот памятный раз, когда мы с Ребеккой первый раз занимались сексом, больше напоминающим процесс сеанса у репетитора.

Сейчас было совершенно иное — мы словно растворились друг в друге, и я чувствовал, как теряется разум как у меня, так и у графини, которая оглашала пронзительными возгласами свои покои так, что от эха ее крика лопались вазы и зеркала.

— Бекки, — негромко позвал я ее, чувствуя, как графиня шевельнулась, приходя в себя.

Ребекка приподнялась, глядя на меня слегка осоловелыми

глазами, а после вдруг кошачьим движением потянулась и запрыгнула сверху. Я почувствовал ее влажные губы и закрыл глаза, вспоминая, как Ребекка умеет дарить удовольствие.

Когда она, с прилипшими к мокрому от пота лбу волосами раскинулась по кровати, я убрал с ее щек мокрые локоны и поцеловал в нос. Ребекка сильнее зажмурилась, едва улыбнувшись и попробовала отстраниться. Открыв глаза, она, глубоко дыша, села на кровати и потянула меня к себе, так что моя голова оказалась у нее на бедрах, и я смотрел ей в глаза снизу-вверх.

— Ты… — Ребекка не справилась с голосом, жестом наколдовала себе стакан с водой и, отпив два глотка, так что капли потекли по подбородку на шею, вернулась ко мне взглядом. — Ты знаешь, за свою жизнь я поняла, что заниматься любовью можно для того, чтобы сделать детей, причинить кому-то боль, сбросить напряжение, совершенствовать свое умение, исполнить супружеский долг… но только с тобой узнала, что можно просто наслаждаться.

Ребекка чуть сдвинулась, сползая вниз и нежно меня поцеловала.

— Это знание не несет никакой опасности, но пусть оно будет только наше. Твое и мое.

Еще через некоторое время, когда мы полностью пришли в себя и отдышались, я все же поинтересовался:

— Бекки, а что все-таки с портальным перемещением?

— У меня на столе лежит купленный патент от гильдии магов. Открывай и активируй.

— А техника?

— Ты оперируешь такими потоками энергии, что никакого изучения техники не надо. Открывай соответствующее меню и выбирай любой портальный маяк. Жесты активации я тебе сейчас покажу.

— Так просто? — удивился я.

— С твоим уровнем управления энергией — да.

— А зачем тогда… — я чуть приподнялся, сдержанным жестом показывая на смятые простыни.

— Потому что… — начала было Ребекка, но не договорила и спрятала глаза. Вдруг она резким движением соскочила с кровати и направилась в свой кабинет. Вернулась через полминуты, уже полностью одетая и собранная.

— Бекки, — посмотрел я на графиню, внимательно оглядывая ее с ног до головы, задержавшись взглядом на широких бедрах.

— Да? — продемонстрировала она холод недовольства от моего нескромного взгляда.

— Мне рассказали, что у тебя появился новый конь.

— Да, — также коротко, но уже утвердительно ответила Ребекка.

— Говорят, это очень хороший конь.

— Уникальный, я бы даже сказала.

— И… этого коня вроде как создал я, выпотрошив энергию из одного архимага.

— И?

— Что и?

— Ну это же мой конь…

— То есть он тебе нужен?

— Вообще-то да, — осторожно сказал я, чувствуя подвох.

— И ты готов его у меня забрать.

— Не забрать, но можно было бы хотя бы…

— Тебе жалко какого-то коня для своей женщины?

— Нет, не жалко. К тому же он не какой-то конь, а уникальный, сама сказала.

— То есть не жалко?

— Нет конечно.

— И о чем тогда разговор? Мне этот конь нравится — я, когда сижу в его седле, ярко ощущаю твою ауру, — вдруг улыбнулась Ребекка и ловко уселась на меня сверху. — Горячую ауру, — добавила она, когда я невольно взял ее за бедра.

Чуть погодя, когда Ребекка покинула кровать и одернула одежду, приводя себя в порядок, она вновь была сама деловитая собранность:

— Нам пора. Пойдем, привяжешься к портальному маяку цитадели, после моим порталом уйдем в Элизий, и оттуда ты сам попробуешь вернуться порталом сюда.

Ребекка поманила меня, и, поднявшись с кровати, я вышел следом за ней в кабинет.

— Почему именно в Элизий? — смутно вспомнил я название отдельного плана реальности, закрытого для простых смертных.

— Ты когда-нибудь был в раю?

— В преисподней был. В раю не доводилось, — ответил я, ища взглядом свою одежду.

— Я там была. И хочу вместе с тобой попробовать, что значит райское наслаждение, — глаза растерявшей всю серьезность Ребекки вдруг неожиданно ярко блеснули.

Глава 33. Пирамида Хорса

Город горел.

Тяжелый черный дым, поднимающийся сразу от нескольких дворцов и храмов, густыми клубами висел в жарком мареве, контрастируя с яркой сочностью зеленых парков и раскрашенных монументальных храмов.

Мой грифон парил в воздухе, расправив крылья, а я наблюдал за панорамой сражения — как постепенно, неотвратимой рекой двигаясь по тесным улочкам среди приземистых домов, легионеры теснят золотую гвардию, обороняющую город. В Мемфис я прибыл уже больше часа назад — и новость о том, что назначенный на утро штурм начался задолго перед рассветом, стала для меня неожиданностью.

Легионы Клеопатры заплатили немалую цену за взятие ворот — это было видно по остаткам осадных машин и многочисленным телам, устилающим пространство перед стенами и близлежащие к воротам улицы. Но преодолев заслон и перегруппировавшись, воины Рима уже почти взяли город, сломив сопротивление золотой гвардии и приближаясь к комплексу царского дворца. Одна из центурий уже выбралась из лабиринта улиц, но заняв привратную площадь, дальше не двигалась, ожидая подкрепления.

Когда у дворцового комплекса оказалось сразу несколько когорт, легионеры двинулись вдоль парка к величественному зданию. Я, наблюдая за происходящим, недоумевал — Хорс должен был находиться в городе, и почему не видно ни единого следа божественного вмешательства — непонятно.

Видимо, подобные мысли пришли в голову и защищающим золотым гвардейцам. Наблюдая за панорамой, я видел, как они сдаются, в массе бросая оружие, лишь в нескольких местах еще вспыхивали отдельные схватки. Во дворце гвардейцы также сложили оружие — я видел, как легионеры выводят группы воинов в золотых доспехах из главного входа и, обезоруживая, строят в шеренги.

Во внутреннем дворе комплекса собралось несколько плотных и пышных отрядов с военачальниками во главе — если судить по многочисленным высоким гребням на отполированных шлемах. От одного из таких построений вдруг свечкой рванулся вверх крылатый конь и, в вираже набирая высоту, направился ко мне. В седле сидела Клеопатра — завидев меня, девушка махнула рукой, показывая в сторону пирамид.

Взявшись за поводья, я развернул грифона и полетел следом за Лерой, держась чуть позади, присматриваясь. А посмотреть было на что — божественная броня Гекаты или Аида мало что прикрывала и много что подчеркивала на привлекательной фигуре.

Клеопатра посмотрела на меня всего пару раз, оборачиваясь и координируя направление движения. Вскоре мы приземлились у подножия одной из пирамид — выглядевшей непривычно, — несоответственно тем картинкам, которые я видел в первом отражении. Здесь стороны пирамиды были гладкими, облицованными белым камнем, отполированным до блеска и отражающим солнечные лучи. Вершина же пирамиды была покрыта золотом или медью, сверкая нестерпимо ярким светом.

Убрав ездовых животных в инвентарь, мы с девушкой по-прежнему в молчании направились ко входу, который охраняли легионеры в синих плащах. Суетившиеся рабы, оттаскивающие в стороны трупы золотых гвардейцев, при приближении Клеопатры упали на колени, уткнувшись лицами в землю, и сохраняли такое положение, пока мы проходили мимо.

— Стой, — у самого входа окликом заставил я обернуться Клеопатру.

— Да? — отстраненно посмотрела она на меня.

— Мы куда?

— Я попросила тебя помочь мне с Хорсом. Он уже здесь, ждет нас, — кивнула Лера и поманила за собой.

Не оборачиваясь, она направилась внутрь, удаляясь, и через некоторое время я видел только ее белеющие, открытые нарядом бедра — в сгущающейся темноте прямого, уходящего вглубь пирамиды коридора.

Неожиданно внутри себя я уловил явственное рычание — настороженное, но при этом уверенное. Пес Анубиса вдруг пробудился, когда его не просили, но рассказывать собаке о своевольстве я не стал. Чувствуя неправильность происходящего и понимая, что возможно делаю ошибку, двинулся по поднимающемуся наверх уклоном коридору за Клеопатрой. Девушка ждала меня на удалении метров двухсот от входа в полнейшем мраке. Вот только я ее хорошо видел — пробудившийся пес во мне поделился способностями — и темнота перед взором расступилась, представив абсолютно пустой коридор в сером мареве.

Почувствовав мое приближение, Лера, по-прежнему не оборачиваясь, надавила на один из камней в стене — и широкая плита опустилась, открывая еще один путь, на этот раз вниз.

Рычание в голове раздалось явственней — псу явно было

знакомо это место. В отклике эмоций животного не было страха, поэтому я практически не раздумывая двинулся следом за Клеопатрой, которая по-прежнему не оборачивалась и избегала моего взгляда.

Где-то на задворках разума продолжала пульсировать мысль, что я совершаю ошибку — но сейчас я осознавал себя не полностью. Пес, которого я пустил в свое сознание, не только дал часть своих чувств, но и словно забрал часть моих — приняв в себя ненависть к Тарасову. Это место — пирамида — несомненно было псу знакомо, и он здесь не испытывал страха, поэтому я, понимая степень риска, двигался вперед с некоторой бесшабашностью. С похожим чувством, наверное, толкают кучи фишек турнирные игроки в покер, идя ва-банк — имея только два варианта, победа или поражение.

И словно крупье, принимающий мою ставку, Клеопатра замерла, обернулась и нажала на едва заметный выступ в стене. Огромная плита с грохотом захлопнулась, закрывая проход.

Лера оказалась совсем рядом, приобняв и заглядывая мне в лицо.

— Я обещала тебе Тарасова? Он тебя ждет, пойдем, — промурлыкала она.

В серой пелене ночного зрения ее лицо без единой кровинки выделялось светлым пятном, на котором удивительно резко очерчивались огромные глаза. Полностью черные, наполненные мраком.

Обернувшись, Лера потянула меня за собой, взяв за руку. Ладонь ее была холодной, как у покойника. И я вдруг осознал, что после того как захлопнулась плита, мою кожу холодит не только прикосновение девушки, но и пустое магическое поле вокруг — пирамида словно отсекала все энергетические потоки силы стихий, создавая внутри вакуум.

Пройдя метров сто — за это время мне стоило больших усилий не дать волю рвущемуся псу выпустить когти, мы оказались в большом зале нижней камеры. В середине его стоял трон, на котором в своих золотых доспехах с солнечным ликом сидел Тарасов. Когда мы вошли, он широко и приветливо улыбнулся — взгляд его при этом горел золотым огнем. Тарасов сидел на троне, а сверху на него падал узко направленный луч концентрированной солнечной энергии. И тут я понял, что дело дрянь — почувствовал себя словно игрок в покер, который двинул все свои фишки в центр стола, поставив абсолютно все на кон в неоднозначной ситуации — имея на руках не очень хорошую карту. И после раскрытия увидев два туза на руках у противника.

Напрягшись и отбросив мысли о том, какой я идиот,

лихорадочно перебирал в уме возможные варианты действий — чувствуя, как из-под ногтей постепенно появляются острые когти, а колени изгибаются в обратную сторону, трансформируясь в собачьи лапы.

— Я тебе обещала его привести? — звонко произнесла Клеопатра, глядя на воссевшего на троне Тарасова.

— Хорошая девочка, — широко улыбнулся Игорь, мелко покивав. Растягивая удовольствие, он чуть отставил меч в сторону и взялся за шлем, намереваясь его надеть.

Клеопатра вдруг коротко взмахнула рукой — я заметил, как заклубился мрак вокруг ее тонкого запястья, и солнечный луч вдруг пропал.

— Это что? — возмутился Тарасов и после выругался, недоуменно посмотрев на девушку.

— Я обещала, что ты сможешь разобраться с ним сам, — повернувшись ко мне, улыбнулась Клеопатра. Сейчас ее бледное, с четко очерченными скулами лицо было неприятным и отталкивающим, несмотря на природную красоту. — Гарик, освободи место, будь добр, — теряя интерес, отошла от меня Лера и направилась к трону.

Тарасов невольно поднялся и сделал шаг в сторону, пропуская девушку. В недоумении посмотрел, как она устраивается, поставив локоть на подлокотник, уперев подбородок в ладонь и закинув ногу на ногу так, что ее бедро можно было рассмотреть до самой талии.

— Ну что, мальчики, драться будете? — игриво поинтересовалась Лера и добавила: — В равных, заметьте, условиях. Стойте! — вдруг вскинула руки Клеопатра, выпрямляясь на троне так, что прикрытая лишь тончайшей тканью грудь, стянутая перекрестными ремнями, явственно колыхнулась.

— Хочу вас предупредить, друзья. Если есть желание быстренько прикончить противника, помните — возродится он не здесь. А другого шанса встретиться в изолированном помещении, которое дает возможность… — Клеопатра сделала паузу, облизывая губы в возбуждении, — дает возможность стать вечной тюрьмой даже для бессмертного бога, вам в будущем может и не представиться.

Лера говорила прерывисто, явно наслаждаясь происходящим — в глазах ее клубился мрак, кожа все больше бледнела.

— Действуйте, друзья! — произнесла она, глубоко вздохнув и приоткрыв рот в предвкушении.

Тарасов, перехватив меч, обернулся в мою сторону — я же не стал ждать, пока он наденет шлем, и, упав на четыре лапы,

бросился вперед. Время замедлило свой бег, но приближаясь к Тарасову, я понял, что двигаемся мы на одной скорости — он сам мог реагировать на замедление времени. Широкий меч взметнулся, чиркнув по полу, оставив короткую борозду, и устремился в мою сторону. Не успевая уклониться от клинка, я вдруг сбросил с себя облик пса и рухнул на пол, прокатился под мечом и взмахнул рукой, чувствуя ладонью рукоять материализовавшегося в ладони огненного кнута. Металлическая цепь змеей рванулась вперед, обвивая ноги противника, а я, продолжая движение, рванул изо всех сил на себя кнут, выплескивая в рывке и крике все скопившуюся ярость.

Яркая вспышка озарила темную камеру и по выщербленному полу покатились части тела — нога и сжимающая меч рука, отрубленная по локоть. Сам Тарасов, раскрыв в беззвучном крике рот, рухнул на пол, извернувшись и поджимая под себя отсеченную культю. Вдруг он взмахнул здоровой рукой — и вокруг него возникла непрозрачная золотая сфера, — цепь кнута, опоздав лишь на доли мгновения, бессильно отскочила.

— Девять секунд, — прозвучал в наступившей тишине голос Клеопатры. — Он сейчас пытается открыть портал, даже зная, что отсюда невозможно никуда перенестись. А сейчас… Женя, стой! — практически прежним своим голосом — с человеческими эмоциями — закричала Клеопатра.

Сфера исчезла, и Тарасов оказался за ней — вскинув руку и стараясь беречь культю, он медленно отползал к стене, ощерившись в страшной гримасе.

— А сейчас он догадается и откроет интерфейс, чтобы выйти из мира. Не мешай ему, пожалуйста, — вдруг добавила Клеопатра и я понял, что произнесла это она уже телепатически.

Тарасов неожиданно просветлел взглядом и, грязно выругавшись напоследок, плюнув кровью с разбитых губ, покинул это отражение — его тело безвольно опало.

Обернувшись, я посмотрел на Клеопатру, а она с легкой отсутствующей полуулыбкой встретила мой взгляд. Ее черные, полнящиеся мраком глаза — я вдруг это понял — теперь настораживали даже пса Анубиса, который негромко зарычал.

Глава 34. Москва. Ордынка

Москва никогда не спит.

Сергей, приехав сюда на заработки три месяца назад из Петрозаводска, убедился в этом, прочувствовав всю энергию живущего в постоянном ритме города. Города яркого, манящего своим шармом и очарованием — но в сути своей абсолютно равнодушного к чужим победам и поражениям, радости или горю, силе или слабости. Сейчас Сергей уже не обращал внимания на красоты исторического центра — избавившись от интереса первых дней. Он словно отстранился от энергии города, который, как казалось, был готов забрать всю силу, ослабляя и оставляя лишь столько, чтобы хватало на непрекращающийся бег в колесе ритма мегаполиса.

Массивная и тяжелая, нагруженная раствором машина катила по аккуратной набережной исторического центра, но Сергей, погруженный в мысли, даже не глянул на появившиеся слева горящие подсветкой башни Кремля — хотя в первые дни не мог не уделять внимания сакральному месту. За рулем грузового автомобиля с бетоносмесителем Сергей за три месяца в Москве заработал столько, сколько в Петрозаводске не смог бы и за полгода — но оставаться в Москве он не собирался. Сергей планировал накопить денег и вернуться домой, а дальше заниматься любимым делом, найдя применение заработанным деньгам.

Никто в транспортной компании не любил делать ходки в самый Центр, который был заставлен невысокими, круглосуточно движущимися кранами — стройка и перестройка домов, иногда даже незаметная глазу, продолжалась постоянно. Фасады часто оставались прежними, и старые дома перестраивались, расселялись, превращаясь в бизнес-центры, офисы организаций и корпораций, частные особняки. И всем стройкам нужен был бетон, который вереницами возили грузовики-миксеры, за рулем одной из которых сейчас и сидел Сергей.

Как новенького его сразу поставили на дрянные маршруты — в центре постоянно возникали проблемы — то с перегородившими проезд машинами, то с их хозяевами, то со стражами порядка, а один раз — даже не начав сливать раствор, Сергей и вовсе остался на сутки заперт ОМОНом на территории бывшего профессионального училища, которые две компании делили с помощью силовиков. Цистерну миксера с застывшим бетоном на грузовике компании после этого пришлось менять.

Сорок минут назад Сергей выехал уже на двадцать первую по счету ходку — он сидел за рулем вторые сутки. Еще два часа назад он намеревался заканчивать — глаза слипались, и дошло до ругани с логистом и даже брошенных тому в лицо документов на машину, но Сергею почти сразу позвонил сам руководитель транспортного департамента и попросил остаться поработать еще на ночь, обещая немалую премию. Позвонил, раскалывая о том, что цейтнот — машин не хватало, чтобы выполнить все заказы. Впрочем, для компании это было обычное состояние — но вот столь большую премию обещали впервые

— Через двести метров поверните направо, — произнес в кабине приятный женский голос навигатора.

— Да что ж такое-то! — почти сразу воскликнул Сергей, увидев две машины дорожной полиции, перекрывшие въезд в нужный переулок. И тут же, как назло, ему навстречу от обочины выбежал сотрудник, указывая жезлом остановиться.

Сергей выругался — проверка документов сейчас ему явно была не нужна. Полицейский между тем, глянув на номер машины и сверившись со списком на планшете, жестом показал открыть дверь и, легко заскочив на подножку, посмотрел маршрутные документы, даже дежурно не поприветствовав водителя и не представившись.

— Регистратор снять, — кивком потребовал полицейский.

Первым побуждением Сергея было воспротивиться, но после он мысленно махнул рукой, отдирая липучку регистратора. Который полицейский почему-то забрал.

— У директора своего возьмешь. Давай-давай, проезжай! — быстро произнес он, а одна из машин в это время сдала назад, открывая проезд.

Тяжелый миксер, ведомый сидевшим за рулем Сергеем, заполз в переулок и медленно поехал среди небольших двухэтажных домом тихого старого центра Москвы. Встречных машин здесь совсем не было — Сергей с удивлением увидел вдалеке также перекрытый другой конец улицы.

Свернув в нужный проулок, он остановился, не доезжая десяток метров до ворот нужного здания — на тротуаре был припаркован массивный «Рейндж-Ровер», так что широкая корма вылезала на проезжую часть. Тяжелый грузовик остановился, громко пшикнув воздухом из компрессора, но к нему уже бежал сотрудник в деловом костюме и длинном плаще от здания, возле которого стояло несколько полицейских машин, среди которых был даже один спорткар в бело-синей раскраске, а кроме этого три черных массивных внедорожника, тонированных вглухую.

Увидев, что грузовик не пролезает, подбежавший сотрудник

грязно выругался.

— Сережа! Сережа, [блин], какого [черта]? — спросил он водителя. — Как это корыто сюда попало?

Сергей опешил и открыл было рот для ответа, но вдруг понял, что сотрудник разговаривает с невидимым собеседником — в ухе его была миниатюрная гарнитура.

— Езжай, — вдруг махнул он водителю.

— Но… — высунулся из кабины Сергей, взглядом показывая на перегородивший дорогу «Рейндж».

— Из машины выйди, — произнес вдруг незнакомец, но таким тоном, что Сергей сразу повиновался.

Скользнув взглядом по домашним тапочкам водителя, незнакомец запрыгнул за руль. Несколько секунд он осматривался, после чего включил первую передачу и нажал на педаль газа. Резковато — тяжелый миксер неумолимо дернулся вперед, с силой вжимая «Рейндж-Ровер» в стену здания.

— Все, поехал, поехал! — закричал незнакомец, выпрыгивая из-за руля. — Чисто у тебя в кабине, молодец, — произнес он вдруг совсем человеческим голосом, подмигнув Сергею. Тот только отстраненно кивнул — конечно чисто, а как иначе, если он уже третий месяц в машине практически живет? Забираясь внутрь, Сергей успел увидеть, как к повороту проулка подъезжает следующий миксер — только в раскраске конкурирующей организации-поставщика.

Бросив короткий взгляд на вмятый в стену «Рейндж-Ровер», Сергей в два приема заехал в узкий дворик территории научно-исследовательского института — как гласила табличка на воротах, и остановился рядом с длинным двухэтажным строением. Тут же стояла отдельная машина бетононасоса, позволяющая подавать смесь по шлангу бетоновода на верхние этажи или в места, затрудненные к проезду. У машины суетился десяток рабочих, а еще больше находилось у здания — кто-то копошился на крыше, проводя шланг в чердачное окно, кто-то собрался у стен, устанавливая в отверстиях окон специальные щиты.

Сергей, когда насос вылил раствор из его миксера через подвальное окно, удивился — неужто неизвестные собираются полностью залить здание бетоном? Пока насос лил раствор, к водителю подошел давешний незнакомец.

— Сергей Викторович Казанцев, восемьдесят первого года рождения, родился в городе Петрозаводске, женат, двое детей — один из которых от первого брака. Погашенная судимость по сто пятой статье, непогашенный кредит от двух банков. Все верно? — взгляд серых глаз безликого незнакомца был неопрятен.

— Да, — просто пожал плечами Сергей, чувствуя в животе неприятный холодок.

— Уведомляю вас о том, что сегодняшние события являются делом государственной важности, и разглашение информации принесет вам лишние тяготы и лишения на жизненном пути. Поэтому в будущем убедительно рекомендую не разглашать происходящее сегодня события никоим образом — ни в соцсетях, ни в беседах даже с самыми близкими друзьями и родственниками, а также не пытаться фиксировать происходящее на любые виды носителей. Это понятно?

— Так точно, — машинально ответил Сергей.

— Отлично, удачи, — кивнул незнакомец, отходя.

Когда Сергей выезжал с территории, давая дорогу следующему миксеру, он заметил что очереди скопилось уже несколько тяжелых машин. Вывернув из переулка на улицу — параллельную той, с которой заезжал, Сергей увидел, что и она перекрыта. Полицейский сверился с номером, после чего одна из машин отъехала, давая тяжелому грузовику дорогу. За полицейскими автомобилями Сергей заметил две припаркованные иномарки — двери которых синхронно хлопнули. К удивлению водителя, к притормозившему грузовику быстрым шагом приближались руководитель транспортного отдела и генеральный директор всей строительной компании — поставщика бетона.

— Серега, привет, — поздоровался с водителем руководитель, а генеральный, обычно даже не замечавший работяг, коротко кивнул. — Как, спать сильно хочешь? — вгляделся в красные от усталости глаза Сергея руководитель и, не дожидаясь ответа, достал из папки конверт, вынул оттуда несколько красных, радующих глаз купюр и протянул Сергею.

— Держи, первая часть премии, чтоб настроение получше стало. Давай, Серег, на завод быстро за второй ходочкой, энергетика еще возьми пару баночек… постой, — вдруг остановил водителя руководитель. — Тебе… ну, сказали, чтобы не распространялся о происходящем?

— Да, — коротко кивнул Сергей.

— Если просочится какая-либо информация, у меня будут серьезные проблемы, — заговорил вдруг директор компании. — У того, кто ее сольет, соответственно, тоже. Это понятно?

— Так точно, — ответил Сергей директору, пряча за коротким кивком недобрый блеск в глазах. Подскочившее после полученных купюр настроение немного отыграло вниз.

— Все, езжайте за второй ходкой, — отпустил водителя директор.

К утру длинное вытянутое здание неприметного корпуса исследовательского института было практически полностью — от подвала до чердака — залито цементным раствором. Внутри, в помещении, потолок которого был укреплен специальными колоннами, в одной-единственной оставшейся в здании капсуле находился человек.

Здание все же было пока не полностью закрытым — осталась труба с кабелями, идущими к капсуле — для того чтобы ее залить, заканчивая бетонирование, во дворе дежурила машина с раствором — меняясь каждые несколько часов, когда смесь приходила в негодность, теряя технологические свойства.

Средств на превращение здания в саркофаг неизвестные заказчики не жалели.

Глава 35. Клеопатра

— Пойдем, — произнесла Клеопатра и двинулась прочь, перешагнув через отрубленную ногу Тарасова.

Остановившись у входа в нижнюю камеру, Лера застыла в ожидании, взглядом попросив меня потерпеть. Вскоре я — с помощью чуткого слуха пса — различил слаженный топот ног.

В коридоре показалась группа рабов — не менее трех десятков человек, — которая несла массивный золотой саркофаг, установленный на многочисленных перекладинах. Едва только они пронесли мимо нас золотой гроб и установили его на пол, Клеопатра взмахнула рукой и загремели кости высушенных скелетов, рассыпающихся прахом — в живых не осталось ни одного раба.

— Вперед пройди, — сосредоточенно произнесла девушка. Я заметил, что она с трудом сохраняет самообладание, прикусив нижнюю губу так, что та практически обескровилась.

Когда я сделал пару шагов, оказываясь первым, Лера нажала на выступ в стене — и за ее спиной задвигались плиты, смещаясь и полностью перекрывая проход. Взглядом показав мне двигаться вперед, девушка пошла следом, через каждые несколько метров активируя выступы в боковой кладке, после чего стены приходили в движение, полностью перекрывая проход.

Миновав полого поднимающийся коридор, ведущий к нижней камере пирамиды и сейчас полностью исчезнувший, ставший монолитом, мы оказались в центре строения. Выйдя на свет — в это раз Клеопатра двигалась впереди меня, — направились к раскинутому поодаль богатому шатру. Внутри было многолюдно — у походного трона ожидали свою царицу советники и военачальники, сновали украшающие яствами стол слуги, стояли наготове рабы с опахалами, суетились рабыни около шикарной ванны.

— Все прочь, — жестким голосом произнесла Клеопатра — и тут же все советники, слуги и рабы разбежались, обгоняя друг друга, загремели доспехи покидающих шатер воинов.

«Сними с меня все», — вдруг с томными и чарующими интонациями прозвучал у меня в голове голос Леры. Столкнувшись с ней взглядом, я увидел, что глаза ее практически вернулись к прежнему состоянию — вот только по краю зрачков словно клубились миниатюрные клочья мрака.

— Быстрее! — уже вслух произнесла девушка, маняще приоткрывая ротик и шагнув вперед, невероятно, но в ее голосе я

почувствовал отголосок паники.

Два мутных камешка в черепе, венчавшем ее диадему, вдруг наполнились темнотой, и, протянув руку, я попытался было снять украшение — но Лера вдруг зашипела, как кошка, и попыталась отстраниться. Понимая, что происходит что-то странное, я рванулся вперед, не обращая внимания на то, что девушка завизжала и вцепилась в меня ногтями, и все же сорвал диадему. Лера в это миг словно взъярилась, забившись в моих руках — причем, судя по ощущениям, она боролась не столько со мной, сколько сама с собой. Обхватив девушку, избегая метнувшихся к глазам острых ногтей и вовремя повернувшись боком — так что удар коленом пришелся в бедро, — я рванул пряжку ремней на груди Леры и потянул вверх, пытаясь сорвать и их, и наплечники. Девушка взвизгнула, рванулась, чтобы высвободиться, но я уже перехватил ее руки, развернул спиной к себе и сильно дернул — болезненный вскрик, и наплечники полетели в сторону.

Сопротивление Леры сразу ослабло, она теперь отбивалась вяло — и когда я смог снять с нее широкий пояс и положил девушку на кровать, она уже практически без помех позволила расшнуровать и стянуть ее высокие сапоги. Оставшись в задранном, собравшемся у горла рваном платье — пострадавшем, когда я снимал наплечники, Лера свернулась калачиком, неожиданно заходясь в рыданиях. Присев рядом, я притянул ее к себе и чуть-чуть добавил силы в ладони, согревая девушку, — ее кожа была по-прежнему невероятно холодной.

Некоторое время мы молчали, замерев в неподвижности, — Лера беззвучно плакала, спрятав лицо в руках и прижившись ко мне, я пытался осмыслить все то безумие, которое произошло за последние полчаса.

Постепенно девушка успокоилась — но так и продолжала лежать, не показывая лица. Вдруг она гибко вывернулась, перекатившись на спину и потягиваясь, показав себя по всей красоте, и заговорила своим прежним голосом:

— Это [блин] [ужас] какой-то…

Глубоко вздохнув, словно пытаясь надышаться после долгого погружения, она взяла меня за руку и, потянувшись, присела, с мелькнувшим раздражением сорвав с себя остатки платья. Упруго поднявшись, она подошла к столу и взялась за кувшин с вином — плеснув в бокал так, что часть красной жидкости растеклась по скатерти.

— Будешь? — обернулась Лера и вздрогнула — неслышно поднявшись, я оказался рядом, так же наливая себе в вина.

— Напугал, — выдохнула девушка и в несколько глотков жадно выпила вино — так что тягучие капли потекли по

подбородку, скатываясь на шею и грудь. Поставив на стол бокал — неаккуратно, так что тот упал, но не поднимая его, — Лера посмотрела мне в глаза. Мы стояли совсем рядом — а она еще и шагнула вперед, едва касаясь меня сосками приподнятой девичьей груди, поднимавшейся в такт ее глубокому дыханию.

Подарив мне долгий и интригующий взгляд, девушка отвернулась и несколькими жестами открыла интерфейс, делая видным мне экран изображения. Присмотревшись, я понял — идет трансляция с камеры ночного видения. В центре пустого и темного помещения стоял кокон путешественника, открытый. В углу сидел голый человек, обхватив колени руками.

Перемотав воспроизведение, Лера показала мне моменты записи, демонстрирующие, как Тарасов выходил из капсулы, как он ощупывал стены и заложенные кирпичом проемы дверей, как пытался кого-то звать. После Лера вывела на экран другой видеоролик, смонтированный в ускоренном воспроизведении — и я увидел, как рабочие закладывали кладкой двери и окна, усиливая их щитами, как подготавливали здание к превращению в саркофаг, и как в течение ночи многочисленные бетономешалки подъезжали на закрытую территорию какого-то учреждения, заливая раствором здание от подвала до крыши.

— Мой тебе подарок, — коротко глянула на меня Лера. — Капсула отключена. Он там умрет. А после, если по словам специалистов действительно бессмертный, как и ты — возродится в пирамиде. В нижней камере, где сейчас находится саркофаг. Буду держать тебя в курсе.

— Впечатляет, — сдержанно произнес я, еще не решив, как реагировать на происходящее и стараясь не смотреть на нагую девушку рядом.

— Знаешь, мне всегда было интересно… — вдруг почти промурлыкала Лера, меняя тон, — что такого нашла в тебе малышка Джули… ну, до того как ты, — показала неопределенным жестом Лера, явно намекая на мои недюжинные способности. — Вы же первый раз почти сразу переспали, в первые минуты знакомства, да?

Я чуть склонил голову и положил руку девушке на бедро. Едва касаясь подушечками пальцев кожи, повел вверх до талии, а после с определенным усилием убрал руку, не добравшись совсем немного до манящей груди. И только после посмотрел Лере в глаза:

— Знаешь… красивые девушки никогда не оставляли меня равнодушным. Но свой вопрос тебе лучше задать Юлии.

— Два раза я никогда не предлагаю, — вздохнув, сдерживая дрожь, произнесла Лера, на мгновенье с легкой улыбкой

расширив глаза.

— Это очень печально, — совершенно не скрывая своих мыслей, ответил я.

Кивнув, Клеопатра отошла и, приблизившись к кровати, покрывалом вытерла пролившееся вино с груди и набросила на себя невесомое белоснежное платье, отороченные золотыми оборками.

— Жень, убери, пожалуйста…

Что убрать, я понял, хотя девушка не договорила. Пройдясь по шатру, собрал пояс, наплечники, диадему и сапоги и отнес их к массивному сундуку, положив их туда и захлопнув крышку.

— Спасибо, — странным, неуверенным голосом произнесла Клеопатра, не глядя на меня.

— Расскажи, пожалуйста, что произошло. Я не совсем понял, — повернулся я к девушке.

— Да я сама [очень сильно удивилась], — откровенно озвучила свои эмоции Лера и присела на кресло с высокой спинкой. Движения ее вдруг стали плавными, грациозными — она вновь приняла позу, как и на троне в нижней камере пирамиды: сидя полубоком, положив подбородок на ладонь и закинув ногу на ногу так, что я невольно отвел глаза — в этот раз задравшееся платье открывало взору слишком многое. Голос девушки обрел прежние, чарующе-властные интонации:

— Чтоб ты знал, вот это вот: «мальчики, деритесь»… это точно была не я, — возвращаясь к обычной позе, закончила Лера уже нормальным голосом. — У меня к тебе будет просьба. Очень серьезная.

— Слушаю.

— Если я впредь надену эти доспехи, не поставив в известность тебя или Юльчика, сделай все возможное, чтобы их с меня снять. Мне кажется, так будет лучше для всех. Договорились?

Не отвечая, я внимательно посмотрел на Клеопатру. Она кивнула, видя невысказанный вопрос, и начала рассказывать:

— Все должно было быть не так. Мы еще позавчера договорились с Юлей и Ребеккой, что я вместе с тобой беру Мемфис, мы захватываем Хорса, и ты, воспользовавшись его энергией, открываешь портал в первое отражение. Но… я не вылезала из божественных доспехов с самой Битвы, и они… деформируют сознание. Понимаешь, для достижения результата всегда есть несколько путей. И я действовала просто с иезуитским коварством и лицемерием — договорилась с Тарасовым, что он сдает мне город, а я дарю ему тебя. Он знал, что ты бессмертный — и очень обрадовался возможности спрятать тебя, теперь уже

навсегда.

— И он тебе так легко поверил?

— Я предоставила ему необходимые гарантии, — вздохнула Клеопатра, явно ошеломленная своими недавними поступками — одновременно с рассказом она сама осознавая произошедшее.

— Какие? — не мог я не спросить.

— Если у тебя получится оказаться в первом отражении, тогда сам узнаешь в ближайшее время, обещаю. Если не получится — то это будет не очень нужная и опасная для меня и тебя информация. Такой ответ подойдет?

— Вполне.

— Так вот, гарантии… — повторила Клеопатра, еще раз покачав головой, и продолжила: — У меня было все рассчитано настолько, что каждое изменение в плане было бы только в плюс. К примеру, если бы ты проиграл в поединке Тарасову — я бы все равно заставила его сбежать в первое отражение, а после того как спасла бы тебя, показала, что сильнее и имела выбор, кому помогать — ведь за Игорьком стоят серьезные люди, у которых после произошедшего нереально подгорит.

— Тебя это не затронет?

— У меня все рассчитано, — вновь пожала плечами Лера и обхватила голову руками, выругавшись несколько раз, как после ночной гулянки, когда постепенно возвращаются воспоминания об экстравагантных поступках.

— А где мне теперь взять энергию для открытия портала, тебе божественные доспехи подсказали? — сухо поинтересовался я, отвлекая девушку от размышлений о своем поведении в минувшие сутки, за которые она, судя по всему, успела немало сотворить.

— У своих тамплиеров конечно же, — подняв глаза, даже удивилась Клеопатра, — они владеют адскими вратами — отправившись в Муспельхейм, ты окажешься в центре своей стихии. Бери не хочу.

Некоторое время я молчал, после чего кивнул и задал еще один вопрос:

— Я должен был помочь тебе не только справиться с Тарасовым.

— С тамплиерами я уже договорилась. Мемфис остается мне, но они получили право на постройку четырех своих храмов — одного в Александрии и трех по течению Нила.

— Под гарантии? — изогнул я бровь точь-в-точь так, как это любит делать Ребекка.

— Я пришла в Новые Миры, чтобы добиваться всего самой, — отвернувшись, задумчиво произнесла Клеопатра и вдруг

посмотрела на меня прямо: — И знаешь, у меня ведь получалось. А сегодня ночью все это закончилось — я сама обратилась за помощью, которую, впрочем, мне всегда рады оказать и давно этого ждали. Но знаешь… наверное, время пришло. Ведь я доказала, что могу справиться и сама, — подытожила вдруг девушка, улыбнувшись и словно стряхивая груз с плеч. [Черт], — вдруг выругалась она, явно вспомнив что-то.

— Что еще такое? — спросил я, удивившись очередной интонации ошеломленной Леры.

— Да я этого… хм, пригласила на обед сегодня.

— Кого «этого»? — нейтрально поинтересовался я.

— Волкова, — отведя глаза, сказала Лера негромко.

— Это который из Федерации…

— Который из Федерации, — повторила, перебивая меня Лера, явно раздраженная.

— А зачем он тебе? — искренне удивился я.

— Когда составляла планы порабощения вселенной… — коротко кивнула Клеопатра в сторону сундука, в котором лежали божественные доспехи, — решила, что он может быть полезен.

— Воу, — не сдержал я восклицания, — а как?

— Ну как может быть полезен влюбленный в девушку мужчина, — задумчиво пожала плечами Клеопатра.

— И сейчас…

— Пообедаю с ним, — девушка по-прежнему избегала моего взгляда, рассуждая больше сама с собой, — если с порога скажу «друг, извини, сегодня у меня дела», он обидится, а мне это…. Так! — вдруг выпрямилась девушка, наконец глядя мне в глаза, и начала говорить негромко, но четко: — Чтоб ты знал, Юля мне подруга в десять раз больше, чем ты друг. Поэтому… вот это вот все недавнее, если бы ты согласился, ничем бы не закончилось, ясно? Считай это эхом, — коротко кивнула Клеопатра в сторону сундука с доспехами.

— Понятно, — покивал я, стараясь сохранить серьезный вид. Старательно закрываясь, чтобы девушка не почувствовала эхо моих мыслей о том, что ситуация, когда абсолютно голая девушка стоит рядом с молодым человеком своей подруги, предлагая ему переспать, даже без воздействия доспехов божественного владыки подземного царства может иметь десятки пренеприятнейших исходов — и для обеих девушек, и для молодого человека.

— Хотя как знать, — подтверждая мои мысли, вдруг полностью — как и я, — закрыла свои эмоции Лера, подмигнув с загадочной улыбкой.

— Мне нужно было еще кое-что узнать у Тарасова.

— Нейроблок некой Екатерины Шавченковой, — опередила

меня Клеопатра. — Я уже узнала.

— И где он? — напрягся я.

— Он уничтожен.

Внимательно глядя в глаза Клеопатре, я медленно вздохнул, осмысливая услышанное.

— Гарик мне сказал, что он уничтожен, — полностью снимая доспех духа, произнесла Клеопатра, и я почувствовал, что она не врет. — Но когда… если ты окажешься в первом отражении, это информацию можно легко проверить, и я готова тебе помочь.

— Он не сказал, что послужило причиной?

— Когда ты забрал ее из дурки, заинтересованные лица сразу узнали об этом. Девушка ведь стала очень неудобной фигурой, и ее решили устранить. Но она, как оказалось, бессмертна — и кроме всего прочего в момент уничтожения блока была в роли богини царской тиары. Казус исполнителей — сам знаешь, хочешь сделать что-то хорошо, сделай это сам.

— Ясно. Мне пора, — кивнул я, намереваясь развернуться к выходу.

— Жень.

— Что?

— По поводу моей просьбы.

— Если ты не предупредишь меня или Юлию о том, что намереваешься надеть божественные доспехи, я предприму все усилия, чтобы избавить тебя от них.

Клеопатра резко поднялась с кресла, за несколько быстрых шагов оказалась рядом и мягко поцеловала в щеку.

— Спасибо, — кивнула она на прощанье.

Выйдя из шатра, я вышел на широкую улицу и увидел, как в город вдали въезжает небольшой отряд тамплиеров. Доспехи и накидки рыцарей были серы от пыли, но среди безликой массы воинов выделялся белоснежным цветом плащ девушки — явно горбящийся на спине — там, где находились спрятанные под тканью крылья.

Мне предстоял совсем непростой разговор. Вернее, нам предстоял совсем непростой разговор.

Глава 36. Тени настоящего

Катя мягко спрыгнула с лошади и подошла ко мне, не поднимая глаз. Она сильно нервничала, не зная, куда девать руки, теребя плащ — но я шагнул вперед, беря ее ладони в свои, успокаивая.

— Привет, — шепнул я ей на ухо.

— Привет, — едва справившись с голосом, ответила она.

— Пойдем куда-нибудь, надо поговорить, — отстранился я. Катя, коротко глянув на командира отряда тамплиеров, развернулась в поисках безлюдного места. Я тоже посмотрел — и через минуту мы уже сидели на крыше царского дворца, наблюдая, как легионеры защищают город и выводят пленных.

Я взлетел на грифоне — но на меня, по-моему, даже никто не обратил внимания. Все смотрели на Катю — она поднималась на своих крыльях — и полет белоснежного ангела наблюдали по всему городу.

— Ты изменилась, — произнес я, оглядывая юную богиню. Девушка теперь разительно отличалась от хищной гарпии, виденной мною в Помпеях, — сейчас вместо бесстыдных клочков ткани на ней было длинное белоснежное платье, а мрак из глаз вытеснил мягкий желтоватый свет.

— Ты тоже, — ответила Катя, пряча глаза.

— Что они с тобой сделали?

— Прошла посвящение Великой Богине, признавая ее власть, — несколько торопливо ответила Катя, понимая, что спрашивал я совсем не об этом. И понимая, что я знаю, что она понимает. Вслух говорить об этом я не стал, просто молча ждал, когда она начнет рассказывать. Но Катя молчала, поэтому заговорил сам:

— В общих чертах ты обо мне знаешь. Несколько месяцев в коме, после чего появился здесь как аркадианец. Из рабства попал в Транснаполис, так получилось. Женился на дочери Орлова, — при этих словах Катя вздрогнула, — стал графом и молодым богом. В первом отражении меня убили совсем недавно.

— Как? — удивилась Катя, едва обернувшись.

— Ножом, в горло. Не очень приятные ощущения, если честно.

Вздохнув, я сделал паузу — ведь надо как-то рассказать Кате о том, что и она теперь бессмертная, если конечно Тарасов не соврал про уничтожение ее нейроблока.

— Катя.

— Да.

— Мне сейчас очень важно, чтобы ты рассказала о себе все, что произошло за последние полгода.

Я очень остро чувствовал, как Катя в неопределенности пытается понять, каким образом вести себя со мной. Отведя взгляд, она лихорадочно размышляла, но я, прекращая ее мучения, заговорил вновь:

— Послушай. У меня сейчас два варианта — или поступить как расчетливый хладнокровный подлец, выслушав твою подкорректированную историю, подловив на нестыковках и заставив постепенно во всем признаться. Либо не быть мелочным, понять и принять. Я склоняюсь ко второму варианту — тем более знаю, что ты меня спасла — тогда, на дороге. Пусть это было сделано из соображений финансовой выгоды…

— Нет! — вскинулась Катя, полыхнув взглядом и оборачиваясь.

— Но некоторую, вполне приличную, сумму после продажи меня на эксперименты Тарасовым ты приобрела, — негромко произнес я.

Этот факт был мне известен из воспоминаний Юлии — и также то, что именно аргументы Кати, высказанные на памятной ночной обочине, — аргументы о том, что у меня нет ни друзей, ни родных, убедили Тарасова не решать вопрос с моим телом кардинально.

— Мне надо было отказаться от денег? — бесцветным голосом поинтересовалась девушка.

— Нет, конечно. Видишь, у меня была информация, что ты действовала из корыстных побуждений — как и с квартирой. Ты говоришь, что это не так. Именно поэтому я хочу услышать от тебя абсолютно все — и если ты будешь честна со мной, поверь, я сумею проявить великодушие.

— А мне оно так необходимо? Твое великодушие? — вдруг повернулась ко мне девушка. Теперь в ее горячем взгляде и мимике не было ни единого намека на благожелательность.

— Наши знакомство состоялось по достаточно банальной причине личной корысти, и не я был его инициатором, — лишь пожал я плечами. — После всего произошедшего, когда ты совсем недавно вновь пыталась обмануть меня наличием чувств, я, не скрою, отношусь к тебе достаточно настороженно. Но не намереваюсь плодить врагов — у меня их и так немало. Нейтрального отношения между нами было бы достаточно. Ничего личного.

— Трахаться с тобой меня заставила тетка, не я сама была инициатором. Ничего личного, — вернула мне интонацию

Катя. — Но одно дело потеря имущества, а другое — смерть, поэтому я без задней мысли спасла тебя тогда, на дороге.

— Отправив в рабство, — открыто улыбнулся я. — И не забывай, мы живем в эпоху, когда люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества.

Катя в ответ на мои слова лишь пренебрежительно фыркнула.

— Если не получается заслужить любовь, государь должен стремиться хотя бы не заработать ненависть. И если есть очевидная причина, государь может лишить жизни, но должен остерегаться посягать на чужое добро, ведь люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества, и это сказал не я, а Никколо Макиавелли. Мне не нужна ненависть, поэтому да, я могу быть великодушным.

— Умный стал? — сощурившись, опасно улыбнулась Катя.

— Посещаю лекции умных людей в цитадели, — кивнул я.

— Это умные люди рассказали о том, что мое тело ты можешь отдать своей белобрысой твари?

Больших усилий мне стоило сохранить невозмутимость.

— Если я сейчас скажу о том, что не знал об этом, ты мне поверишь?

Катя опасно молчала, глядя на меня горящим взглядом.

— Когда мне доложили, что ты находишься в закрытой больнице для душевнобольных, я в тот же день был там и вытащил оттуда твое бездушное тело. В нем не было имплантов в запястьях и нейроблоков — как я узнал, к их исчезновению был причастен Тарасов. И попытался его достать — не удалось, он слишком высоко взлетел.

— Намного выше тебя? — дернула уголком рта девушка.

— Не было времени рассматривать, меня убили. А твое тело я распорядился доставить во Францию — в исследовательский центр, и о том, что его забрала Юлия, я действительно не знал.

— Она мразь, как и ее папаша…

— Катя.

— Старый ублюдок, извращенец, убила бы…

— Катя!

Отшатнувшись, девушка вгляделась в мои полыхнувшие огнем глаза и замолчала.

— Орлов мертв. Он умер в тюрьме, если это тебя утешит. Юлия моя жена, и я прошу тебя впредь обойтись без оскорблений, упоминая ее имя. Итак, мы вернулись к началу разговора. Я могу быть полностью откровенным с тобой — мне не нужен еще один враг, и я готов вернуть тебе тело и проявить великодушие, забыв обо всем. Если тебе безразличны наши последующие отношения, можем прямо сейчас закончить разговор.

— Я подумаю, — произнесла девушка, расправляя крылья.

— Постой, — остановил я ее окликом. И, глядя на обернувшуюся девушку, спросил: — Как ты узнала о том, что твое тело оказалось у Юлии?

— Птичка в клювике принесла, — отвернулась девушка, взмахнув крыльями и взмывая вверх.

— Катя! — крикнул я ей вслед, но она больше не обернулась.

Птичка в клювике принесла, значит — я вдруг понял, что ответила мне девушка абсолютную правду — Бургундцу тоже письмо доставил ворон. Если это действительно так, интересно, кто еще получал обо мне столь интересные письма счастья? И кто их рассылает?

Вскочив на коня, я взмыл над городом и, осмотревшись, направил скакуна к отряду тамплиеров, которые расположились во внутреннем дворе дворцового комплекса, ожидая приема у Клеопатры.

Приземлившись рядом, я направился к ближайшему рыцарю.

— Скажи, брат, как мне быстрее попасть в ад?

Реакция на необычный вопрос оказалась вполне обыденной — командир отряда, отвлекшись на пару секунд, открыл мне портал и через несколько мгновений, шагнув в белоснежный зев пространственного перехода, я оказался в Храме тамплиеров в Городе Магов Альбиона.

Поплутав по улочкам, часто сверяясь с картой, я заплатил за проход через портал — статус послушника ордена тамплиеров снимал с меня обязательство покупать или получать приглашение — и вскоре уже стоял за огромной аркой портала на плато Адских Врат.

В крепость меня пропустили беспрепятственно, но сразу в зал, где находились порталы в центр миров Хельхейма, Нифльхейма и Муспельхейма, я не пошел. Было одно дело, которое необходимо решить быстрее.

Денис Кайгородов — рыцарь-тамплиер и такой же бессмертный молодой бог, как и я, нашелся в донжоне. Узнав, что я хочу его видеть, он даже покинул важное совещание. И судя по виду, очень торопился — но меня слушал с неослабевающим вниманием. После разговора с Катей настроение у меня было не очень, поэтому начал я издалека.

— В Красноярском крае есть поселок Таежный Маяк. Слышал о таком?

— Нет, — покачал головой Денис.

— В поселке Таежный Маяк живет вдова с ребенком. Ей надо помочь — морально и материально.

— У меня где-то реклама благотворительного фонда

крутится? — сдержанно поинтересовался Денис, умело скрывая раздражение, вызванное спешкой.

— Мальчика зовут Иван. Он занимался хоккеем, но после того как школу в Кузне оптимизировали, ему пришлось вернуться в…

— Послушай, — прервал меня, наконец, Денис, — у меня достаточно дел, и…

— Это ты меня послушай, — едва сдержался я. — У меня тоже достаточно дел, не менее важных, чем твои, которые ты почему-то делаешь через задницу. Поэтому будь добр, удели минуту внимания.

То, что тамплиер упустил Тарасова, когда я того оставил, Денис хорошо помнил — судя по залившимся румянцем скулам. Но мой тон ему совершенно не понравился — глаза Кайгородова полыхнули белым светом, а я почувствовал, как у меня чуть приподнимается верхняя губа в угрожающей гримасе. Двери зала вдруг распахнулись, и к нам быстрым шагом подошла Габриэлла в длинном красном платье — приобняв Кайгородова за плечо, но встав чуть впереди, словно разделяя нас с ним.

— Итак. В Красноярском крае есть поселок Таежный Маяк. В нем живет вдова с ребенком. Помочь им не прошу, не в благотворительный фонд обратился, уже понял. Но, — сощурил я глаза, — у мальчика Ивана, сына вдовы, был брат. Его звали Василий Серов, и погиб он из-за тебя.

Кайгородов дернулся, как от удара, но Габриэлла явно вцепилась ему в плечо, и он промолчал. Я же выждал паузу, понимая, что зря затеял разговор именно сейчас — как и неудачно закончившийся разговор с Катей.

Информацию о том, что Василий Серов — сын Веры, женщины, которая кинула нам с Ребеккой кота под колеса машины, погиб по вине Кайгородова еще во время работы проекта «Данте», раскопали специалисты де Варда — я прочитал об этом сегодня ночью в файлах Ребекки, когда она спала, оставив их для меня открытыми. И была одна грязная работенка, которую нужно выполнить, но самостоятельно делать этого я не хотел.

— К счастью, Иван встретил меня и уже занимается в моей хоккейной команде, которую я создаю. Его мать работает у меня в резиденции. Но. После того как по твоей вине, — Кайгородов вновь дернулся, но промолчал, — погиб ее сын, у женщины были некоторые проблемы. И ей, удивительно, кто-то все же помог тогда. Безвозмездно.

— Я распорядился организовать похороны и помочь ее сыну, — играя желваками, сквозь зубы произнес Кайгородов.

— Тушить деньгами пожар — плохая идея, — так же сквозь

зубы ответил я, чувствуя все нарастающее раздражение. — Ты в следующий раз лучше ничего не делай, чем так — для галочки и успокоения совести.

Денис сжал кулаки, и я видел, что сдержался он только из-за Габриэллы.

— Евгений, не ищите, пожалуйста, ссоры, — голосом, в котором зазвенел холод всех мировых океанов, произнесла Габриэлла. — Скажите истинную цель вашего визита, чтобы мы могли продолжить конструктивный разговор.

— У Веры… — я хотел еще раз произнести «матери Василия, который погиб по твоей вине», но не стал, чувствуя, что будет уже перебором. — У нее был сожитель. Пользуясь горем женщины, он присвоил все те деньги, которые выделил ему неблаготворительный фонд, и исчез, оставив женщину наедине со своим горем и алкоголем. В тот момент, когда я ей помог, у нее долгов было в три раза больше, чем тогда, когда ей была выделена компенсация за жизнь своего сына.

— Я не… — взвился было Денис.

— Ты дал задание помочь мальчишке, но даже не проконтролировал исполнителей! — перебил я его. — И я пришел сюда, для того чтобы сказать — не стоит соваться больше в жизнь Серовых, если бы ты вдруг вспомнил о том, что должен кое-что этой женщине. Но, — перебил я Кайгородова, — тот мужчина, бывший сожитель Веры Серовой, еще даже не успел пропить все твои деньги, которые у нее украл. Поэтому я хотел бы, чтобы ты…

— Я все сделаю, — перебил меня Кайгородов.

Кивнув, не глядя на Габриэллу, я развернулся и направился к выходу, чувствуя эмоции сестры Ребекки и тамплиера. Даже услышав краем уха нескольких фраз, брошенных Кайгородовым в раздражении.

Вот так — сделал гадость, весь день на сердце радость. Пусть я совершил ошибку — информацию о Серовых Кайгородову можно было подать в ином ключе, но зато нашел выход своему раздражению и злости — сильным еще с того момента, как тамплиер упустил Хорса в Помпеях.

И как следствие, весьма вероятно, теперь в игру «элегантно выбеси собеседника» будут играть не только Ребекка с Габриэллой на великосветских приемах, но и мы с… Вдруг, прерывая мои мысли, позади раздался топот ног.

— Джесс! — окликнул меня сбежавший по лестнице Денис.

Молча обернувшись, я посмотрел в горящие чистым белым пламенем глаза тамплиера.

— Я хочу попросить у тебя позволения посетить Таежный Маяк и извиниться перед Верой Серовой и ее сыном Иваном, —

чуть склонил голову Кайгородов.

Опасный он парень — холодно подумал я, глядя в горящие чистым светом глаза, — в отличие от меня уже умеет признавать свои ошибки.

— Распоряжусь, — кивнул я, поднимая ладони в знак того, что больше не держу зла и раздражения.

— И… я сам узнал о том, что бессмертный, когда меня убил Тарасов. Так что упустил его в Помпеях не от недостатка мотивации, — ровным голосом произнес Кайгородов.

— Ух ты, — не сдержался я, — значит, мы с тобой практически братья по разуму.

— И если я найду его первым, то могу дать тебе возможность…

— Тарасов сейчас сидит в бетонном мешке без еды и воды. Когда он через пару дней умрет от истощения, мы посмотрим — бессмертный ли он сам. Возродиться же он должен, если это случится, в надежной тюрьме. Но за предложение спасибо, — кивнул я, наслаждаясь реакцией Кайгородова. Испорченное с утра Клеопатрой и Катей настроение стремительно улучшалось.

Попрощавшись кивком, я было развернулся, направляясь в зал порталов, расположенный в отдельном амфитеатре, где находились три арки для прохода в миры преисподней. Но вновь был остановлен окликом.

— Ты сейчас куда? — поинтересовался Кайгородов.

— Муспельхейм.

— Это самый опасный мир в аду. Тебе дать отряд сопровождения?

Широко улыбнувшись, я развел руки в стороны, чувствуя, как холодное для меня и обжигающее для других пламя охватывает ладони, поднимаясь до локтей и выше.

— Ты можешь послать отряд сопровождения, чтобы защитить Муспельхейм от меня, — рассмеялся я с удовольствием от ощущения невиданной силы — здесь, в Адских Вратах, присутствовала моя стихия, и ее близость пьянила не хуже вина.

Глава 37. Три толстяка

— Геральт не любил порталы, — услышал я, стоило только схлопнуться магическому овалу за спиной.

И почти сразу — коротко, совсем по-девичьи взвизгнув, Юлия стремительно подбежала, запрыгнув на меня и оплетя ногами — совсем как тогда, когда мы с ней недавно встретились в цитадели.

Закружившись вместе с девушкой я крепко зажмурился, с удовольствием ощущая запах свежих полей и чистого леса, обступающего поляну. И через мгновенье — влажные губы в жарком поцелуе.

— Может, глаза откроешь? — поинтересовалась Юлия.

— Я хочу чувствовать тебя, а не видеть чужое лицо, — ответил я, так и не открывая глаз, за что получил еще один долгий и чувственный поцелуй.

Хотелось бы не прекращать это мгновение, но слишком многое мне предстояло сделать. Поэтому я сквозь ресницы посмотрел в лицо Кати, которое уже неуловимо меняло черты, мимикой напоминая Юлию. Вспомнив вдруг обстоятельства знакомства с Орловой, я не удержался и улыбнулся.

— Что? — почувствовала насмешку Юлия.

— Да вспомнил тут. Критерий оптимальности и шутку про бывшую, которую при желании можно проверить на практике, — вновь усмехнулся я.

Юлия сначала не поняла, а после сверкнула глазами — густо покраснев, но не решив, как реагировать на мои слова. И, видимо, решила не реагировать никак.

— У тебя оба глаза целы, — сообщила она, дотронувшись до моего лица.

Невольно моргнув, я понял — действительно, оба целы. А ведь успел уже про это забыть.

— Только один зеленый, а другой карий, как и в новых мирах, — сообщила Юлия, прекратив сжимать меня ногами и взглядом попросив опустить себя на землю.

— Ну наконец-то, — отреагировал на ее приземление Геральт, который все это время стоял, облокотившись на капот забрызганного грязью белого Дефендера и делал вид, что изучает красивый пейзаж излучины реки. Чуть поодаль возвышался трактор Беларусь, из кабины которого ошарашенно глядел на меня пожилой работяга, теребя кепку на затылке. Наверняка сейчас грешит на наливку или деревенский самогон — подумал я, чувствуя удивление мужика. Который и так был растерян,

сопровождая дорогущий внедорожник и двух одетых в странную униформу юнцов в дремучую глушь, а когда увидел третьего в похожей форме, появившегося из портала, явно решил, что встретился лицом к лицу с белой горячкой.

— Это что? — поинтересовался я, показывая на старичка-белоруса, но, увидев прикрепленный к Лендроверу трос, понял — внедорожник приехал сюда не сам.

— Дороги у вас тут… только на тракторе, — сдержанно ответил Геральт.

— Не оптимальней было сразу на тракторе приехать? — нейтральным голосом поинтересовался я, после чего получил ощутимый удар в плечо от раскрасневшейся Юлии и встретил недоуменный взгляд беловолосого. Здесь кстати — в первом отражении, — он был коротко подстрижен.

— Цепляем и погнали обратно? — поинтересовался он.

— Погнали, — кивнула Юлия, но направилась не к машине, а к раскинувшемуся дубу, для того чтобы забрать свой нож.

Далеко отъехать мы не успели — стоило только миновать густой лес и выбраться на проселочную дорогу, как над нами появилось звено вертолетов. Об их появлении Юлию по телефону предупредила Ребекка, поэтому беспокойства ожидаемое появление винтокрылых машин не вызвало.

Зато волнение было — мне предстояла очень важная встреча. Важная для всех нас — как сказала мне только что Ребекка по телефону.

Геральт остался в Лендровере — ему предстояло возвращаться домой в компании трактора, а мы с Юлией на вертолете долетели до аэропорта Таежного Маяка и пересев на бизнес-джет, через несколько часов уже приземлились в Кольцово. Прикрываемые сразу десятком безликих специалистов в костюмах и черных очках, пересели из самолета в массивный бронированный внедорожник — поданный прямо к трапу. Выехав из аэропорта, сопровождаемые эскортом, помчались по Екатеринбургской кольцевой магистрали, а менее чем через полчаса оказались в закрытой резиденции в пригороде.

Здесь, выйдя из машины в непривычной тишине среди вековых деревьев, мы по мягким тропинкам направились в сторону невысокого белоснежного здания. Зайдя внутрь и миновав просторный холл, на лифте спустились далеко вниз — панели с кнопками этажей не было, а управлял агрегатом такой же безликий специалист, как и остальные.

Когда мы вышли из распахнутых створок, ничто вокруг не говорило о том, что мы находимся под землей — разве что окон не было. Дальше двинулись по стандартному для

государственных учреждений коридору, отличающемуся лишь явной дороговизной отделки и наличием множества государственных гербов.

Нас с Юлей привели в просторный зал совещаний, в центре которого находился круглый стол для переговоров. За которым сидел сухопарый пожилой мужчина, поднявшийся при нашем появлении.

— Господин Воронцов. Госпожа Орлова, — протянул он поочередно нам руку и приглашающим жестом указал на места напротив. Коротко переглянувшись с Юлией, я увидел, как девушка ободряюще мне подмигнула — вероятно, почувствовав мою некоторую робость. Ведь передо мной сейчас был один из тех, кто периодически вещает с экранов федеральных телеканалов, будучи максимально приближен к верховной власти.

Стоило только нам с Юлией присесть, как с другой стороны совещательного зала открылись двери, и в помещение зашли еще двое. Не такие известные персоны как сухопарый чиновник — но что одного, что второго я периодически видел в новостях. И если невысокий лысеющий дипломат часто появлялся во время обострившегося в середине десятилетия внешнеполитического кризиса, то второго — действующего губернатора, многие авторитетные издания называли одним из будущих преемников президента.

Поздоровавшись и оглядев всех троих, я вдруг вспомнил разговор с Ребеккой о Трех Толстяках — и о тех людях, которые, глядя на происходящее сверху, решают судьбу наследника Тутти.

— Перейдем сразу к делу, — произнес встретивший нас сухопарый чиновник и выжидательно посмотрел на губернатора. Тот в ответ бросил на чиновника несколько недоуменный взгляд, мельком глянул на дипломата и пожал плечами, явно недоумевая, почему говорить предстоит ему.

— Прошу, Георгий Алексеевич, начните как лицо, максимально точно представляющее обстановку и перспективы на фронтах. Видимых и невидимых, — пояснил свою просьбу чиновник. Молчаливый дипломат в этот момент встал и подготавливая для губернатора материал, деловито включил проектор — после чего на стенде рядом показалась карта с явно секретной информацией, — судя по соответствующей подписи и эмблеме министерства обороны в углу экрана.

Вся троица вела себя несколько странно — и я вдруг понял, — причина этого в том, что они были оторваны от своих дел и прибыли на встречу в спешке, заранее не подготовившись. Губернатор, подтверждая мою догадку, кивнул и взял небольшую

паузу, явно формулируя про себя фразы для начала разговора. А затем заговорил четко, по делу и без пауз:

— Ситуация на фронтах — внешних и внутренних — сейчас такова, что под угрозой само существование Российского государства. Всеми возможными способами мы пытаемся избежать втягивания в конфликт, но, к сожалению, дальше так продолжаться долго не может.

Китай и Соединенные Штаты на Тихоокеанском фронте временно сохраняют паритет — который будет нарушен, как только мы явно поддержим одну из сторон. Что автоматически будет означать поражение третьей страны. В ближайшей перспективе — если мы начнем военные действия, или в не столь отдаленной — если просто обозначим вектор дальнейших действий.

Но в любом из этих случаев последствия для нас будут катастрофическими, и по всем прогнозам мы выйдем из войны с потерями, в лучшем случае сопоставимыми с состоянием СССР после второй мировой. Что для нас губительно — ни Объединенной Европе, ни Великобритании мы после этого не сможем противопоставить ничего, кроме статуса победителя. Нас просто уничтожат, в лучшем случае экономически, — сделав небольшую паузу, губернатор поднялся и, подойдя к карте, принялся коротко обрисовать ситуацию в мире.

Из просмотренных вчера документов Ребекки я знал многое — ее сводки про положение на Индском, Центральноамериканском и Тихоокеанских фронтах практически не отличались от того, что говорил бывший профессиональный военный, ныне занимающий губернаторское кресло.

И ведь это все он рассказывал мне, вдруг осознал я, внутренне обмирая. До этого момента все происходящее — в том числе и разговоры с Ребеккой о войне, мире и политике, воспринималось ярким мультяшным калейдоскопом, особенно сквозь вспышки магических пожаров. Даже встреча в Бильдерберге — на которой присутствовали многие видные европейские политики, меня не тронула — ведь там в большинстве участвовали такие же молодые боги, как и я.

Зато сейчас, сидя в правительственном бункере с серыми кардиналами российского правительства, слушая деловую, но казенную речь, я понял — все действительно всерьез.

— В ходе индо-пакистанского конфликта часть индийского ядерного оружия оказалась изъята из арсеналов, и этот факт был скрыт индийской и британской стороной. Мы не знаем, у кого именно сейчас находятся боеголовки и сколько их, но есть все основания полагать, что первыми целями станут Москва или

Петербург. После этого — вне зависимости от того, кто будет стоять за атакой, нам будет невозможно уклониться от участия в войне.

— Зачем нужны мы? — поинтересовался я, чувствуя, как от услышанного холодок все шире растекается по спине.

— У нашей страны сейчас нет способов избежать войны. Поэтому принято решение, что она все же начнется. Гражданская, — холодно произнес сухопарый чиновник, опережая с ответом генерал-губернатора. И кивнул ему, попросив продолжать:

— Последнюю неделю набирает силу сепаратистское движение на Дальнем востоке, в ходе силового подавления которого армия и полиция перейдут на сторону повстанцев, — губернатор начал демонстрировать на карте регионы. — Кроме этого, будет создан управляемый хаос на Северном Кавказе, спровоцирован русский бунт в центральных регионах — создание обновленной коммунистической партии в Орловской области, а также активное протестное движение за гражданские права и свободы в больших городах.

Кроме этого, в ответ на сфабрикованную нами латвийскую провокацию будет совершена аннексия всех прибалтийских стран и создание республики Ингерманландии. Это будет сделано силами частей Балтийского флота с последующим демонстративным неподчинением Москве. В результате на европейской части будут созданы четыре управляемых очага нестабильности, и под предлогом снижения напряженности состоится переезд правительства в Екатеринбург, в котором к этому времени будет развернуто массовое промонархическое движение.

Президент отправит в отставку кабинет министров и во время политического кризиса останется в Екатеринбурге, не отрекаясь от должности и призывая всех лидеров протестующих движений сесть за стол переговоров — при этом демонстрируя иллюзорную беспомощность в управлении ситуацией.

Рассказывая, губернатор указывал на карту, и я видел, как всю Россию охватывает пламя нестабильности. Он между тем продолжал:

— На Востоке армия будет движущей силой сепаратистского движения, на Западе же силовые структуры станут гарантом того, что европейская часть России сохранит стабильность и управляемость, при этом отстаивая рубежи и целостность государства.

Разделение страны — это первый шаг. Второй — вступление в войну, которой нам не избежать никоим образом. Но в войну

вступит Дальневосточная республика — и вступит на стороне Соединенных Штатов. Ее будущий генерал-губернатор, сейчас находящийся на переговорах в Вашингтоне, завтра уже должен вернуться во Владивосток.

Карта вдруг переместилась, и на экране появилось укрупненное изображение Северной Америки — восток которой был захвачен алым огнем восстания.

— У американцев сейчас большие проблемы — восстание в Санта-Круз расширилось на все восточное побережье. Калифорния, Аризона и Нью-Мексико не подчиняются федеральному правительству, на их территории действуют сепаратисты так называемой Империи Атцтлан. Так как латиноамериканское население в этих трех штатах составляет больше половины, введение национальной гвардии обернется большой кровью, и в Вашингтоне не видят безболезненного решения проблемы, кроме помощи извне. Также фактически не подчиняется федеральному центру Техас, но об объявлении независимости речи пока не идет, потому что для южан это означает войну с Мексикой.

Экспедиционный корпус Российской Дальневосточной Республики высадится в Калифорнии, заняв Форт Росс и вступая в конфронтацию с Атцтланом под предлогом возвращения Русской Калифорнии. Помогая Соединенным Штатам, мы опередим британцев — которые так же готовятся оказать американцам помощь в подавлении восстания, при этом уже подготовив для Калифорнии своего принца. В отличие от них, мы готовы довольствоваться лишь возвращением в Соединенные Штаты Русской торговой компании после окончания войны.

Я хотел было спросить о позиции Китая, но карта уже переместилась на восточные границы Федерации, а генерал-губернатор продолжал:

— Российская Дальневосточная Республика вступит в войну на стороне Соединенных Штатов, при этом не объявляя войну Китаю. Президент заявит о том, что предпримет все меры о сохранении федеральной целостности, а также о том, что вторжение на территорию России вооруженными силами любой другой третьей страны — пусть и в охваченные восстанием сепаратистские регионы, будет считать актом прямой агрессии и объявлением войны. При этом президент будет обещать Китаю выполнение союзного договора после стабилизации ситуации в стране.

— Юрий Владимирович, — показал взглядом генерал в сторону дипломата, — ответственен за события на Западе, в том числе и за русское ирредентистское движение на территориях

Восточной Европы. Я — за восточное направление, — коротко кивнул он, словно заново представляясь.

— После окончания горячей фазы войны придет черед третьего шага нашего плана — реформирования государственных институтов с превращением России в Федерацию по факту, с приобретением всеми регионами равных прав на уровне тех, что есть сейчас у национальных республик, усилением роли Совета Федерации и введением в него представителей владетельного класса из молодых богов и новой знати. Из тех, кто за свои заслуги в войне получит на территории России и сопредельных государств родовые земли.

— Если доживем, — коротко и негромко прокомментировал вдруг дипломат, продемонстрировав тень улыбки.

— Барон Сиверс, — не обратил внимания на реплику губернатор, — известный вам по новым мирам как Приск, уже дал согласие возглавить новую знать в Ингерманландии — территорию которой получит во владение после окончания войны. Вам, господин Воронцов, мы предлагаем стать главой новой знати в русском экспедиционном корпусе в Северной Америке в обмен на дарование земель в Сибири — тех, где вы сейчас строите свою резиденцию.

— И желая быть с вами честными, предупреждаем сразу, — заговорил сухопарый чиновник, — на территории Сибири много мест силы, концентрирующих энергию, и после возвращения старых богов в наш мир именно там весьма вероятны вторжения недружественных существ из иных миров. С каковыми мы так же панируем бороться, рассчитывая на вашу помощь как на владетеля вверенных государством земель.

Повисла недолгая пауза со звенящей тишиной.

За несколько мгновений я успел отстраненно подумать о том, что прямо отказаться от предложения не получится — слишком серьезная информация была только что доверена нам с Юлией.

— Сроки? — коротко спросил я, выгадывая еще время на раздумья.

— Сейчас все наши силы, — заговорил сухопарый чиновник, — направлены на то, чтобы избежать уничтожения в ходе террористических атак в Москве и — или — Петербурге. Если этого сделать не получится, процессы придется форсировать. Если силовые ведомства, — бросил чиновник взгляд на генерала, — смогут защитить наши столицы, то будем действовать по плану. Уже завтра в Орловской области собирается съезд КПРФ, на котором группа молодых политиков поставит вопрос об общественном обсуждении ленинградского дела и признании личной ответственности за произошедшее

товарища Сталина. По результатам в партии произойдет раскол, после чего Орловская область должна стать центром обновленного коммунистического движения, которому мы откроем ворота в Новые Миры, вручив факел Прометея, — чиновник едва-едва улыбнулся, и продолжил: — Уже сегодня вечером в СМИ начинается массовая компания против видных чиновников правящей партии, в результате которой будут спровоцированы массовые протестные акции так называемых «рассерженных горожан» из мегаполисов с выдвижением новых ярких оппозиционных лидеров с незапятнанной репутацией. Вооруженное восстание на Дальнем Востоке планируется сразу после переезда правительства в Екатеринбург — к концу апреля, по предварительному плану.

Пока чиновник говорил, я переглянулся с Юлий, которая сильнее сжала мою руку.

— Ваше предложение звучит так, словно вы предлагаете мне с разбега… с длинного разбега, — посмотрел я на Тихий океан, — удариться головой в стену. Достаточно опасное мероприятие — поэтому вопрос: на какие гарантии я могу рассчитывать, после того как мы обговорим причитающееся мне вознаграждение за участие во вторжении на территорию супердержавы?

— Уже создано новое федеральное герольдмейстерское министерство, и находится на подписании закон об изменении системы учета классных чинов с введением обновленного «Табеля о рангах» — эта реформа имеет целью введение новой знати в политическую элиту страны. Непосредственно вам прямым указом президента будет присвоен графский титул с выведением дарованных земель из федеральной собственности. Это… юридические гарантии. Кроме того, с вами в Северную Америку отправится княгиня Ланская, известная вам по новым мирам как Клеопатра. Она моя дочь. Поэтому, как видите, столь волнующий разбег, — бросил чиновник короткий взгляд на карту, — вы будете совершать не в одиночку. И в его успехе я заинтересован не только как государственный деятель.

После того как чиновник упомянул о том, что Лера его дочь, я вспомнил утренний разговор и теперь отчетливо понял, к кому именно она обратилась за помощью.

— Совсем недавно один мой… знакомый, предупредил, что у меня состоится важная встреча с его большим другом, — начал было я, вспоминая, кто именно был большим другом Радагаста, якобы погибшего. Но завершить фразу не успел — заставив вздрогнуть от неожиданности, меня прервал голос из-за спины:

— Господин Радагаст говорил обо мне.

Мягко ступая, к столу подошел Дионис, неведомо как

появившийся в кабинете. Он был в классическом деловом костюме, а его длинные волосы стягивались в тугой хвост на затылке. Все трое чиновников удивились появлению бога, но лишь мимолетно — видно было, что гость им хорошо знаком.

— Мадам, — галантно кивнул Дионис Юлии, после чего осмотрелся, с неодобрением скользнув взглядом по столу. Взяв один из высоких стаканов, наполнил его из графина, после чего превратил воду в вино, сделал несколько глотков, смакуя, и только тогда сел за стол.

— Прошу прощения за вторжение, но у всех нас появились важные и срочные дела, — извиняясь, склонил голову Дионис. В тот момент, когда он договаривал фразу, двери распахнулись, и в зал практически вбежал один из безликих специалистов — в руках у него был планшет с текстом на экране.

Быстро скользнув взглядом по донесению, сухопарый чиновник положил планшет на стол и резким жестом подвинул его к дипломату и генералу.

— Появилась информация, что первой целью атаки будет не Москва и не Петербург. Это Париж, — произнес чиновник, глядя мне в глаза.

— Мы повелись, — глядя на губернатора, совсем негромко прокомментировал дипломат.

— И не только мы, — в тон ему также тихо ответил губернатор.

— Ваша сиятельство, вам лучше подняться на поверхность и ответить на телефонные звонки — связь здесь не ловит. До взрывов у нас осталось совсем немного времени — я боюсь, французская полиция не сможет их предотвратить, — произнес Дионис, обращаясь ко мне. — Технические вопросы мы обсудим с…

Бог говорил что-то еще, глядя на Юлию, но я уже не слышал. Увидев кивок девушки, быстрым шагом — почти бегом — выскочил из кабинета и рванулся к лифту. Ни о чем не спрашивая, специалист — у которого в ухе была едва заметная гарнитура связи — просто направил кабину наверх. Пока ехали, я достал телефон, глядя на значок отсутствия связи. Как только выбежал из распахнувшихся дверей в холл, на экране одно за другим начали появляться сообщения о неотвеченных вызовах.

Набрав номер Ребекки, я услышал короткие гудки. Перезвонил на следующий, дежурный в «Воронцово» — с него мне также набирали не один раз.

— Привет. У нас очень большие проблемы…

— Я знаю про Париж, — прервал я Софью.

— Ребекка не может до кого-то дозвониться и очень по этому

поводу нервничает. Мне кажется, что она на грани истерики… да, это он… — вдруг изменила тон Софья, обращаясь к кому-то другому.

— Джесси, — раздался в трубке безжизненный голос Ребекки. — Я не могу дозвониться до Адель. Она сейчас в отеле Риц на совещании с главой своего штаба, но у нее выключен телефон, а Лавуазье не берет трубку. Туда отправился Мартин, но я боюсь, они не успеют выбраться из города. Я не знаю, что делать.

Не прекращая вызов, я отложил телефон на фигурную скамейку рядом и закрыл глаза. Как совсем недавно будучи в Муспельхейме я представлял излучину реки, сейчас попытался увидеть Эйфелеву башню — место, знакомое любому человеку на планете. Внутренним взором ощущая интерактивное меню со списком порталов, видел там места силы Мемфиса, Эмеральда, Элизия, Сибири и Города Магов, но знаменитая башня не появлялась.

Не появлялась, потому что невозможно переместиться к портальному маяку, который ты предварительно не посетил — вспомнил я слова Ребекки. И, не отрывая глаз, словно вживую вспомнил, как совсем недавно — и одновременно очень давно — первый раз появился в корпусе Сферы. Когда, пройдя через едва скошенные под общую форму здания автоматические двери, оказался в просторном зале, озаренном бликами ярких солнечных лучей. Вспомнил, как привлекла мое внимание удивительная статуя — буквально дышавшая жизнью. Статуя, отображавшая момент единения ширококрылого ангела в классическом костюме и закутанной в полупрозрачную ткань весталки, которую он поймал в падении. Перед глазами явственно встали хорошо запомнившиеся рифленые подошвы ангела, которыми он сминал крышу автомобиля и мириады соколков стекла, словно замершие в мгновении вечности. Вспомнил изумительно живое лицо девушки с широко открытыми глазами и ее взгляд, которым та глядела на своего спасителя.

Скульптура была настолько реальна, что, казалось, камень может ожить, вырываясь в реальность — я отчетливо помнил, что в тот момент, когда я ее рассматривал, даже забыл обо всех своих мыслях и проблемах. Именно поэтому сейчас, как недавно в Муспельхейме, характерным жестом левой руки открыл меню интерфейса портального перемещения и с закрытыми глазами из списка мест силы выбрав появившуюся там статую, сделал круговое движение, образуя портал.

Открыв глаза, увидел перед собой красный магический отблеск и, забрав телефон со скамейки, шагнул в портал, краем

уха уловив удивленные возгласы за спиной. А едва появился в зале Сферы, сразу раздались вскрики похожей тональности — но уже на французском.

Не обращая внимания на замерших при моем появлении работников и специалистов Сферы, я посмотрел на экран. Разговор прервался, и я вновь набрал Ребекку.

— Слушаю, — дрогнул от напряжения ее голос.

— Я в Сфере, в Вильнев-д'Аске. Подскажи, как мне быстро добраться до Парижа?

Ребекка на несколько мгновений замолчала, осмысляя услышанное, а после заговорила:

— Сейчас я позвоню Мартину, он должен быть рядом — пусть берет самолет в Кортрейке — и летите в Париж. У вас очень мало времени, счет на минуты. Объявлять эвакуацию никто не станет — это равнозначно мгновенной детонации зарядов. Спецслужбы до последнего будут пытаться найти и обезвредить террористов — и пусть им помогут все боги. Де Вард сейчас направляется в Риц, где должна находиться Адель. Когда он ее найдет, я с тобой свяжусь, и вы встретитесь в… — тут Ребекка задумалась.

— Я в Париже самостоятельно смогу найти только одно место, — быстро произнес я, лихорадочно размышляя.

— Поняла. Мальчик мой, прошу, спаси ее, — только сейчас по голосу графини я почувствовал, что она действительно на грани истерики.

Глава 38. Забытый Путь

— Нет, — негромко произнесла Адель, прерывая доклад господина Лавуазье, руководителя своего штаба по связям с общественностью.

— Мадам, — несколько опешил от слов Адель тот.

— Это все… не годится, — произнесла Адель, задумчиво поглаживая широкий золотой браслет на руке, совершенно не сочетающийся с ее воздушным летним платьем, смотрящийся чужеродно и даже кичливо.

— Но мадам, мы начали действовать по утвержденной программе, которую разработали и многократно…

— Нет, — вновь негромко произнесла Адель, скупым жестом прерывая Лавуазье. — После того как в сети началось бурное обсуждение нашей схватки с Клеопатрой, я поняла, что для реализации плана по возвращению истинного статуса священному женскому началу еще слишком рано. Мы пока живем в мужском мире и если начнем действовать, как собирались, у нас могут возникнуть большие проблемы — особенно если к нашей работе попытаются примкнуть воинствующие феминистки или другие подобные недоразумения. Мы должны пройти по очень тонкому льду, и я не хочу рисковать прямо сейчас.

Адель сделала паузу, поглаживая браслет, после чего заговорила вновь:

— Записывайте. Хотя нет… запоминайте, — взглянула собеседнику в глаза девушка и, отведя взгляд, продолжила: — Крещение Хлодвига совершалось прилюдно и при немалом скоплении народа в специальной лохани на площади Реймса. Первым креститься должен был Хлодвиг, а после него сыновья, дружина и двор.

И когда, сбросив пурпурную мантию, Хлодвиг окунулся, принимая крещение, Ремигий опрометчиво произнес ставшие знаменитыми слова: «Mitisdepone colla, Sicamber, adoraincendisti, incendiquod adorasti», — призывая короля Меровингов почитать то, что он сжигал, и сжигать то, что он ранее почитал.

Хлодвиг вдруг задумался и спросил у Ремигия — если он должен сжигать то, что почитал, относится ли этом к могилам и памяти предков. На что Ремигий ответил, что, конечно же, могилы предков трогать не стоит, а вот языческие святилища надо бы уничтожить. Подумав, Хлодвиг вновь спросил у апостола франков, а что с самими моими предками? Если я принимаю христианскую веру, значит ли это, что они смогут

присоединиться ко мне в небесных чертогах, покинув преисподнюю?

Ремигий ответил, что нет, ведь «De infernis nullaest redemptio» — из преисподней нет пути обратно, а предки Хлодвига как язычники никак не могли попасть в рай. Хлодвиг озадачился и, не выходя из бадьи, у которой уже ждали своей очереди сыновья, графы и дружина, задумался. Если что, — на миг прекратила монотонный рассказ Адель, — похожая ситуация произошла с ярлом Радбодом, можете посмотреть в книге «Путь Короля», там это хорошо описано. Итак, Хлодвиг, по-прежнему не выходя из бадьи, спросил у своих подданных, согласны ли они на то, чтобы разделиться с предками и никогда больше не увидеться с ними на небесах? Конечно, никто из его подданных не ответил утвердительно.

Хлодвиг был мудрым королем и не стал отрицать принятие христианской веры, уже окунувшись в воду. Но в тот день крещен оказался только он один и подписал соглашение с Римской Церковью, став королем-христианином. Новым Константином, как звучал дарованный ему церковью титул. Доступно рассказала?

— Да, мадам, — умело скрывая недоумение, кивнул Лавуазье.

— К завтрашнему дню мне необходим документ, составленный на этой канве, в котором обязательно должно быть упомянуто о наличии у Меровингов гаремов, языческих обрядов погребения и традиции посвящения мальчиков в «священные короли» с помощью ритуального секса по достижении двенадцати… хотя нет, в этом случае правда нежелательна, пусть будет хотя бы пятнадцати лет.

Акцентуация демонизации церковью любви, отношений мужчины и женщины, а также священного женского начала и придуманная чушь первородного греха — то, на чем строилась наша предыдущая стратегия, должны остаться, но не в настолько большом объеме и не на первом плане. Сейчас действуем в парадигме: короли-мужчины Меровинги, преданные забвению переписанной церковниками историей. Это понятно?

— Понятно, госпожа, но ведь…

Адель вдруг что-то почувствовала и резко обернулась в сторону двери, из-за которой глухо раздавались голоса. Глухо, потому что охраняющие вход сотрудники стояли в коридоре отеля, с которым кабинет разделял просторный холл президентского люкса. Тут из-за дверей раздалось два едва слышных хлопка и сдавленные крики боли, резко оборвавшиеся. Девушка вскочила из-за стола, настороженно отходя к окну, вслед

за ней пятился Лавуазье, даже не заметив, как ладони Адель объяло магическое пламя.

В дверь коротко, но сильно постучались, и оттуда раздался знакомый голос де Варда:

— Госпожа Адель, разрешите войти?

— Заходите, — произнесла девушка, уже после того как дверь открылась, и в помещении появился де Вард, держа в руке пистолет.

— С вами желает поговорить госпожа Ребекка, — протянул бельгиец телефон девушки, снимая блокировку. Но едва глянул на экран, увидел, что отсутствует сигнал мобильной связи.

— В чем дело? — поинтересовался де Вард у Лавуазье. Секундная задержка — и черный зрачок дула уже смотрел на специалиста по связям с общественностью.

— Я не… меня просто попросили… — попытался было оправдаться Лавуазье, но сухо хлопнул выстрел — и обмякшая фигура грузно съехала со стула на пол.

— Тебя просто купили, — сдержанно произнес де Вард и обернулся к Адель: — Мадам, нам надо спешить. Прошу, пойдемте скорее, — взяв девушку под руку, бельгиец торопливо направился к выходу из номера. Двигаясь по коридору почти бегом, де Вард на ходу еще раз набрал телефонный номер.

— Госпожа, я ее нашел. Понял, уходим.

Глава 39. Адель

— Воу-воу-воу! — только и воскликнул я, когда Мартин свернул с уходящей в туннель под аэропортом магистрали и, ломая ограждение, выскочил по пологому холму к опоясывающей аэропорт дороге. Снеся простой проволочный забор, наш внедорожник пролетел через летное поле прямо к стоянке подготовленного к вылету «Гольфстрима».

Двадцать километров от Вильнев-д'Аска до бельгийского аэропорта в Кортрейке мы преодолели за несколько минут — не знаю, что сказала Ребекка Мартину, но машину он вел так, словно на кону стояла судьба мира. Впрочем, так оно и было — Адель слишком важная фигура, для того чтобы проверять во вспышке ядерного взрыва сможет ли она стать бессмертной.

Выскочив из внедорожника, мы со швейцарцем забежали в самолет. Мартин поинтересовался у пилотов о чем-то на французском — ответ я понял, потому что «к взлету готовы» летчик ответил на английском. После чего оба пилота очень быстро покинули кабину, а Мартин сам сел за штурвал. Стараясь не привлекать внимания, я опустился в кресло второго пилота.

Рулежка по полосе и быстрый взлет прошли словно мимо меня — внутри появилось эхо тяжелого и противного чувства, которого я испытывал перед тем, как Индия и Пакистан обменялись массированными ядерными ударами.

— Мартин, быстрее, — поторопил я не своим голосом. — Быстрее! — а это уже почти прокричал.

Тяжесть опасного эха мешалась с тем, что я ничего не мог сделать, находясь в зависимости от Мартина и от скорости попадания в Париж. Нам надо было пролететь около двухсот километров — и сейчас швейцарец выжимал из самолета все, что можно, забираясь под облака и разгоняя машину до тысячи километров в час.

Буквально через несколько минут Мартин вдруг вступил в активные переговоры — и несмотря на то, что отвечал он сдержанно, я чувствовал, что внутри у швейцарца бурлят эмоции.

Покрутив головой, я поискал глазами гарнитуру второго пилота, но, заметив, даже не стал надевать — все равно Мартин переговаривался на французском. Вдруг он повернулся ко мне и, сдвигая наушник в сторону, сообщил, скрывая напряжение:

— Небо над Парижем закрыто, и мы не сможем… — прервавшись, он выслушал что-то, потом повернулся ко мне: — Нам предлагают изменить курс. Если не подчинимся, нас…

Мартин не договорил, но я и сам увидел, как перед нами появился серый истребитель и, качнув крылом, начал закладывать пологий вираж, вынуждая нас отклониться с курса.

Быстрый взгляд на карту, и решение пришло само.

— Все, я вышел, — благодарно похлопал я швейцарца по плечу. Серия глубоких вдохов, нагоняющая энергию в доспех духа — и почти сразу яркая ультрамариновая вспышка скачка телепортации перед глазами.

Ветер засвистел в ушах, а меня невероятным образом закрутило в падении. Успев увидеть блики солнца на борту уходящего в вираже прочь от Парижа «Гольфстрима» и изменившего курс истребителя, я смог обернуться к земле.

Крыльев в это раз со мной не было, поэтому я падал словно летящий с трамплина лыжник, подруливая руками и ногами. Земля понемногу приближалась — и, оценивая оставшееся расстояние до Парижа, я вдруг понял, что совершил ошибку — мы преодолели едва больше полутора сотен километров. Даже если получится обратиться в пса, не думаю, что он может передвигаться со скоростью ягуара. Если же я в стиле ГТА заберу у кого-то машину, потребуется минут тридцать — а это много, слишком много. Не успеваю — только и успел подумать, как увидел на магистрали решение проблемы.

Мотоцикл, в отличие от машины, я умел водить — и достаточно неплохо. Приземляясь с помощью левитации перед спортбайком, надеялся, что мотоциклист остановится — агрессивно ссаживать его не хотелось. Но байкер к частью притормозил — что в общем-то неудивительно, если прямо перед тобой на магистрали падает с небес человек.

Прекратив левитировать, я упал с нескольких метрах на дорогу, даже не обращая внимания на пошедших в разные стороны юзом машин с ошалелыми от происходящего водителями, и подбежал к мотоциклу. Байкер приподнял защитное стекло, глядя на меня, как вдруг повернул руль и переключил передачу — явно намереваясь объехать меня и скрыться, потому что мое внимание ему явно не понравилось. Однако скользнув в замедленном времени, я уже оказался рядом и перехватил непривычно тонкое запястье. За рулем сидела девушка — когда я схватил ее за руку, она коротко и испуганно вскрикнула.

О том, что девушка, мог бы догадаться сам — байк был белым с розовым рисунком в виде белой кошечки с красным бантом.

— Привет, мне нужен твой мотоцикл, — резко шагнул я вперед, так что девушка, увидев мой полыхнувший огнем взгляд,

отшатнулась и выпрыгнув из седла, едва не упала, с трудом удержав равновесие. Я запрыгнула на байк, который владелица не заглушила, примериваясь к управлению и приноравливаясь к рычагу переключения передач и тормозам.

— Моя одежда, черт тебя дери, не нужна случаем? — вдруг с вызовом выругалась девушка и вновь отшатнулась, когда я посмотрел на нее горящими глазами. Мотоциклистка была в обтягивающих джинсах с защитой поверх и усиленной вставками кожаной крутке.

— Сейчас нет, — покачал я головой, переключая передачу и отжимая ручку газа. Байк с удивительной силой рванулся вперед — так что до меня донеслось только разорванное в клочья эхо ругательств лишенной мотоцикла девушки.

Пейзаж по сторонам растянулся словно во временном скачке — переключая передачи, я все увеличивал скорость, работая корпусом и обходя немногочисленные машины. Мотоцикл прекрасно слушался руля и был несравним легкостью управления с теми, на которых я учился ездить. Стрелка спидометра уже давно пересекла отметку в двести километров в час, а мотоцикл продолжал набирать скорость.

Внутри у меня по-прежнему сгущалось тяжелое чувство неотвратимой опасности — я ощущал, как утекают секунды, понимая, что если успею — это будет настоящим чудом. Лавируя в потоке машин, несколько раз замедляя время, чтобы избежать аварии, я пронесся по магистрали и уже через несколько минут был в предместьях Парижа, проезжая стандартные для любого мегаполиса гипермаркеты вдоль трассы — даже названия одни и те же, виденные мною недавно в Москве и Екатеринбурге.

После указателя к аэропорту машин стало значительно больше — и все мое внимание теперь приковывала дорога. Несколько раз я видел мелькание сирен, но не слышал их звуков — все глушил встречный поток ветра, от которого я прятался, прижавшись к мотоциклу, практически слившись с мощной машиной.

Выдерживая направление по наитию, я продолжал лететь по трассе, лишь немного сбросив скорость — до двухсот километров в час. Магистраль уже зашла в городскую черту — по сторонам мелькали росчерками изукрашенные рисунками и надписями граффити стены, траффик стал гораздо плотнее — и передо мной возникла пробка. Не снижая скорости, я влетел в проем между двумя рядами, даже не чувствуя, как крошатся пылью осколков зеркала машин. Вдруг передо мной возникло крыло перестраивающегося автомобиля, миг — и время замерло, останавливая свой бег. Понимая, что пытаться увернуться

бесполезно, я просто вытянул левую руку, и сорвавшийся с ладони файербол снес с дороги машину за миг до того, как я в нее врезался. Отброшенный взрывом седан закрутился на месте, как юла, а я летел дальше.

Пробка закончилась, магистраль повела в сторону — правее от центра города. Я еще немного снизил скорость, понимая, что просто ухожу в неверном направлении и могу банально миновать город по кругу. Но увидев один из указателей к центру города, понял, что все же двигаюсь правильно. И практически сразу трасса виадуком поднялась над землей, полого поворачивая налево. Подо мной мелькнула река, а слева показался огромный футбольный стадион.

Магистраль превратилась в четырехполосное шоссе, сжатое в бетонном желобе, огораживающем его от городских кварталов. Мелькнуло несколько многоэтажек, вновь поток уплотнился, собираясь в пробку перед ближайшим перекрестком. Я уже не старался лавировать между машинами, просто несся прямой стрелой между рядов — надеясь на то, что моя авантюра не закончится прямо сейчас прямым столкновением.

Дорога вильнула в туннель, мимо пронеслись кварталы, напоминающие спальные районы Красноярска, и шоссе вдруг оказалось в центре развязки, а движение машин остановилось. По-прежнему выдерживая прямое направление, я залетел на двухполюсную дорогу — вновь лишив зеркал и спокойствия полсотни машин и водителей, и оказался на расширившемся до нескольких полос шоссе.

И тут же беззвучно выругался — впереди был плотно забитый перекресток. Все, что я смог сделать в моменте остановившегося времени, зажмуриться — понимая, что просто физически не могу отвернуть.

Каким образом это произошло я не понял, но байк подо мной так же оказался защищен доспехом духа — потому что я проехал сквозь две фуры, смяв паллеты с мороженым вместе с кузовом первой и оказавшись среди взорвавшейся пеной газировки во второй. Это был первый и единственный столь крупный перекресток на моем пути — сразу после потянулись кварталы старого города, и на сузившейся дороге я просто поставил колесо на разделительную полосу.

Двигался я не со скоростью звука — поэтому отражающийся от стен рев двигателя обгонял меня, заставляя водителей насторожиться, а пешеходов заранее прянуть по сторонам. Разбегались по сторонам все, кроме группы раздолбаев школьников, ближайшим из которых была юная чернокожая девушка в огромных наушниках — которая обернулась в

последний миг. Я успел увидеть ее расширившиеся глаза, и машинально, на инстинктах, с силой рванул мотоцикл вверх. Дорога вдруг отдалилась — я поднялся ввысь, перелетая через замершую на переходе группу подростков и, мелькнув росчерком над перекрестком, врезался в окно второго этажа над витриной ресторана.

Спальня, холл, прихожая, лестничная клетка, прихожая, вновь гостиная — под грохот пробиваемых стен я пролетел дом насквозь. И замедляясь, отпустил искореженный мотоцикл, который с грохотом прокатился по полу обставленной в викторианском стиле комнаты и выпал на улицу с открытого балкона. Бросив короткий взгляд на обомлевшую пожилую пару с бокалами белого вина, я вышел в открытое окно следом за мотоциклом и спрыгнул на мостовую.

— Где Эйфелева башня? — спросил я первого попавшегося под руку прохожего.

Невысокий француз обомлел, потеряв дар речи.

— Вот это п-прикол, — на чистом русском раздалось рядом.

Обернувшись, я увидел двух туристов — парень глядел на мотоцикл, раскрыв рот, а его девушка уже снимала происходящее на мобильный.

— Где Эйфелева башня, в какой стороне?

— Т-так это, вон м-метро, — парень чуть заикался — или по жизни, или только сейчас, от волнения. — С-станция…

— Пройти, а не проехать! — рявкнул я.

— Т-т-так это, по улице до речки и на п-п-право, — махнул рукой парень и вдруг вгляделся в мой герб на униформе, а после перевел взгляд на лицо. — Так это, я т-т-тебя знаю, т-т-ты Е… е…

О том, что я Евгений Воронцов, сказать неизвестный русский турист не успел — я упал на четыре лапы и помчался в указанную сторону. Уже на ходу понимая, что был неправ насчет скорости ягуара — в теле пса я смог развить необычайную прыть.

Оказавшись на берегу Сены, повернул направо и помчался по зеленой набережной, на которой было удивительно мало машин. Преодолев несколько километров, увидел на другом берегу знакомый силуэт башни и, пробежав через мост, напугав водителей, оказался на Марсовом поле.

Сердце уже билось в горле, а меня заполонило чувство неотвратимой беды — предчувствуя катастрофу совсем рядом, я понимал, что счет уже идет на секунды. Пролетая мимо отшатывающихся людей, я вспоминал и испуганную девушку подростка, и русских туристов, подсказавших мне дорогу, понимая, что все они сейчас умрут.

Адель стояла под Эйфелевой башней — она даже не увидела,

а почувствовала мое приближение, побежав навстречу. Многоголосый вздох изумления раздался, когда я, превратившись обратно в человека, прокатился по дорожке и, вскочив на ноги, оказался в объятиях девушки.

— Ты пришел, — улыбнулась Адель, глядя мне в глаза.

— Успел, — кивнул я, с трудом переводя дыхание. И оглянулся по сторонам, видя, как вокруг нас собирается полукругом толпа.

— Держись рядом, я попробую тебя прикрыть, — негромко произнес я.

— Только меня? — ровным голосом спросила Адель и осмотрелась по сторонам.

— Я… я не настолько… — не нашелся сразу я, что сказать.

— Я погуглила, ядерный взрыв — это огонь в чистом виде. Ты можешь забрать его энергию, — произнесла Адель, сжимая мою руку. Опустив взгляд, я увидел на ее запястье браслет из комплекта доспехов Афины.

— Могу только попробовать, — торопливо ответил я, — но во-первых я не знаю, как это сделать технически за доли секунд, не знаю, получится ли, и не знаю, получится ли у меня защитить тебя…

— Мне нужна энергия стихии, — лег пальчик мне на губы, прерывая.

— Вода, — едва слышно произнес я, не совсем понимая, о чем речь.

— Копье, — одновременно со мной сказала Адель. — Мне нужна твоя энергия, чтобы вытащить сюда копье.

Афина, которая по легенде воткнула копье в землю на месте силы, откуда забил источник с водой — вспомнил я вдруг озарением историю, взявшись за предплечья француженки и мягко отдавая ей энергию. Адель пронзительно вскрикнула от боли — но, закусив губы, вытянула руку, в которой постепенно начало появляться, материализуясь, божественное копье.

Девушка заставила меня взяться за него левой рукой, и резко воткнула его в асфальт, брызнувший в стороны, как от направленного взрыва.

— Все, — произнес я за миг до взрыва, уже не глядя на копье — чувствуя, как внутри словно порвалась струна.

— Верь мне! — пронзительно закричала Адель — и, вместо того чтобы оставить защитную сферу, я зачем-то обернулся в сторону яркого всплеска опасности. В ладони будто сама собой появилась рукоять огненного хлыста, и я взмахнул в сторону вспыхнувшего неподалеку — в каком-то километре — огненного шара взрыва. Многократно увеличивающийся кнут росчерком

огненной плетки рванул к средоточию огня, а меня вдруг словно пронзило разрядом невиданной силы — я почувствовал, как сквозь тело проходят немыслимые потоки энергии.

Силы огня было настолько много, что недавний случай — когда растворил в ладони цепь Хроноса, в сравнении показался бы комариным укусом. Разница была словно между обычным пожаром и извержением вулкана — но сейчас, как в прошлый раз, сознание меня не покидало, а энергия проходила насквозь, заставляя кричать от нестерпимой боли.

Через миг — а может быть, вечность, поток силы прекратился, и перед глазами наконец упала серая пелена.

Глава 40. Ребекка

Запись с мобильного телефона дрожала, наполненная паническими криками, но неизвестный оператор продолжал держать фокус на Адель и Джессе, вокруг которых клубилось магическое сияние.

Строгая черно-золотая униформа Джесса контрастировала с легким белым платьем Адель — и, как отметила Ребекка, пара выглядела вместе невероятно органично и красиво. Особенно учитывая ту мощь, которая пульсировала вокруг молодых людей.

Джесс, протянув руку в сторону взрыва, тянул через плетку цепного хлыста энергию огня, держась за воткнутое в землю копье. Ребекка, то и дело останавливая видео, с интересом смотрела, как стихийная энергия уходила в землю и возвращалась к Адель — которая, вскинув правую руку, мгновенно закрутила в небесах водяной смерч, расширившийся до огромный размеров — закрывая сначала всю Эйфелеву башню, а после и большую часть Марсова поля.

Само видео момента взрыва было коротким — Ребекка пересматривала его неоднократно. И прокрутив в последний раз, как фигура Джесса превращается в прах, сгорев в энергии огня невиданной силы, вернулась к другим вкладкам браузера, где были прямые трансляции ведущих новостных телеканалов. И практически на всех демонстрировался Париж — многочисленные любительские кадры, в том числе из только что просмотренного видео, комментарии экспертов, причем практически в каждой передаче фоном демонстрировалось видео со спасающей Париж Аделью. В одной из студий присутствовала и сама девушка — с поистине царственной грацией отвечая на вопросы ведущих. За спиной ее маячил настороженный Мартин, который после произошедшего по приказу Ребекки не отходил от Адель ни на шаг, будучи ответственным за поддержание связи с девушкой.

И лишь на одном из каналов демонстрировалась сборка видео с мчащимся по городу мотоциклом в розовой раскраске. Сразу после эпического полета которого через группу подростков на перекрестке на экране появилась интервьюируемая владелица байка, эмоционально рассказывающая о том, как спустившийся с небес незнакомец отнял у нее мотоцикл. Послушав немного девушку, в голосе которой мешались восторг и возмущение — по поводу того, что этот бешеный русский мог бы и объяснить, что едет помогать принцессе спасать Париж, — Ребекка перешла к следующему каналу. Здесь транслировался вид на город с высоты

птичьего полета. Было видно, что взрыв нанес французской столице серьезные разрушения: по городским кварталам северо-западных округов словно прошлась адская плеть, бессильно остановившись у берега реки, которая взметнулась огромной стеной, после того как до ее вод добрался сотворенный Адель смерч. Он и не пустил в центр города взрывную волну, которая была гораздо слабее, чем у зарядов подобного класса — из-за того, что большую часть энергии забрал через себя Джесс.

Откинувшись в кресле, Ребекка закрыла глаза и закусила губу. Вдруг она, словно приняв серьезное решение, потянулась к мобильному телефону и быстро набрала сообщение для Адель. А подумав еще чуть-чуть, написала Воронцову.

Глава 41. Сакура

— Знаешь, как это называется? — поинтересовалась Юлия, поворачивая к собеседнице экран смартфона, на котором была открыта лента телеграмм-канала с горячими материалами.

Сил для того чтобы ответить испуганная до ужаса пленница найти не смола.

— Это называется публикация материалов, порочащих честь и достоинство, — помогла ей Юлия и вдруг бросила в собеседницу телефон. Тонкий смартфон попал Дженни в лицо — та вскрикнула от боли, отшатываясь, — насколько позволяло ее положение привязанной к стулу в центре пустой комнаты.

Юлия, уже не в силах сдержать эмоции, подскочила ближе, ударив беззвучно охнувшую сестру ногой, а после схватив ее за волосы, бросила на пол. Дженни завизжала от страха и боли — в руках у Юлии остался клок ее волос. Орлова снова прыгнула вперед, намереваясь избивать сестру ногами.

Не успела — я оказался рядом и, обняв Юлию, оттащил ее от поскуливающей от страха и боли сестры.

— Тихо, тихо, — погладил я Юлию по волосам и добавил: — Не порти… то, что принадлежит тебе.

— А еще это называется предательство, — едва сжав мое плечо, бросила девушка, едва не плюнув на лежащую сестру. Удержалась она только оттого, что перед ней было ее будущее тело, которое уже сегодня вечером должно поменять владельца.

— Успокоилась? — негромко произнес я прямо в ухо Юлии.

— Да, спасибо, — также едва слышно ответила она. — Все в порядке, можешь идти… по своим делам.

— Ну спасибо, дорогая, — усмехнулся я, почувствовав эмоции Юлии.

Оставив ее наедине с сестрой — если не считать троих охранников и находящуюся поблизости Софью, я вышел и направился дальше по коридору.

Вчера — когда пришел в себя на излучине реки рядом с раскинувшимся расщепленным молнией дубом, первое время даже не мог понять, что произошло. И не сразу смог вспомнить, как и почему здесь оказался — настолько сильным было потрясение разума и тела от принятой и пропущенной через себя энергии ядерного взрыва.

Понемногу приходя в себя, находясь словно в полупьяном состоянии, я искупался, полежал на травке и только после этого пешком отправился в сторону Первомайского, даже не

догадавшись открыть куда-либо портал.

Наверное, мне это было нужно — побыть наедине с собой — мой разум словно поставил барьеры, защищая от подступающего безумия. Ведь о том, цела Адель или нет, я даже не вспомнил сразу — последние несколько месяцев жизни словно выпали у меня из памяти.

Пройдясь и вернув ясность мыслям, открыл портал ведущий в Вильнёв-д'Аск я в тот самый момент, когда на проселочной дороге появился Федор на тракторе. Шагнув в светящийся овал я подумал о том, что психика мужчины явно в опасности.

Появившись в Сфере, я — к счастью, по телефону — узнал о себе много нового. От Ребекки, а после и от Юлии — потому что не найдя меня в Новых Мирах на точке воскрешения цитадели, гони обе не знали, что и думать. Зато я немного разгрузился — после недавнего возрождения в первом отражении внутри была удивительная легкость и спокойствие.

В кармане завибрировал телефон — и, глянув на экран, я увидел сообщение от Ребекки.

«Свадьба послезавтра».

Открыв тяжелую дверь, я зашел в номер, переоборудованный в камеру для Сакуры. Девушка при моем появлении поднялась и замерла. Тонкая, прямая, удивительно грациозная. Подойдя ближе, я всмотрелся в зеленые глаза, казавшиеся неестественно яркими и огромными на осунувшемся бледном лице.

Некоторое время мы стояли, глядя друг на друга, после чего Сакура приветственно кивнула.

— Мне сказали, ты пыталась убить себя, — утвердительно произнес я.

Японка комментировать не стала, едва заметно поведя плечами.

— Еще внутренний голос мне твердит, что про влюбленность ты не врала, — снова сказал я.

И вновь Сакура кивнула — в этот раз ее плечи поникли, а сама она на миг утратила горделивую осанку. Но лишь на краткий миг.

— Знаешь, я сначала хотел спросить, в чем причина предательства. Но потом… подумал и понял, предательства ведь как такового не было. У нас друг перед другом не было никаких обязательств, убитый мною Токугава твой родственник…

— Нет.

— Что нет?

— Не родственник. Он был моим женихом.

— Вот как? — удивился я, но, обдумав услышанное, продолжил: — Тем более, жених. О том же, что ты засланный

казачок…

— Кто?

— Прости, — вспомнил я что русский Сакуры не идеален и пояснил: — О том, что ты агент, специально внедренный в русскую цитадель, знали абсолютно все. Причем знали и о том, что все другие знают. Все кроме меня, конечно — я просто об этом не думал, некогда было. И то, что тебя подпустили близко ко мне в критический момент — просто ошибка. Банальная ошибка, которая стоила мне жизни.

Сакура едва заметно вздрогнула, но вновь промолчала.

— Знаешь, сначала я хотел спросить, действительно ли ты готова убить себя, потеряв смысл жизни. Ты бы сделала это?

— Да.

— Когда ты бы совершила харакири…

— Сэпукку, — на миг подняв взгляд, поправила меня Сакура.

Для меня разницы не было — но судя по эмоциям девушки, которая сейчас была полностью открыта, а не умело закрывалась как в прошлый раз, когда пришла меня убивать, — разница в определениях была существенна.

— Когда ты бы совершила сэпукку, я намеревался подождать, пока ты умрешь, а после попросить бригаду реаниматологов вернуть тебя к жизни и только после этого поговорить.

— Зачем? — с нескрываемым интересом поинтересовалась Сакура.

— Для того чтобы выжить на том уровне, куда мне довелось попасть, необходимо уметь в нужные моменты быть беспринципным подонком. У меня этого пока не получается, но нужно тренироваться — я не хочу закончить, как Нед Старк.

— Кто такой Нед Старк? — спросила Сакура.

Щеки ее покрылись румянцем — сейчас, общаясь со мной, она словно возвращалась к жизни. Хотя именно ответ на этот вопрос ее явно не интересовал. Отвечать я и не стал, продолжив развивать мысль:

— Представляешь, только вчера рассказывал одной… знакомой, что правитель должен быть великодушным, даже если не получается приобрести любви. Но ведь… ненависти ко мне у тебя точно нет.

Сакура чуть приоткрыла рот, собираясь мыслями, но не зная, как сформулировать их на не совсем знакомом языке. Однако я даже не стал слушать:

— В ближайший месяц я отправляюсь воевать с молодыми богами из Империи Атцтлан в Калифорнии. Мне хотелось бы, чтобы ты была со мной. После того как мы вернемся из Америки, я готов помочь тебе вернуть силу и влияние в Японии.

— На выжженном радиацией острове? — едва улыбнулась Сакура.

— Если весь мир не сгорит в труху, то часть Китая по итогам войны отойдет твоим соотечественникам, которые за последние дни расширили свои территории в провинции Гуанчжоу, — судя по взгляду японки, об этом она не знала.

— Пойдем, тебе надо привести себя в порядок, — взял я девушку за руку и потянул за собой к выходу.

Пришел черед быть великодушным. Ведь в том, чтобы исполнять беспринципного подонка, я уже сегодня потренировался — когда подтвердил приказ о ликвидации младшего Саяна. Смертный приговор которому был вынесен лишь оттого, что он сын своего отца, с которым мы были не в очень хороших отношениях.

Глава 42. Новый уровень

Свадьба проходила во франкоязычном регионе Бельгии, в совсем небольшом католическом костеле неподалеку от Шарлеруа. Но гостей было столько, что все едва поместились под высокими сводами. И большинство — за исключением десятка человек в парадной форме цитадели Эмеральд и сопровождающего Леру капитана Волкова, были мне незнакомы — это оказались приглашенные гости и родственники со стороны невесты. Среди которых, чуть погодя я увидел Габриэллу в сопровождении Кайгородова в сером мундире, а с небольшим опозданием прибыл и сам магистр тамплиеров.

Адель была в изумительно красивом белоснежном платье, которое органично смотрелось с массивными золотыми браслетами богини Афины. Глядя в блестящие глаза девушки, я думал о тысяче вещей сразу, но на первый план выходили мысли о том, что Клеопатра только с моей помощью избавилась от божественных доспехов. И если Адель все то время, что прошло после Королевской Битвы, не расставалась с атрибутами Афины, это ведь может быть… опасно?

Юлия, вопреки традиции, тоже была в белом платье — ее появление в подобном наряде вызвало многочисленные пересуды, причину которых я узнал, когда словно невзначай оказавшаяся рядом Лера шепнула мне на ухо, что по неписанным правилам только одна женщина сегодня может быть в белом.

Сама же невеста выглядела сногсшибательно. Золотые локоны, собранные в простую на первый взгляд прическу, падали на оголенные плечи, белизна которых была подчеркнута оборками усыпанного бриллиантами платья, стянутого в таллии корсетом, что что виднеющаяся в вырезе грудь притягивала взгляд даже под фатой. Которую поддерживали двое маленьких, похожих на ангелочков девочек, а еще несколько идущих следом детей раскидывали лепестки роз.

Пока невеста двигалась по проходу, ведомая к алтарю де Вардом, который неожиданно оказался ее дядей, я думал о том, как завершится наш недавний разговор с Юлий и Ребеккой — в котором обе, по их же словам, намеревались сегодня поставить точку.

Между тем де Вард уже подвел мою суженую к алтарю, и священник начал обряд. Все еще поглядывая на золотые браслеты Адель, я раздумывал о возможном влиянии силы богини на разум француженки, понимая, что с этим надо что-то делать, причем

незамедлительно. Мысли об этом постепенно выходили на первый план, и на вопросы священника я отвечал машинально. И только когда пришло время произносить текст клятвы — заученный мною на французском, — наконец осознал где и зачем нахожусь.

Амалия Кристина Ребекка Луиза Роз-Мари заметила мое невольное волнение и смущенно улыбнулась из-под фаты, глядя на меня блестящими от волнения глазами.